

Иван Алексеевич Бунин

Бунин в своих дневниках

Содержание

#1.....	0006
1.....	0007
2.....	0009
#4.....	0018
3.....	0021
4.....	0041
5.....	0049
ДНЕВНИКИ.....	0051
#1.....	0051
1881.....	0051
1885.....	0052
#4.....	0058
1886.....	0061
1888.....	0063
1891.....	0064
1893.....	0064
1894.....	0065
1895.....	0067
1896.....	0069
1897.....	0071
1898.....	0073
1899.....	0075
1900.....	0075
1901.....	0076
1902.....	0078

1903	0080
1905	0082
1906	0092
1907	0094
1908	0104
1909	0105
1911	0107
1912	0122
#26	0124
#27	0126
1913	0145
1914	0146
1915	0151
1916	0161
1917	0177
1918	0253
1919	0256
1920	0279
1921	0280
1922	0295
1923	0314
1924	0318
1929	0321
1931	0322
1932	0326
1933	0327
1934	0336
1935	0337

1936	0339
1937	0343
1938	0344
1939	0345
1940	0345
1941	0403
#52	0432
1942	0468
1943	0497
1944	0511
1945	0527
1946	0531
1949	0532
1951	0532
1953	0533

Иван Алексеевич Бунин

Бунин в своих дневниках

Молчат гробницы, мумии и кости.
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.
И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный – речь.
7.1.15.

Писательница и последняя любовь Бунина Галина Кузнецова рассказывает в своей книге "Грасский дневник":

"Зашла перед обедом в кабинет. И(ван) А(лексеевич) лежит и читает статью Полнера о дневниках С. А. Толстой. Прочел мне кое-какие выписки (о ревности С. А., о том, что она ревновала ко всему: к книгам, к народу, к прошлому, к будущему, к московским дамам, к той женщине, которую Толстой когда-то еще непременно должен был встретить), потом отложил книгу и стал восхищаться:

– Нет, это отлично! Надо непременно воспользоваться этим, как литературным материалом... "К народу, к прошлому, к будущему..." Замечательно! И как хорошо сказано, что она была "промокаема для всех неприятностей!"

А немного погодя:

– И вообще нет ничего лучше дневника. Как ни описывают Софью Андреевну, в дневнике лучше видно. Тут жизнь, как она есть – всего насовано. Нет ничего лучше дневни-

ков – все остальное брехня!" (запись от 28 декабря 1928 года).

Конечно, категоричность этого (как и многих иных) утверждения объясняется обычной страстностью Бунина. Но верно и другое: дневник как способ самовыражения он ценил необычайно высоко и недаром сам писал:

«...дневник одна из самых прекрасных литературных форм. Думаю, что в недалеком будущем эта форма вытеснит все прочие" (запись от 23 февраля 1916 года).

И вот перед нами бунинские дневники, охватывающие более семи десятилетий его жизни.

От полудетской влюбленности пятнадцатилетнего юноши в гувернантку соседа-помещика Эмилию Фехнер и до последних, предсмертных ощущений и мыслей ведет, правда, с большими перерывами, Бунин книгу своего пребывания на земле. Замкнутый, можно даже сказать, всю жизнь одинокий, редко и трудно допускавший кого-либо в свое "святая святых" – внутренний мир, Бунин в дневниках с предельной искренностью и исповедальной силой раскрывает свое "я" как человек и художник, доверяет дневникам самые заветные мысли и переживания. Он выражает в них свою преданность искусству, выявляет высочайшую степень своей слиянности с природой, остро, почти болезненно чувствуя ее, ее красоту, увядание, возрождение, говорит о муках творчества, о предназначении человека, тайне его жизни, выражает собственное страстное жизнелюбие и протест против неизбежности смерти. Это и замечательный, с контрастными светотенями, автопортрет, и "философский камень", погружаю-

ций читателя в глубины бунинских замыслов, и свидетельства зоркого пристрастного очевидца исторических событий (переданных в резко субъективных тонах), и стройная эстетическая программа.

Дневники дают нам – с невозможной ранее полнотой и достоверностью полученное "из первых рук" представление о цельном мироощущении Бунина, доносят непрерывный, слитый воедино "восторг и ужас бытия", наполненного для него постоянными "думами об уходящей жизни" (запись от 21 августа 1914 года). Его возмущает отношение к жизни и смерти на уровне спасительного эгоистического инстинкта, которым в большинстве своем довольствуется в своих трудах и днях человек, его "тупое отношение" к смерти. "А ведь кто не ценит жизни,- пишет он там же,- животное, грош ему цена".

Очень многие записи по сути своей – отдельные и законченные художественные произведения, с собственным сюжетом, композицией и глубоким внутренним смысловым наполнением, в редкостной для Бунина крайне исповедальной форме. Например, за-

пись от 27 июля 1917 года. Она открывается опорной фразой: "Счастливым прекрасным днем". Кажется, именно об этом – о счастье, о красоте бытия и пойдет речь. Но то лишь вступительный мажорный аккорд. Вся же запись словно небольшое симфоническое произведение, как и полагается этому жанру, трехчастное. Лирическая, спокойная – первая часть, – умиротворяющий, простой старинный быт, смирение с неизбежностью ухода из жизни, подобно сонму предшествующих, ставших "только смутными образами, только моим воображением", которые, однако, "всегда со мною, близки и дороги, всегда волнуют меня очарованием прошлого". Затем картина роскошной летней природы, радостный и яркий солнечный свет, густота сада, отдаленные крики петухов, – все, что понуждает Бунина еще острее ощутить краткость и бедность человеческой жизни вообще (лейтмотив всех дневниковых записей). Слышна песенка девочки трогательной в своей малости кухаркиной дочки, которая "все бродит под моими окнами в надежде найти что-нибудь, дающее непонятную, но великую радость ее бедному

существованию в этом никому из нас непонятном, а все-таки очаровательном земном мире: какой-нибудь пузырек, спичечную коробку с картинкой". Эта, вторая часть, идет весело, оживленно, хотя уже подступают мерно торжественные звуки вечности – все проходит: "Я слушаю эту песенку, а думаю о том, как вырастет эта девочка и узнает в свой срок все то, что когда-то и у меня было,- молодость, любовь, надежды". И вдруг мрачно, торжественно-тяжело – переход к Тиверию, жестокому и страшному тирану, Цезарю ("Почему о Тиверии? Очень странно, но мы невольны в своих думах"). Какой перелет воображения! Тиверий близок и понятен Бунину, как вот эта бедная девочка, ибо жил он "в сущности очень недавно,- назад всего сорок моих жизней,- и очень, очень немногим отличался от меня...". Под окном бродит, напевая, кухаркина дочь, а Бунин пишет: "Вижу, как сидит он в легкой белой одежде, с крупными голыми ногами в зеленоватой шерсти, высокий, рыжий, только что выбритый, и щурится, глядя на блестящий под солнцем, горячий мозаичный пол атрия, на котором лежит, дремлет и

порой встряхивает головой, сгоняя с острых ушей мух, его любимая собака..." Вступает третья часть, тема человеческой истории, далекого и вдруг очень близкого прошлого.

Тема эта, тема Тиверия, жила в Бунине, кстати, еще тридцать лет, пока в рассказе "Возвращаясь в Рим..." он не поставил точку: "Перед смертью он отправился в Рим. По пути остановился в Тускулуме,- испугался: его любимая змея, которую он всегда возил с собою, была съедена муравьями... Цезарь очнулся, спросил косноязычно: "Где перстень?" Калигула трясся от страха. Макрон бросил на лицо Цезаря одеяло и быстро задушил его". Но это будет написано, в лапидарной пушкинской стилистике, в 1936 году, а в дневниковой записи Бунин от Тиверия вновь возвращается к тому, с чего он начал: красота летней природы – перед дождем; начало ливня; дождь до утра, внезапно напомнивший "детство, свежесть и радость первых дней жизни".

Это выглядит умиротворяющим эпилогом, несущим пусть временное, но забвение жгучих мыслей о происходящем там, в Петрограде семнадцатого года, да и по всей вздыблен-

ной России, которую очень скоро один советский писатель, уже с другого берега огненной реки, назовет: "Россия, кровью умытая". И подчеркнута холодная концовка: "Опять прошел день. Как быстро и как опять бесплодно!"

Скрытая сюжетная пружина сжимает начало и конец – два полюса: счастливо, прекрасно – и безвозвратно утеряно, бесплодно. Разве не законченное произведение? Но что перед нами? Рассказ? Нет, нечто большее, объёмнее, что рассказу недоступно уже в силу условности сложившейся литературной формы. Вспомним, как резко протестует Бунин против этой условности, например, в этюде-размышлении 1924 года "Книга": "А зачем выдумывать? Зачем героини и герои? Зачем роман, повесть, с завязкой и развязкой? Вечная боязнь показаться недостаточно книжным, недостаточно похожим на тех, что прославлены! И вечная мука – вечно молчать, не говорить как раз о том, что есть истинно твое и единственно настоящее, требующее наиболее законно выражения, то есть следа, воплощения и сохранения хотя бы в слове!" И кажется, лишь в дневнике Бунин

находит такие неожиданные смелые связи.

Свобода переходов, доступная, пожалуй, только сновидению, но, в отличие от него, несущая и генерализующую, скрепляющую идею. Тут и стихотворение в прозе, и философские ламентации, и неожиданно вписывающаяся в контекст грозного времени тень тирана Тиверия, и песенка маленькой девочки, все вместе. А ведь меньше трех страничек машинописного текста!

Что касается пейзажных картин в дневниках, то они подчас не уступают в изобразительной силе лучшим бунинским рассказам. Только, пожалуй, еще более настойчиво, чем в "чистой" прозе, проводится (на протяжении десятилетий!) контраст между величием и красотой природы и убожеством, грязью, нищетой, жестокостью, даже дикостью деревенского человека, глубоко прячущего и стесняющегося своих добрых чувств как чего-то потаенного, запретного.

Навестив 108-летнего Таганка, живущего в богатой крестьянской семье, Бунин с горечью отмечает: "И чего тут выдумывать рассказы – достаточно написать хоть одну нашу прогулку

ку". И вправду, "невыдуманное" страшнее написанного. В выросшем из этой "прогулки" прекрасном рассказе "Древний человек" (завершенном уже через три дня-8 июля 1911 года) трагизм все-таки смягчен "формой" пространными диалогами, художественными подробностями, тюканьем сверчка, появлением дымчатой кошки ("сбежала на землю – и стала невидима"). Здесь же, в дневнике, ничто не отвлекает от главного, все обнажено до степени телеграфной строки, извещающей о человеческой беде: сам Таганок – "милый, трогательный, детски простой" и – "Ему не дают есть, не дают чаю – "ничтожности жалеют"..."

В прекрасном мире, на прекрасной земле живут доведенные или доведшие себя до отчаянного положения люди – Лопата, оголтело пропивающий землю и мельницу, себя; отец бессмысленно убитого Ваньки Цыпляева ("Шея клетчатая, пробковая. Рот – спеченная дыра, ноздри тоже, в углах глаз белый гной") или тот мальчишка-идиот у Рогулина, который бьет конфоркой от самовара об стену "и с радостно-жуткой улыбкой к уху ее". И тут же: "Бор от дождя стал лохматый, мох на соснах

разбух, местами висит, как волосы, местами бледно-зеленый, местами коралловый. К верхушкам сосны краснеют стволами,- точно озаренные предвечерним солнцем (которого на самом деле нет). Молодые сосенки прелестного болотно-зеленого цвета, а самые маленькие – точно паникадила в кисее с блестками (капли дождя). Бронзовые, спаленные солнцем веточки на земле. Калина. Фиолетовый вереск. Черная ольха. Туманно-сизые ягоды на можжевельнике". И вот еще одно и немаловажное значение дневников. Оказывается, в них откладывались не только сюжеты, материал, подробности будущих рассказов и повестей (скажем, генеалогия душевно нездоровых бунинских предков, ставшая потом фабульной основой "Суходола"), но и выкристаллизовываются, отливаются почти готовые формулы для будущих стихотворных строк. Через одиннадцать дней после этой записи, 23 июля 1912 года, появляется стихотворение "Псковский бор", с его эффектной и уже знакомой нам концовкой:

*И ягоды туманно-сини
На можжевельнике сухом.*

Возвращаясь к одной из главных тем дневников Бунина – теме смысла жизни перед неизбежным приходом смерти, – следует сказать, что русский человек, русский крестьянин воспринимается им, однако, не просто через "тупое отношение" к тайнам бытия (прочитайте хотя бы такие бунинские рассказы, как "Худая трава", "Веселый двор"). Все было, конечно, гораздо сложнее и достойнее огромного бунинского таланта. Как отмечал один из зарубежных исследователей, "Бунин неоднократно, с какой-то нарочитой настойчивостью обращается к теме смерти в применении к русскому простому православному человеку – и останавливается перед ней в недоумении. Он останавливается перед общечеловеческой тайной смерти, не смея в нее проникнуть – но одновременно перед ним встает и другая тайна: тайна отношения к смерти русского человека. Что это – величие, недоступное его, писателя, пониманию – или

это варварство, дикость, язычество?"*.

Ответа на этот вопрос Бунин, кажется, так и не находит. Впрочем, вероятно, рационального, логического ответа и не может быть найдено. Однако жалкость человеческого прозябания вообще, несправедливость такой жизни, которая просто недостойна породившей ее природы,- неотступно волнует его. Отсюда мысль его распространяется дальше и выше, достигая размахов диалога со Вселенной, космосом, в трагическом, неразрешимом противоречии между вечной красотой земного мира и краткостью "гощения" в этом мире человека.

1 июня 1924 года в Грасе, на юге Франции, заносит в дневник: "Лежал, читал, потом посмотрел на Эстерель, на его хребты в солнечной дымке... Боже мой, ведь буквально, буквально было все это и при римлянах! Для этого Эстереля и еще тысячу лет ровно ничего, а для меня еще год долой со счета – истинный ужас! И чувство это еще ужаснее от того, что я так беспечно счастлив, что Бог дал мне жить среди этой красоты. Кто же знает, не последнее ли это мое лето не только здесь, но и во-

обще на земле!" Из одиноких, горестных и с годами, в изгнании, все обостряющихся размышлений, доверяемых дневникам, это прорывается в творчество, прорастает в такие шедевры, как, например, пронзительно исповедальный рассказ "Мистраль".

Дневники – и это, пожалуй, главное – дают нам как бы "нового" Бунина, укрупняя личность художника. В то же время они еще резче подчеркивают его бытовую, житейскую "неприкаянность". Он, дворянин с многовековой родословной, любивший вспоминать, что делали его предки в XVIII, а что-в XVII столетии,-вечный странник, не имеющий своего угла. Как ушел из родного дома девятнадцати лет, так и мыкал "гостем" всю жизнь: то в Орле, то в Харькове у брата Юлия, то в Полтаве среди толстовцев, то в Москве и Петербурге – по гостиницам, то близ Чехова в Ялте, то у брата Евгения в Васильевском, то у писателя Федорова в Одессе, то на Капри с Горьким, то в длительных, месяцами продолжавшихся путешествиях по белу свету (особенно влекомый к истокам древних цивилизаций или даже на мифическую прародину человечества), наконец, в эмиграции, с ее уже "узаконенной бездомностью", с уже повторяющимся трагическим рефреном:

"Ах, если бы перестать странствовать с

квартиры на квартиру! Когда всю жизнь ведешь так, как я, особенно чувствуешь эту жизнь, это земное существование как временное пребывание на какой-то узловой станции!" (запись в дневнике от 9 сентября 1924 года).

Дневники доносят нам отзвуки бушевавших в жизни Бунина страстей. Под датой 4 ноября 1894 года читаем: "бегство В.". В глухой, "запечатанной" форме Бунин говорит об окончательном разрыве с В. В. Пащенко (1870-1918), мучительный роман с которой оставил неизгладимый отпечаток в его душе, вызвал к жизни позднейший рассказ "В ночном море" (1924) и образ Лики в "Жизни Арсеньева". О силе и глубине этого чувства рассказывают многочисленные письма Бунина к любимому, старшему брату Юлию Алексеевичу ("Я приехал в орловскую гостиницу совсем не помня себя. Нервы, что ли, только я рыдал в номере, как собака, и настрочил ей предикое письмо: я, ей-Богу, почти не помню его. Помню только, что умолял хоть минутами любить, а месяцами ненавидеть. Письмо сейчас же отослал и прилег на диван. Закрою глаза –

слышу громкие голоса, шорох платья около меня... Даже вскочу... Голова горит, мысли путаются, руки холодные просто смерть! Вдруг стук – письмо! Впоследствии я от ее брата узнал, что она плакала и не знала, что делать" и т. д.). Против брака был решительно настроен отец Пащенко, считавший, что Бунин, человек без средств, без образования, без профессии, не создаст

* Зайцев Б. К. И. А. Бунин: Жизнь и творчество.- Берлин, 1935.-С. 76.

сных условий для дочери. Впрочем, и сама Пащенко, видимо, в прочности своего чувства не была уверена. Отношения тянулись, перемежаясь ссорами и разрывами, более четырех лет. 4 ноября 1894 года Пащенко покинула Полтаву, где они тогда жили с Буниным, оставив записку: "Уезжаю, Ваня, не поминай меня лихом". В следующем же году она вышла замуж за приятеля Бунина А. Н. Бибикова. Не поэтический ли отзвук этих событий мы найдем в известном стихотворении 1903 года "Одиночество":

Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила – и стал ей чужой.

Все-таки свет любви к Пащенко был для Бунина главной, всезатмевающей звездой; это подтверждается и признанием, единственным в его биографии: "мое чувство к тебе было и есть жизнью для меня". Преображенные продолжения чувства в творчестве были многообразны и неожиданны, вплоть до трагических переживаний Мити (повесть 1927 года "Митина любовь").

В конспект дневника за 1898 год Бунин заносит: "23 сентября – свадьба. Жили на Херсонск^{ой} улице, во дворе. Вуаль, ее глаза за ней (черной)". Речь идет о женитьбе Бунина на А. Н. Цакни (1879-1963). Когда, уже в 1932 году, в Грасе Галина Кузнецова расспрашивала его о Цакни, он рассказал, что "она была еще совсем девочка, весной кончившая гимназию, а осенью вышедшая за него замуж. Он говорит, что не знает, как это вышло, что он женился. Он был знаком несколько дней и неожиданно сделал предложение, которое и было принято. Ему было 27 лет"*.

Недоразумения и ссоры начались скоро. Бунин исповедуется (в 1899 году) своему брату Юлию Алексеевичу: "Буквально с самого моего приезда Аня

не посидела со мной и получасу – входит в нашу комнату только переодеться <...> Ссоримся чрезвычайно часто <...> Для чего я живу тут? Что же я за презренный идиот – нахлебник. Но главное – она беременна <...> Юлий, пожалей меня. Я едва хожу. Ничего не пишу, нельзя от гама и от настроения. Задавил себя, ноне хватает сил – она груба на самые мои горячие нежности. Я расшибу ее когда-нибудь. А между тем иной раз сильно люблю". От этого брака родился единственный сын Бунина Коля, умерший пяти лет после скарлатины. Можно подумать, что Анна Николаевна Цакни не могла оставить сколько-нибудь глубокого следа в бунинской душе. Но вот когда этот заведомо неудачный брак распался, как, оказывается, мучился Бунин, как тяжело страдал от чувства утраты! И вовсе не случайна неожиданная на первый взгляд запись от 17 сентября 1933 года (через тридцать три года после разрыва с Цакни!):

"Видел во сне Аню с таинственностью готовящейся близости. Все вспоминаю, как бывал у нее в Одессе – и такая жалость, что... А теперь навеки непоправимо. И она уже ста-

рая женщина, и я уже не тот". В. Н. Муромцева-Бунина не без оснований утверждает, что роковую роль в отношениях молодоженов сыграла теща Бунина и мачеха Анны Александровны Элеонора Павловна, которая испытывала к своему зятю тайную страсть...

10 апреля 1907 года новая запись: "отъезд с В«ерой» в Палестину". В жизнь Бунина вошла Вера Николаевна Муромцева (1881-1961), которая стала его добрым гением, ангелом-хранителем и верным другом. Этот брак уже иной: чувство и рассудок теперь уравновешены. Бунину, безусловно, нравится "его Вера", но он видит и другое: прекрасная дворянско-профессорская старомосковская семья; уютный особняк на Большой Никитской; сама невеста учится на естественном факультете Высших женских курсов. Современники в один голос говорят, что она была хороша собой, красотой несколько застывшей – в ней находили облик мадонны. Это же подтверждают фотографии и портреты. Но какова она была внутренне? Ровная, спокойная, рассудительная. Вот свидетельство друга Буниных писателя Б. К. Зайцева. 12 мая 1961 года он пи-

сал мне: "Вы, вероятно, знаете, что скончалась В. Н. Бунина, от неожиданно проявившейся сердечной болезни. Моя больная жена очень это тяжело приняла, они были приятельницами с юных лет, еще по Москве. В нашей квартире Вера и с Иваном Алексеевичем встретилась. Она была хорошая женщина, много добра делала, всегда была несколько вялая и малокровная, в молодости очень красивая, но всегда холодноватая".

Примечательно, что даже в тяжелый час Зайцев все же отмечает эту вот "вялость", "малокровность". "холодность" Веры Николаевны. Но быть может, как раз и предполагало для "судорожного" Бунина счастливый брак? В натуре ее кротость, чистота, способность к милосердию. Но еще и прямота, желание правды, достоинство, гордость. И холодноватость природная, о которой говорил Зайцев. Она будет спорить всю жизнь с бунинским прошлым, бороться с ним, с тенями Варвары Пащенко и Анны Цакни. Даже имя ему придумала, совсем к нему не идущее: "Ян" – "потому что ни одна женщина его так не называла". А потом придет опасность и другая, вполне жи-

вая, "материальная", в образе женщины, которая моложе ее на двадцать лет. И пожалуй, только те черты характера, о которых упомянул Зайцев, помогут ей выстоять, не потерять себя, остаться и – благодаря времени – победить. Но все это будет потом – через два десятилетия.

В конце 1920-начале 1930-х годов Бунин очень редко обращался к дневнику. Возможно, тому были особые причины. Но вот читаем запись от 10 марта 1932 года: "Темный вечер, ходили с Галиной по городу, говорили об ужасах жизни. И вдруг – подвал пекарни, там топится печь, пекут хлебы – и такая сладость жизни".

Об этой, последней страсти Бунина следует также рассказать, ибо она резко и сильно отразилась и на жизни, и на творчестве писателя. О Г. Н. Кузнецовой (1900-1976) сообщала советскому критику и

* Кузнецова Г. Грасский дневник.-Вашингтон, 1967.-С. 254.

писателю Н. П. Смирнову поэтесса И. А. Одоевцева в письме от 30 сентября 1969 года: "Постараюсь, правда, коротко, ответить на Ва-

ши вопросы об отношениях Бунина и Галины Кузнецовой. Сведения эти вполне достоверны – автор их бывший муж Галины, Д. М. Петров.

Летом 26-го года в Жуа-ле-Пэн Петров и Галина жили на одной даче с Модестом Гофманом – пушкинистом. Он и познакомил их на пляже с Буниным, и они стали часто купаться в море вместе с ним. Бунин отлично плавал, по словам Галины. "У Ивана Алексеевича такое сухое, легкое тело!" – рассказывала она мне.

Через две недели Петрову пришлось вернуться в Париж – он, юрист по образованию, был шофером в эмиграции. Галина захотела продлить свои каникулы и вернулась в Париж только через пять недель. И тут сразу пошли недоразумения и ссоры.

Петров очень любил Галину и был примерным мужем, всячески стараясь ей угодить и доставить удовольствие. Но она совершенно перестала считаться с ним, каждый вечер исчезала из дома и возвращалась все позже и позже. Однажды она вернулась в три часа ночи, и тут между ними произошло решитель-

ное объяснение. Петров потребовал, чтобы Галина выбрала его или Бунина. Галина, не задумываясь, крикнула:

– Конечно, Иван Алексеевич!

На следующее утро Петров, пока Галина еще спала, сложил свои чемоданы и уехал из отеля, не оставив адреса...

Петров носился с мыслью об убийстве Бунина, но пришел в себя и на время покинул Париж"*.

В письме от 6 февраля 1970 года И. В. Одо-евцева продолжила свой рассказ:

"Уехав из отеля, в котором Галина жила с мужем, она поселилась в небольшом отеле на улице Пасси, где ее ежедневно, а иногда два раза в день навещал Бунин, живший совсем близко.

Конечно, ни ее разрыва с мужем, ни их встреч скрыть не удалось. Их роман получил широкую огласку. Вера Николаевна не скрывала своего горя и всем о нем рассказывала и жаловалась: "Ян сошел с ума на старости лет. Я не знаю, что делать!"

Даже у портнихи и у парикмахера она, не считаясь с тем, что ее слышат посторонние,

говорила об измене Бунина и о своем отчаянии. Это длилось довольно долго – почти год, если я не ошибаюсь.

Но тут произошло чудо, иначе я это назвать не могу: Бунин убедил Веру Николаевну в том, что между ним и Галиной ничего, кроме отношений учителя и ученика, нет. Вера Николаевна, как это ни кажется невероятно – поверила. Но я не уверена, что действительно поверила. Поверила оттого, что хотела верить.

В результате чего Галина была приглашена поселиться у Бунина и стать "членом их семьи"***.

Кузнецова оказалась среди "подопечных" Бунина, молодых литераторов (Н. Рощин, а позднее – Л. Ф. Зуров, 1902-1971). И все же мы не можем согласиться с Одоевцевой до конца. Появление Кузнецовой, безусловно, нарушило семейное равновесие Буниных; атмосфера нервности, скрытой напряженности надолго воцарилась в их доме.

Отношения Бунина и Кузнецовой надолго стали предметом пересудов русской колонии Парижа. В своем обычном, светлом и юмори-

стическом духе упоминал об этом в письме ко мне от 24 февраля 1964 года Б. К. Зайцев, рассказывая о своей дочери Наталье Борисовне: "Раз были мы с ней вдвоем в театре (довольно давно, 7 лет я вообще нигде не бываю, читаю вслух больной жене и ухаживаю за ней). Так вот тогда дама одна увидела меня с Наташенькой в театре и говорит: "Хороши наши писатели! Нечего сказать. Бунин завел себе Галину, а этот вон какую подцепил". О том, как переживала все это время В. Н. Муромцева-Бунина, свидетельствует А. Бахрах: "Удочерение" (так этот акт официально назывался при поездке в Стокгольм за получением шведской премии) сравнительно немолодой женщины, скажем, далеко не подростка и ее внедрение в бунинскую квартирку было, конечно, тяжелым ударом по самолюбию Веры Николаевны, по ее психике. Ей надо было со всем порвать или все принять – другого выхода у нее не было"****. Она замкнулась, стала искать утешения в вере, в Боге.

Между тем постепенно чувство Кузнецовой к Бунину менялось, восхищенное отношение к замечательному писателю нараста-

ло, но человеческое, женское таяло. Однажды, когда Бунин получил очередную хвалебную статью о себе, она записала: "Странно, что когда Иван Алексеевич читал это вслух, мне под конец стало как-то тяжело, точно он стал при жизни каким-то монументом, а не тем существом, которое я люблю и которое может быть таким же простым, нежным, капризным, непоследовательным, как все простые смертные. Как и всегда, высказанное, это кажется плоским. А между тем тут есть глубокая и большая правда. Мы теряем тех, кого любим, когда из них еще при жизни начинают воздвигать какие-то пирамиды. Вес этих пирамид давит простое нежное родное сердце"****.

Слова эти оказались провидческими.

Кузнецова покинула Бунина в зените его славы, после присуждения ему Нобелевской премии. На обратном пути из Стокгольма в декабре 1933 года Бунин (вместе с которым были Вера Николаевна и Кузнецова) навещал в Берлине философа и литературного критика Федора Степуна. И. Одоевцева писа

* Цит. по: Лавров В. "Высоко нес я стяг люб-

ви..."/Москва.- 1986.-Но 6.С. 111.

** Москва,- 1986.-Но 6.- С. 112.

*** Бахрах А. Бунин в халате: По памяти, по записям.- Нью-Йорк, 1979.-С. 27.

**** Кузнецова Г. Грасский дневник.-С. 95.

ла Н. П. Смирнову 12 апреля 1970 года: "В дороге Галина простудилась. Обеспокоенный Бунин <...> просил Маргу (сестра Ф. Степуна, оперная певица.- О. М.) свозить ее к доктору". Встреча Кузнецовой с Маргой Степун оказалась роковой, Галина покинула Бунина. "Бунин,- писала Одоевцева,- обожавший Галину, чуть не сошел с ума от горя и возмущения. В продолжение двух лет – о чем они обе мне рассказывали – он ежедневно посылал ей письмо..."*.

Кузнецова, однако, довольно скоро приехала к Буниным в Грае и поселилась у них вместе с М. Степун, растравляя и без того горько страдавшего Бунина. Он еще пытается спасти положение. 8 марта 1935 года заносит в дневник: "Разговор с Г<алиной>. Я ей: "Наша душевная близость кончена". И ухом не повела". В это время на вилле "Жаннета", которую снимал Бунин, жили еще, помимо Кузнецовой и

"Марги" (М. Степун), молодые писатели Роцин и Зуров. 6 июля 1935 года Бунин пишет: "Вчера были в Ницце – я, Роцин, Марга и Галина... Без конца длится страшно тяжелое для меня время". Вера Николаевна чутко улавливает его состояние. Она, очевидно (о чем уже говорилось), не так уж искренне "поверила" в чисто литературные отношения Бунина и Г. Кузнецовой, как утверждала И. Одоевцева. А теперь, после разрыва, сама переживает и волнуется за него. 26 апреля 1936 года отмечает в своем дневнике: "Все мои старания примирить Яна с создавшимся положением оказались тщетными"***.

Да и как мог он примириться! Терзания делятся у него годами, непрерывно, люто. 22 апреля 1936 года горько пишет: "Шел по набережн<ой>, вдруг остановился: "да к чему же вся эта непрерывная, двухлетняя мука! К черту, распрямись, забудь и не думай!" А как не думать? "Счастья, здоровья, много лет прожить и меня любить!" Все боль, нежность". 7 июня того же года: "Главное-тяжкое чувство обиды, подлого оскорбления- и собственного постыдного поведения. Собственно, уже два

года болен душевно,- душевнобольной". С маниакальностью впервые влюбленного возвращается он к одному и тому же. 20 апреля 1940 года: "Что вышло из Галины! Какая тупость, какое бездушие, какая бессмысленная жизнь! Вдруг вспомнилось – "бал писателей" в январе 27 года, приревновала к Одоевцевой. Как была трогательна, детски прелестна! Возвращались на рассвете, ушла в бальных башмачках одна в свой отельчик".

После вторжения Гитлера во Францию оставшиеся на вилле "Жаннета" Г. Кузнецова, М. Степун, Л. Зуров, а также поселившийся там литератор Александр Бахрах переходят окончательно на иждивение Бунина, который сам едва перебивается и с печальной иронией пишет в дневнике 11 марта 1941 года: "Сейчас десять минут двенадцатого, а Галина и Марга и Бахрах только что проснулись. И так почти каждый день. Замечательные мои нахлебники. Бесплатно содержат троих, четвертый, Зуров, платит в сутки 10 франков". Но если бы дело было только в скудости средств, хотя и это мучает: "Никогда за всю жизнь не испытывал этого: нечего

есть, нет нигде ничего, кроме фиников или капусты,хоть шаром покати!" (23 февраля 1941 года). Или вот еще: "Дикая моя жизнь, дикие сожители М<арга>, Г<алина> – что-то невообразимое" (26 февраля 1941 года). Это самое страшное: "Во многих смыслах я все-таки могу сказать, как Фауст о себе: "И псу не жить, как я живу" (21 апреля 1940 года).

Любовь прошла, оставив чувство безнадежности, почти отчаяния. 18 апреля 1942 года, как бы подытоживая пережитое, Бунин записал в дневнике: "Весенний холод, сумрачная синева гор в облаках – и все тоска, боль о несчастных веснах 34, 35 годов, как отравила она (Г.) мне жизнь – и до сих пор отравляет! 15 лет!"

Но, быть может, и не стоило уделять столько места отношениям Бунина и Галины Кузнецовой?

Было, однако, одно веское обстоятельство, придающее этой поздней бунинской страсти особый характер. Галина Кузнецова была душевно близка Бунину (его же определение), понимала его как художника, оставила во многих отношениях замечательный "Грас-

ский дневник", где проникновенно показала Бунина именно как творца, художника, писателя. Кроме того, мы ей обязаны многими страницами "Жизни Арсеньева", в том числе и образу той Лики, какой она выведена в романе.

Стало общим местом утверждать, что Лика – это Варвара Пащенко. Но это было бы крайним упрощением. Недаром сам Бунин так сердился, когда близорукие критики называли "Жизнь Арсеньева" – автобиографическим. Самый близкий Бунину человек – Вера Николаевна с полной правотой писала 30 января 1959 года Н. П. Смирнову: "Очень меня радует, что Вы поняли, что Лика имеет отдаленное сходство с В. В. Пащенко. Она только в начале романа. В Лике, конечно, черты всех женщин, которыми Иван Алексеевич увлекался и которых любил. Мне кажется, что Иван Алексеевич не вел тех разговоров с В«арварой» В«асильевной», какие вел Алеша Арсеньев с Ликой. Эти разговоры были с другой женщиной"***.

Не трудно понять, что эта другая женщина и была Галина Кузнецова. В конце двадцатых

годов, в Грасе, на вилле у Буниных, образовалась своего рода маленькая "академия литературы". Под наблюдением Бунина здесь трудились Роцин, Зуров, Г. Кузнецова. Но Кузнецова еще и "муза" бунинская, сопереживающая в его работе над "Жизнью Арсеньева". "Счастлива тем,- пишет она,- что каждая глава его романа – несомненно лучшего из всего, что он написал – была предварительно как бы пере

* Москва.- 1986.-Но 6.-С. 113.

** Устами Буниных...-Т. III.-С. 17.

*** Новый мир,- 1969.-Но 3.- С. 211.

жита нами обоими в долгих беседах"*.

Или: "...я слишком много сил отдаю роману Ивана Алексеевича, о котором мы говорим чуть не ежедневно, обсуждая каждую главку, а иногда и некоторые слова и фразы. Иногда он диктует мне, тут же меняем по обсуждению то или иное слово"***.

Г. Кузнецова запечатлевает на страницах "Грасского дневника" особенность художественной природы Бунина, необычайно свежо и остро воспринимающего мир. "Нет, мучительно для меня жить на свете! Все мучает

меня своей прелестью!" Или: "Нет, в моей натуре есть гениальное. Я, например, всю жизнь отстранялся от любви к цветам. Чувствовал, что если поддамся, буду мучеником. Ведь я вот просто взгляну на них и уже страдаю: что мне делать с их нежной, прелестной красотой? Что сказать о них? Ничего ведь все равно не выразишь!"*** Он и был от природы прежде всего художником, мучеником словесного искусства, истинно страдал от красок и запахов, от пейзажей, от промелькнувшего женского лица или встреченного человека "с особенкой" – все тотчас просилось "в рассказ".

С помощью дневников, о чем уже говорилось, мы можем проследить, как с юношеских лет Бунин вырабатывал в себе художника. Он непрерывно наблюдал, впитывал все увиденное, и оно, кажется, готово было превратиться у него в "литературу" – луна на ночном небе, пашня под солнцем, старый сад, внутренность крестьянской избы. Но есть одна принципиальная межа, разделившая всю его жизнь на две половины. Начиная с "германской", с 1914 года ("Теперь все пропало", – сказал ему брат Юлий Алексеевич, едва услышав об убийстве эрц-герцога Фердинанда – что и послужило поводом для развязывания мировой войны), впечатления словно прорвали оболочку творчества, стали терзать его человечески, как утрата близких.

И чем дальше, тем больше.

В его дневниках 1914-1917 годов мы читаем о лживо-пафосных речах и тостах, разнузданном веселье "господ-интеллигентов" в столичных ресторациях – и о горе, унынии в деревне, об осиротевших детях и вдовах, обез-

людевших деревнях, о сгущении мрака. Только природа, в своем вечном великолепии, способна на время успокоить душевную боль, и в дневниках этих лет можно наблюдать постоянный контраст в изображении красоты первозданной природы и бедности, скудости, мучений народных.

Буржуазная революция 1917 года, падение империи только усиливают пессимизм Бунина в отношении будущего России как национального целого. В охваченной брожением деревне Глотова, в августе 1917 года, он мрачно размышляет: "Разговор, начатый мною опять о русском народе. Какой ужас! В такое небывалое время не выделил из себя никого, управляется Годами, Данами, каким-то Авксентьевым, каким-то Керенским и т. п.". Прослеживая тему эту в бунинских дневниках, идя против течения времени, вспять, видишь, что занимала она писателя задолго до наступления революционного семнадцатого года.

Бунин много и настойчиво размышлял о том, что же такое народ как данность, кого включать и почему в это несколько аморфное, по его мнению, понятие. Порою он сер-

дился: "Хвостов, Горемыкин****, городской это не народ. Почему? А все эти начальники станций, телеграфисты, купцы, которые сейчас так безбожно грабят и разбойничают, что же это – тоже не народ? Народ-то это одни мужики? Нет. Народ сам создает правительство, и нечего все валить на самодержавие". Запись эта сделана за год с лишним до предыдущей, 22 марта 1916 года, задолго до прихода к власти Гоцов и Керенских. Но еще раньше, в самом начале 1910-х годов, наблюдая ежедневно за "мужиками", то есть всеми и официально признаваемым "народом", Бунин ощущает прежде всего тот огромный резервуар спящих и, по его мнению, еще совсем диких, разрушительных сил. И – пока еще как видение, как страшный сон – чудится ему пора, когда произойдет то, о чем "орет", едва войдя в избу и не глядя ни на кого, некий странник:

Придет время,
Потрясется земля и небо,
Все камушки распадутся,
Престолы Господни нарушатся,
Солнце с месяцем померкнут,

И пропустит Господь огненную реку...

Эту "огненную реку" Бунин вполне ожидал.

Октябрь он встретил враждебно и свое отношение к новому строю не менял никогда. Но, разделив с другими схождение по мукам", путь эмигранта, сохранил свою и совершенно особенную судьбу. Изгнанные из России, они в большинстве своем могли впасть (и впали) лишь в отчаяние, неверие и злобу. Не то Бунин. Именно на расстоянии с наибольшей полнотой ощутил он то, что потаенно и глубоко жило в нем: Россию.

* Кузнецова Г. Грасский дневник.- С. 31.

** Там же.- С. 33.

*** Там же.-С. 41-42.

**** Хвостов А. Н. (1872-1918) -министр внутренних дел России (1915-1916). Председатель фракции правых в 4-й Государственной думе. Расстрелян органами ВЧК. Горемыкин И. Л. (1839-1917) – министр внутренних дел (1895-1899), председатель совета министров (1906 и 1914-1916).

Ранее, занятый литературой, поглощавшей главные его заботы, он испытывал на-

добно́сть как художник – в постижении неко-
ей чужой трагедии. Ни крах первой, самой
страстной любви, ни смерть маленького сы-
на, отнятого у него красавицей женой, ни да-
же кончина матери еще не потрясли и не пе-
ревернул" его так, не помешали упорной и са-
мозабвенной работе над мастерством, сти-
лем, формой. Теперь словно гарпун пронзил
его насквозь, боль объяла его всего: "Вдруг я
совсем очнулся, вдруг меня озарило: да, так
вот оно что- я в Черном море, я на чужом па-
роходе, я зачем-то плыву в Константинополь.
России – конец..." (рассказ 1921 года "Конец").

«Конец" и "погибель"-любимые слова в за-
писях этих лет: «Уже три недели со дня нашей
погибели" {дневник от 12 апреля 1919 года).
Впечатления этой поры отложились в цель-
ную книгу – "Окаянные дни", написанную с
поэтическим блеском и пронизанную жел-
чью и горечью. Со многими оценками поли-
тических событий и фигур у Бунина читатель
не согласится, но выслушать его должен. И
странно: он повторял о России с мрачной
убежденностью: оконец", а Россия настигала
его всюду. Даже посреди веселой ярмарки, в

Грасе – толпа французов, мычание коров – "И вдруг страшное чувство России" (запись в дневнике 3 марта 1932 года). Оно не отпускало его и в конечном счете помогло выстоять вопреки всему, написать великие книги: "Жизнь Арсеньева", "Освобождение Толстого", "Темные аллеи". Это "страшное чувство России" понудило его в мае 1941 года отправить два послания – Н. Д. Телешову и А. Н. Толстому со словами: "Очень хочу домой".

Дневники отражают все сомнения и колебания Бунина, вплоть до желания, при вступлении немцев во Францию, уехать, как это сделала меценатка М. С. Цетлина или писатель М.А. Алданов, в Соединенные Штаты. Но ведь не уехал!

Остался в Грасе, с волнением следил за событиями на советских фронтах, думал о возвращении в Россию и с необыкновенной, молодой жадностью писал в дни творческих озарений: "20.IX.40. Начал "Русю". 22.IX.40. Написал "Мамин сундук" и "По улице мостовой". 27.IX. 40. Дописал "Русю". 29.IX.40. Набрисал "Волки". 2.X.40. Написал "Антигону". 3.X.40. Написал "Пашу" и "Смарагд". 5.X.40. Вчера и

сегодня писал "Визитные карточки". 7.X.40. Переписал и исправил "Волки". 10, 11, 12, 13.X.40. Писал и кончил (в 3 ч. 15 м.) "Зойку и Валерию". 14, 17, 18, 20, 21, 22. X. 40. Писал и кончил (в 5 ч.) "Таню". 25 и 26. X. 40 написал "В Париже" <...> 27 и 28.X.40. Написал "Галю Ганскую" <...> 23.X.43. Дописал рассказик "Начало" <...> 29.X. Вчера в полночь дописал последнюю страницу "Речного ресторана". Все эти дни писал не вставая и без усталости, очень напряженно, хотя недосыпал, терял кровь и были дожди. 1.XI. Вечером писал начало "Иволги" <...> Нынче переписаны "Дубки", написанные 29-го и 30-го" и т. д.

Приветствуя нашу победу над гитлеровскими полчищами, торжествуя, занес в дневник 23 июля 1944 года: "Освобождена уже вся Россия! Совершено истинно гигантское дело!"

Были приливы и отливы чувств; случались приступы не только отчаяния, но и враждебности, и об этом надо тоже сказать прямо. "Хотят, чтобы я любил Россию, столица которой – Ленинград, Нижний – Горький, Тверь – Калинин..." – в ожесточении вырывается у него 30 декабря 1941 года. Но все это по-

рывы знаменитой бунинской запальчивости. Куда сокровеннее запись Веры Николаевны от 29 августа 1944 года: "Ян сказал – "Все же, если бы немцы заняли Москву и Петербург, и мне предложили бы туда ехать, дав самые лучшие условия,- я отказался бы. Я не мог бы видеть Москву под владычеством немцев, как они там командуют. Я могу многое ненавидеть и в России, и в русском народе, но и многое любить, чтить ее святость. Но чтобы иностранцы там командовали – нет, этого не потерпел бы!"*

В сомнениях и твердости своей, в отчаянии и надежде, в окаянном одиночестве, какое надвигалось на него – вместе с болезнями, старостью, бедностью, – "страшное чувство России" только и спасало Бунина. Эти последние годы его жизни были и самыми мрачными. Он был жестоко обманут в своей последней любви, о чем оставил в дневниках горькие свидетельства; вынужденно делил кров с тяжелым, по-видимому, психически нездоровым нахлебником; наконец, познал на исходе жизни и враждебность эмиграции, которая в большинстве своем отвернулась от него, а иные из прежних друзей (например, М. С. Цетлина) прямо осыпали его бранью, обвиняя в том, что он "продался Советам". (После того как руководство союза русских писателей и художников в Париже исключило из числа своих членов всех, кто принял советское подданство, Бунин в знак солидарности с исключенными вышел из его состава. Ответом был бойкот.) Друг его жизни, В. Н. Муромцева-Бунина, как могла, старалась облегчить послед-

ние дни. Но жажда жизни, ощущение, что он еще не взял "все", не покидало умирающего писателя. В год своей кончины, в ночь с 27 на 28 января 1953 года, уже изменившимся почерком Бунин заносит в дневник: "- Замечательно! Все о прошлом, о прошлом думаешь и чаще всего об одном и том же в прошлом: об утерянном, пропущенном, счастливом, нецененном, о непоправимых поступках своих, глупых и даже безумных, об оскорблениях, испытанных по причине своих слабостей, своей бесхарактерности, недальновидности и неотмщенности за эти оскорбления, о том, что слишком многое, многое прощал, не был злопамятен, да и до сих пор таков. А ведь вот-вот все, все поглотит могила!"

* Устами Буниных...-Т. III.-С. 170-171.

Героико-трагический автопортрет Бунина, возникающий в его дневниках, завершается этим последним, драматическим откровением.

Олег Михайлов

ДНЕВНИКИ

1881-1953

1881

В начале августа (мне 10 лет 8 мес.) выдержал экзамен в первый класс елецкой гимназии. С конца августа жизнь с Егорчиком Захаровым (незаконным сыном мелкого помещика Валентина Ник. Рышкова, нашего родственника и соседа по деревне "Озерки") у мещанина Бякина на Торговой ул. в Ельце. Мы тут "нахлебники" за 15 рубл. с каждого из нас на всем готовом.

Конец декабря.

«...» ветер северный, сухой, забирается под пальто и взметает по временам снег... Но я мало обращал на это внимание: я спешил скорей на квартиру и представлял себе веселие на празднике, а нонешним вечером – покатывание вагонов, потом поле, село, огонек в знакомом домике... и много еще хорошего...

Просидевши на вокзале в томительном ожидании поезда часа три, я наконец имел удовольствие войти в вагон и поудобнее усесться... Сначала я сидел и не мог заснуть, так как кондукторы ходили и, по обыкновению, страшно хлопали дверьми: в голове носились образы и мечты, но не отдельные, а смешанные в одно... Что меня ждет? – задавал я себе вопрос. Еще осенью я словно ждал чего-то, кровь бродила во мне, и сердце ныло так сладко, и даже по временам я плакал, сам не зная от чего; но и сквозь слезы и грусть, навеянную красотой природы или стихами, во мне закипало радостное, светлое чувство молодости, как молодая травка весенней по-

рой. Непременно я полюблю, думал я. В деревне есть, говорят, какая-то гувернантка! Удивительно, отчего меня к ней влечет? Может, оттого, что про нее много рассказывала сестра...

Наконец я задремал и не слышал, как приехал в Измалково. Лошадей за нами прислали, но ехать сейчас же было невозможно по причине метели, и нам пришлось ночевать на вокзале.

Еще с большим веселым и сладким настроением духа въехал я утром в знакомое село, но встретил его не совсем таким, каким я его оставил: избышки, дома, река – все было в белых покровах. Передо мной промелькнули картины лета. Вспомнил я, как приезжал в последний раз сюда осенью.

...Потребность любви!.. Но кого? В Озерках никого, а в Васильевском?.. Тоже никого! Впрочем, там есть гувернантка – но молоденькая и недурненькая, как я слышал от сестры. В самом деле меня что-то влечет к ней? Она гувернантка и, верно, тихое существо, а это идеал всех юношей. Им нравятся по большей части существа не такие, как

светские резкие женщины... Может быть!..

Наконец сегодня я уже с нетерпением поехал в Васильевское. Сердце у меня билось, когда я подъезжал к крыльцу знакомого родного дома. Увижу ли я ее нынче, думал я; 23-го она была в Ельце! На крыльце я увидел Дуню и ее, как я предположил; это была барышня маленького роста с светлыми волосами и голубыми глазками. Красивой ее нельзя было назвать, но она симпатична и мила. С трепетом я подал ей руку и откланялся. "Эмилия Фасильевна Фехнер!" проговорила она. Узнакомились, значит. Мне сразу сделалось неловко и в душе зашевелилась мысль. "Неужели, думал я, я буду целовать эти милые ручки и губки!" Но это уже было дерзко. Весь день нонче я держал себя <...> и натянуто и почти не разговаривал с ней. Но она, напротив, была развязна и проста. Наконец вечером мы отправились к Пушешникову, помещику, живущему на другой стороне реки. Он нам родня. Там я стал несколько свободней с Эм. Вас. Уже сердце мое билось страстью... Я полюбил и чувствовал, что влюбляюсь все более и более. Приглашал танцевать только ее

одну, гулял, и наконец перед ужином она сказала мне: "Давайте играть в карты! Хотите?" Я покраснел и неловко поклонился. Мы пошли в гостиную. Там никого не было. Мы играли и шутили, наконец ее пришел приглашать танцевать некто молодой малый Федоров, мой приятель. Я вышел также и пошел в кабинет, думая, что я уже мог надеяться. Но через несколько минут она вошла. "Что ж вы забрались сюда,- сказала она,- я вас искала, искала!" Что это значит, подумал я!..

За ужином я сидел рядом с ней, пошли домой мы с ней под руку. Я уже влюбился окончательно. Я весь дрожал, ведя ее под руку. Расстались мы только сейчас, уже друзьями, а я, кроме того, влюбленным. И теперь я вот сижу и пишу эти строки. Все спит... на мне и в ум сон нейдет. "Люблю, люблю",- шепчут мои губы.

Исполнились мои ожиданья.

29 декабря 1885 г.

Сегодня вечер у тетки. На нем будут из Васильевского и в том числе гуверн<антка>, в которую я влюблен не на шутку.

<...> Сердце у меня чуть не выскочило из

груди! Она моя! Она меня любит! О! с каким сладостным чувством я взял ее ручку и прижал к своим губам! Она положила мне голову на плечо, обвила мою шею своими ручками, и я запечатлел на ее губках первый, горячий поцелуй!..

Да! пиша эти строки, я дрожу от упоенья! от горячей первой любви!.. Может быть, некоторым, случайно заглянувшим в мое сердце, смешным покажется такое излияние нежных чувств! "Еще молокосос, а ведь влюбляется", - скажут они. Так! Человеку, занятому всеми дрязгами этой жизни и не признающему всего святого, что есть на земле, правда, свойства первобытного состояния души, т. е. когда душа менее загрязнилась и эти свойства более подходят к тому состоянию, когда она была чиста и, так сказать, даже божественна, правда слишком «нрзб». Но, может быть, именно более всего святое свойство души Любовь тесно связано с поэзией, а поэзия есть Бог в святых мечтах земли, как сказал Жуковский² (Бунин, сын А. И. Бунина и пленной турчанки). Мне скажут, что я подражаю всем поэтам, которые восхваляют святые чувства и, прези-

рая грязь жизни, часто говорят, что у них душа больная; я слышал, как говорят некоторые: поэты все плачут! Да! и на самом деле так должно быть: поэт плачет о первобытном чистом состоянии души, и смеяться над этим даже грешно! Что же касается до того, что я "молокосос", то из этого только следует то, что эти чувства более доступны "молокососу", так как моя душа еще молода и, следовательно, более чиста. Да и к тому же я пишу совсем не для суда других, совсем не хочу открывать эти чувства другим, а для того, чтобы удерживать в душе эти напевы.

*Пронесутся года. Заблестит
Седина на моих волосах,
Но об этих блаженных часах
Память сердце мое сохранит...*

.....

• • •

Остальное время вечера я был как в тумане. Сладкое, пылкое чувство было в душе моей. Ее милые глазки смотрели на меня теперь нежно, открыто. В этих очах можно было читать любовь. Я гулял с ней по коридору, и прижимал ее ручки к своим губам, и сливался с нею в горячих поцелуях. Наконец пришло время расставаться. Я увидал, как она с намерением пошла в кабинет Пети. Я вошел туда же, и она упала ко мне на грудь. "Милый,- шептала она,- милый, прощай! Ты ведь приедешь на Новый год?" Крепко поцеловал я ее, и мы расстались.

.....

.....

Домой я приехал полный радужных мечтаний. Но при этом в сердце всасывалось другое гадкое чувство, а именно ревность. "Она зав-

тра поедет домой с Федоровым – да еще вдвоем только... Впрочем, ведь она меня любит, а все-таки я бы не хотел, чтобы она с кем-нибудь даже разговаривала... Да, глупость, глупость это", - разуверял я себя...

Наконец я лег спать, но долго не мог заснуть. В голове носились образы, звуки... пробовал стихи писать, - звуки путались, и ничего не выходило... передать все я не мог, сил не хватало, да и вообще всегда, когда сердце переполнено, стихи наклеятся. Кажется, что написал бы бог знает что, а возьмешь перо – и становишься в тупик... Согласившись наконец с Лермонтовым, что всех чувств значенья "стихом размерным и словом ледяным не передашь³", я погасил свечу и лег. Полная луна светила в окно, ночь была морозная, судя по узорам окна. Мягкий бледный свет луны заглядывал в окно и ложился бледной полосой на полу. Тишина была немая... Я все еще не спал... Порой на луну, должно быть, набегали облачка, и в комнате становилось темней. В памяти у меня пробежало прошлое. Почему-то мне вдруг вспомнилась давно, давно, когда я еще был лет пяти, ночь летняя, свежая и лун-

ная... Я был тогда в саду... И снова все перемешалось... Я глядел в угол. Луна по-прежнему бросала свой мягкий свет... Вдруг все изменилось, я встал и огляделся: я лежу на траве в саду у нас в Озерках. Вечер. Пруд дымится... Солнце сквозит меж листвою последними лучами. Прохладно. Тихо. На деревне только где-то слышно плачет ребенок и далеко несет по заре, словно колокольчик, голос его. Вдруг из-за кустов идут мои прежние знакомые. Лиза остановилась, смотрит на меня и смеется, играя своим передничком. Варя, Дуня... Вдруг они нагнулись все и подняли... гроб. В руках очутились факелы. Я вскочил и бросился к дому. На балконе стоит Эмилия Вас., но только не такая, какая была у тетки, а божественная какая-то, обвитая тонким покрывалом, вся в розах, свежая, цветущая. Стоит и манит меня к себе. Я взбежал и упал к ней в объятия и жаркими поцелуями покрывал ее свежее личико... Но из-за кустов вышли опять с гробом Лиза, Дуня, Варя; она вскрикнула и прижалась ко мне... Вдруг все потемнело... Кругом поле насколько можно разглядеть, на руках у меня Мила...она шеп-

чет и целует меня: "милый, милый"... Далеко где-то звенит колокольчик... и... я проснулся: в комнате так же темно, луна не светит. Эх! что мне снится, подумал я, постарался поскорей заснуть опять...

1886

27 января 1886 г.

Вечер. Сижу один в зало и хочу записать то, что за неимением... да нет, впрочем, даже по небрежности, не внес в свой журнальчик. Особенного ничего не случилось. Но все-таки надо припомнить. Как я провел остальное время Святков.

30-го декабря я встал уже с сладким мучением влюбленного и опять с ревностью в груди, но не только к Федорову, но и даже (глупо) ко всем. Когда нонче утром заговорили о ней, я не мог слышать, и, что всего удивительней, даже хотя говорили о ней что-то хорошее, и притом мать с Настей. Я уже не знаю отчего, только я ревную и не могу выносить. А тут еще поедет с Федоровым, и хотя я уверен, что она не изменит, но мне бы не хотелось, чтобы подобные Федоровы были близко около нее.

Это малый, не кончивший курс учения, хромой и притом пошляк, это один из...

Продолжение дневника 27 января 1886 года. Юлий живет в Озерках – под надзором полиции⁴, обязан три года не выезжать никуда.

Зимой пишу стихи. В памяти морозные солнечные дни, лунные ночи, прогулки и разговоры с Юлием.

20 декабря 1886 года.

Вечер. На дворе не смолкая бушует страшная вьюга. Только сейчас выходил на крыльцо. Холодный резкий ветер бьет в лицо снегом. В непроглядной крутящейся мгле не видно даже строений. Едва-едва, как в тумане, заметен занесенный сад. Холод нестерпимый.

Лампа горит на столе слабым тихим светом. Ледяные белые узоры на окнах отливают разноцветными блестящими огоньками. Тихо. Только завывает метель да мурлыкает какую-то песенку Маша⁵. Прислушиваешься к этим напевам и невольно отдаешься во власть долгого зимнего вечера. Леню шевельнуться, леню мыслить.

А на дворе все так же бушует метель. Тихо и однообразно проходит время. По-прежнему

лампа горит слабым светом. Если в комнате совершенно стихает, слышно, как горит и тихонько сипит керосин. Долог зимний вечер. Скучно. Всю ночь будет бушевать метель и к рассвету нанесет высокий снежный сугроб.

1888

«Без даты»
«Без даты» Поезд, метель, линия сугробов и щитов.

«Без даты»

Изба полна баб и овец – их стригут.

На веретъе на полу лежит на боку со связанными тонкими ногами большая седая овца. Черноглазая баба стрижет ее левой рукой (левша) огромными ножницами, правой складывая возле себя клоки сальной шерсти, и без умолку говорит с другими бабами, тоже сидящими возле связанных лежащих бокастых овец и стригущими их.

1891

«26 И^{юля} Церковь Спаса-на-бору. Как хорошо: Спас на бору! Вот это и подобное русское меня волнует, восхищает древностью, моим кровным родством с ним.

1893

В июле (?) приехала в Огневку В.6 С ней к Воргунину. Осенью в Полтаве писал "Вести с родины" и "На чужой стороне" (?).

Конец декабря – с Волкенштейном⁷ в Москву к Толстому.

3 июня 1893 г. Огнёвка.

Приехал верхом с поля, весь пронизанный сыростью прекрасного вечера после дождя, свежестью зеленых мокрых ржей.

Дороги чернели грязью между ржами. Ржи уже высокие, выколосились. В колеях блестела вода. Впереди передо мной, на востоке, неподвижно стояла над горизонтом гряда румяных облаков. На западе – синие-синие тучи, горами. Солнце зашло в продольную туч-

ку под ними – и золотые столпы уперлись в них, а края их зажглись ярким кованым золотом. На юге глубина неба безмятежно ясна. Жаворонки. И все так привольно, зелено кругом. Деревня Басово в хлебах.

1894

В начале января вернулся из Москвы в Полтаву. "Аркадий". От Николаева (?).

В апреле в "Русском богатстве" "Танька" (?).

Вечер 19 мая, Павленки (на даче под Полтавой), дождь, закат (запись: "Пришел домой весь мокрый...").

15 авг., Павленки, сидел в саду художника Мясоедова (запись: "Солнечный ветреный день...") В<аря> в Ельце. Осенью квартира на Монастырской.

20 окт. (с. стиля), в 2 ч. 45 м. смерть Александра III в Ливадии.

Привезен в Птб. 1 ноября. Стоял в Петропавловском соборе до 7 ноября (до похорон).

4 ноября – бегство В<ари>.8

Вскоре приехал Евгений⁹. С ним и с Юлием в Огневку, Елец, Поповская гостиница.

Я остался в Огневке. До каких пор?

Вечер 19 мая 94 г. Павленки (предместье Полтавы).

Пришел домой весь мокрый,- попал под дождь,- с отяжелевшими от грязи сапогами. Прошел сперва с нашей дачи к пруду в земском саду,- там березы, ивы с опущенными длинными мокрыми зелеными ветвями. Потом пошел по дороге в Полтаву, глядя на закат справа. Он все разгорался – и вдруг строения города на горе впереди, корпус фабрики, дым трубы – все зажглось красной кровью, а тучи на западе – блеском и пурпуром.

15 авг. 94. Павленки.

Солнечный ветреный день. Сидел в саду художника Мясоедова¹⁰ (наш сосед, пишет меня), в аллее тополей на скамейке. Безоблачное небо широко и свежо открыто. Иногда ветер упадал, свет и тени лежали спокойно, на поляне сильно пригревало, в шелковистой траве замирали на солнце белые бабочки, стрекозы с стеклянными крыльями плавали в воздухе, твердые темно-зеленые листья сверкали в чаще лаковым блеском. Потом начинался шелковистый шелест тополей, с другой стороны, по вершинам сада, приближался

глухой шум, разрастался, все охватывал – и свет и тени бежали, сад весь волновался... И снова упал ветер, замирал, и снова пригревало.

1895

В январе в первый раз приехал в Птб. Михайловский¹¹, С. Н. Кривенко¹², Жемчужников¹³.

Потом? Москва, Бальмонт¹⁴, Брюсов¹⁵, Эртель¹⁶, Чехов¹⁷ (оба в Большой Московской гостинице).

Март: Москва, номера в конце Тверского бульвара, с Юлием. Солнце, лужи.

В "Русской мысли" стихи "Сафо", "Вечерняя молитва".

"Старая, огромная, людная Москва", и т. д. Так встретила меня Москва когда-то впервые и осталась в моей памяти сложной, пестрой, громоздкой картиной – как нечто похожее на сновидение...

Это начало моей новой жизни было самой темной душевной порой, внутренне самым мертвым временем всей моей молодости, хотя внешне я жил тогда очень разнообразно,

общительно, на людях, чтобы не оставаться наедине с самим собой. <...>

Летом-Полтава (?). Поездка на отправку переселенцев с Зверевым. Написал "На край света" (когда?). Напечатали в "Новом слове" в октябре.

В декабре – Птб., вечер в Кредитном Обществе. Номера на Литейном (?).

Привез "Байбаки".

Федоров18, Будищев19, Ладыженский20, Михеев21, Михайловский, Потапенко22, Баранцевич23, Гиппиус24, Мережковский25, Минский26, Савина27 (это на вечере в Кред. О-ве); Сологуб (утром у Федорова), Елпатьевский28, Давыдова29 ("Мир божий" на Лиговке). Мусья30, Людмила (дочь Елпатьевского). Васильевский Остров. Попова, ее предложение издать "На край света".

Из Птб. был в Ельце на балу в гимназии (?) - уже "знаменитостью".

Когда познакомился и сошелся с М. В.31?

29 мая вечером с М. В. приехал в Кременчуг. Почти всю ночь не спали. На другой день уплыл в Екатеринослав (она - в Киев?).

31 мая из Екатеринослава через "Пороги" по Днепру.

1 июня - Александровск - и вечером оттуда в Бахчисарай.

Бахчисарай, Чуфут, монастырь под Бахчисараем.

Байдары, ночевка в Кикинеизе. Ялта, Аю-Даг. В Ялте Станюкович32, Мирон (Миролюбов)33.

Днепровские Пороги (по которым я прошел на плоту с лоцманами летом 1896 года).

Екатеринослав. Потанинский сад, где провел с час, потом за город, где под Ек., на правом берегу Днепра, Лоцманская Каменка. В верстах в 5 ниже курганы: Близнецы, Сторожевой и Галаганка - этот насыпан, по преданию, разбойником Галаганом, убившим бога-

того пана, зарывшим его казну в землю и затем всю жизнь насыпавшим над ней курган. Дальше Хортица, а за Хортицей Пороги: первый, самый опасный, - Неяситец (или Ненасытец); потом, тоже опасные: Дед и Волнич; за Волничем, в 4 верстах, последний опасный - Будило, за Будилом - Лишний; через 5 верст - Вильный; и наконец - Явленный. <...>

С 15 на 16 сент. из Екатеринослава в Одессу. Лунная ночь, пустые степи.

Вечером 16 Одесса, на извозчике к Федорову в Люстдорф.

Ночью ходили к морю. Темно, ветер. Позднее луна, поле лунного света по морю - тусклое, свинцовое. Лампа на веранде, ветер шуршит засохшим виноградом. (Киппен?)

17 сент. Проводил Федорова в Одессу, ветер, солнце, тускло-блестящее море, берег точно в снегу. <...>

21 сент. Тишина, солнечное утро, пожелтевший плющ на балконе, море ярко-синее, все трепещет от солнца. Хрустальная вода у берега. Сбежал к морю, купался.

26 сент. Уехал на Николаев. Синее море резко отделяется от красных берегов.

Птб., Литейный, номера возле памятника
Ольденбургского в снегу. Горничная. <...>

1897

Январь. Петербург, выход "На край света".
Именины Михайловского, потом Мами-
на³⁴ (в Царском Селе).

Михеев в снегу на вокзале.

Встреча с Лопатиной³⁵ в редакции "Нового
слова" (?).

Из Птб. в Ельце на балу.

Огневка.

11 марта- "еду из Огневки в Полтаву..." (по
записи).

30 апр. из Полтавы в Шишаки (по записи).

24 мая из Полтавы в Одессу к Федорову че-
рез Кременчуг – Николаев, оттуда по Бугу.

11.III.1897.

Еду из Огневки в Полтаву. Второй класс,
около одиннадцати утра, только что выехал с
Бабарыкиной. Ослепительно светлый день,
серебряные снега. Ясная даль, на горизонте
перламутрово-лиловые, точно осенние обла-
ка. Кое-где чернеют лесочки. Грустно, люблю
всех своих.

30 апреля 1897 г., Полтава. Из Полтавы на лошадях в Шишаки. Овчарни Кочубея.

Рожь качается, ястреба, зной. Яновщина, корчма. Шишаки. Яковенко не застал, поехал за ним к нему на хутор. Вечер, гроза. Его тет-ка, набеленная, нарумяненная, старая, хрипит и кокетничает. Докторша, "хочет невозможного". Миргород. Там ночевал.

24 мая 1897 г. Из Полтавы в Одессу к Федорову.

Кременчуг, мост, солнце низкое, желто-мутный Днепр. За Кременчугом среди пустых гор, покрытых только хлебами. Думал о Святополке Окаянном.³⁶

Ночью равнины, мокрые после дождя. Пшеницы, черная грязь дорог.

Николаев, Буг. Ветрено и прохладно. Низкие глиняные берега. Буг пустынен. Устье, синяя туча, громадой поднявшаяся над синей сталью моря. Из-под боков парохода развалы воды, бегут сквозь решетку палубы. Впереди море, строй парусов.

29 мая.

Люстдорф. Рассвет, прохладный ветер, волнуется сиреневое море. Блеск взошедшего

солнца начался от берега.

Днем проводил Федорова в Одессу, сидел на скалах возле прибоя. Море кажется выше берега, на котором сидишь.

Шел берегом – в прибое лежала женщина.

Вечером ходил в степь, в хлеба. Оттуда смотрел на синюю пустыню моря.

1898

Начало зимы, зима – где? Ранней весной, кажется, в Москве, в "Столице". Лопатина.

Где весной?

Начало лета – Царицыно.

Прощание поздним вечером (часу в одиннадцатом, но еще светила заря, после дождя), прощание с Лопатиной в лесу. Слезы и надела на меня крест (иконку? и где я ее дел?).

В конце июня уехал в Люстдорф к Федорову. Куприн³⁷, Карташевы³⁸, потом Цакни³⁹, жившие на даче на 7-й станции. Внезапно сделал вечером предложение. Вид из окон их дачи (со 2-го этажа). Аня⁴⁰ играла "В убежище сюда..."⁴¹. Ночуя у них, спал на балконе (это уже, кажется, в начале сентября).

23 сентября – свадьба.

Жили на Херсонской улице, во дворе.

Вуаль, ее глаза за ней (черной). Пароходы в порту. Ланжерон.

Беба42, собачка. Обеды, кефаль, белое вино. Мои чтения в Артистическом клубе, опера (итальянская).

"Пушкин", Балаклава. Не ценил ничего!

Ялта, гостиница возле мола. Ходили в Гурзуф. На скале в Гурзуфе вечером.

Возвращение, качка.

В декабре (или ноябре?) в Москву с Аней. Первое представление "Чайки" (17 дек.), мы были на нем. Потом Птб., номера на Невском (на углу Владимирской). Бальмонт во всей своей молодой наглости.

Первое изд. "Гайаваты".

Лохвицкая?43

"Без роду-племени" – где и когда писал? Кажется, в Одессе, после женитьбы. В "нивском" издании этот рассказ помечен 97-м годом.

Когда с Лопатиной по ночлежным домам?

16 ноября – юбилей Златовратского44 в Колонной зале в "Эрмитаже" (в Москве).

1899

Весной ездил в Ялту (?). Чехов, Горький, Мусса Давыдова и Лопатина.

«...» Летом – в "Затишье", в имении Цакни. Разрыв. Уехал в Огневку. Вернулся осенью (кажется, через Николаев, в солнечное раннее утро). Род примирения. Солнечный день, мы с ней шли куда-то, она в сером платье. Ее бедро. «...»

1900

Зимой репетиции у Цакни "Жизни за царя". В январе ее беременность.

В начале марта полный разрыв, уехал в Москву.

Доктор Рот45.

Весна в Огневке. "Листопад".

Лето в Ефремове? Письмо Горькому из Ефремова в конце августа.

В Москве осенью дал ему "Листопад" для "Новой жизни". Поссе46. Писал "Антоновские яблоки".

"В Овраге" Чехова в "Новой жизни".

В октябре я в Одессе. Отъезд с Куровским⁴⁷ за границу:

Лупов – Тори – Берлин – Париж – Женевское озеро – Вена – Петербург.

Потом я в Москве. "Среда" художников.

В конце декабря я у Чеховой. Чехов за границей. Ночь у какой-то.

1901

В "нивском" изд. помечены этим годом: "Новый год", "Тишина", "Осенью", "Новая дорога", "Сосны", "Скит", "Туман", "Костер", "В августе". Когда писал "Перевал"? <...>

В январе 1901 г. я все еще жил у Чеховой. Моя запись:

"Зима 1901 г., я у Чеховой... Су-Ук-Су..."

31 янв. в Москве первое представление "Трех сестер". Арсений (чеховский слуга) из Ялты Марье Павловне по телефону: "Успех огромный". <...>

Числа 15 февр. Чехов вернулся из-за границы. Я переехал в гостиницу "Ялта". Покойница. <...>

Как-то в сумерки читал ему его "Гусева". Он сказал: "я хочу жениться".

Кульман48, Елпатьевский, Массандра. Вера Ивановна. (В сентябре, в Ялте.)

Паша-гречанка. "Грузинская царевна" (уже забыл, как звали!). Бегство в Москву через Симферополь (до С. на ямщицкой тройке). В ноябре в Крыму Толстой. «...»

Крым, зима 1901 г. На даче Чехова.

Чайки как картонные, как яичная скорлупа, как поплавки, возле клонящейся лодки. Пена как шампанское. Провалы в облаках – там какая-то дивная, неземная страна. Скалы известково-серые, как птичий помет. Бакланы. Су-Ук-Су. Кучукой. Шум внизу, солнечное поле в море, собака пустынно лает. Море серо-лиловое, зеркальное, очень высоко поднимающееся. Крупа, находят облака.

Красавица Березина49 (!).

Весной 1901 г. мы с Куприным были в Ялте (Куприн жил возле Чехова в Аутке). Ходили в гости к начальнице женской ялтинской гимназии. Варваре Константиновне Харкеевич, восторженной даме, обожательнице писателей. На Пасхе мы пришли к ней и не застали дома. Пошли в столовую, к пасхальному столу, и, веселясь, стали пить и закусывать.

Куприн сказал: "Давай напишем и оставим ей на столе стихи". И стали, хохоча, сочинять, и я написал:

В столовой у Варв. Константины
Накрыт был стол отменно-длинный,
Была тут ветчина, индейка, сыр, сардинки,
И вдруг ото всего ни крошки, ни соринки:
Все думали, что это крокодил,
А это Бунин в гости приходил.

1902

В январе репетиция "Мещан" Горького. 20 янв. Чехов пишет кому-то: "Умер Соловцов50... Оч. болен Толстой... Я привез "Детей Ванюшина"...

Я в Ялте?

31 янв. Чехов кому-то: "Осенью"51 Бунина написано несвободно..."

Я в Птб.? Предложение Куприна Мусе Давыдовой?

Февраль. Чехов кому-то: "Горький в Крыму" (кажется, у Токмаковых, на даче "Нюра"). Я в Одессе. Приезд туда "молодых" Андреевых (в конце февраля). <...>

24 марта, Чехов: "В Ялту приезжают Бунин

и Нилус52". С нами в Ялте был Телешов. Нилус писал портрет Чехова.- Художник Ярцев53, Варв. Конст. Харкеевич. Привезли больную Книппер.

Июль. Я под Одессой, на даче Гернета (есть запись).

Когда Вера Климович?

В сентябре: умер Зола; в Одессе чума. Очевидно, это тогда (в августе, вероятно) уплыл от чумы на пароходе из Одессы в Ялту.

Чехов, 26 сент.: "Был Куприн, женатый на Давыдовой. Жена беременна".

20 дек., Чехов: "На дне" имело большой успех". Я был на первом представлении. Был весь конец осени в Москве? Макс Ли? "Белый Негр"?

Карзинкин издал мои "Новые стихотворения". 2 1/2 часа. Моя беленькая каморка в мазанке под дачей. В окошечко видно небо, море, порою веет прохладным ветром. Каменистый берег идет вниз прямо под окошечком, ветер качает на нем кустарник, море весь день шумит; непрерывно понижающийся и повышающийся шум и плеск. С юга идут и идут, качаются волны. Вода у берегов зеленая,

дальше синевато-зеленая, еще дальше – лиловая синева. Далеко в море все пропадает и возникает пена, белеет, как чайки. А настоящие чайки опускаются у берега на виду и качаются, качаются, как поплавки. Иногда две-три вдруг затрепещут острыми крыльями, с резким криком взлетят и опять опустятся. «...»

1903

1 янв., Чехов: "Бунин и Найденов⁵⁴ в Одессе. Их там на руках носят". Мы с Н. Жили в "Крымск. гост." – Федоров и Лиза Дитерихс.

1 февр., Чехов: "Андреева "В тумане" хорошая вещь". Когда Андреев рассказывал мне тему этого рассказа?

16 февр., Чехов: "Бунин почему-то в Ново-черкасске⁵⁵". Я был там у матери и Маши.

Март – я в Ялте.

14 марта, Чехов: "Тут М-ме Голоушева⁵⁶". Я там с Федоровым и Куприным.

В начале апреля я с Федоровым уплыл в Одессу. Чехов: "Куприн тоже уехал в Птб." (кажется, в Ялте был и Андреев).

Когда Елена Васильевна?

9 апреля я уплыл из Одессы в Константи-

НОПОЛЬ.

Где я весной и летом? В Огневке? Летом, конечно, в Огневке, переводил "Манфреда".

Конец сентября – я в Москве: Чехов из Ялты сестре (или Книппер?): "Скажи Бунину..."

В октябре – я тоже в Москве: Чехов 28 октября: "Бунину и Бабурину привет". Бабурин – Найденков.

«...» Мы познакомились с ним вскоре после того, как на него свалилась слава,- именно свалилась,- быстро стали приятелями, часто виделись, часто вместе ездили – то в Петербург, то на юг, то за границу... В нем была смесь чрезвычайной скрытности и чисто детской наивности. «...»

Любочка?

Декабрь – я в Москве, последние встречи с Чеховым. Репетиции "Вишневого сада". Макс Ли. (В номерах Гунста первая ночь – в это время или раньше?) Тут, кажется, "Чернозем".

24 дек. мы с Найденковым уехали в Ниццу. Макс с нами – до Варшавы. Мы в Вену, она в Берлин.

"Ксения", 18 октября 1905 года.

Жил в Ялте, в Аутке, в чеховском опустевшем доме, теперь всегда тихом и грустном, гостил у Марьи Павловны. Дни все время стояли серенькие, осенние, жизнь наша с М. П. и мамашей (Евгенией Яковлевной) текла так ровно, однообразно, что это много способствовало тому неожиданному резкому впечатлению, которое поразило нас всех вчера перед вечером, вдруг зазвонил из кабинета Антона Павловича телефон, и, когда я вошел туда и взял трубку, Софья Павловна⁵⁷ стала кричать мне в нее, что в России революция, всеобщая забастовка, остановились железные дороги, не действует телеграф и почта, государь уже в Германии – Вильгельм прислал за ним броненосец. Тотчас пошел в город – какие-то жуткие сумерки, и везде волнения, кучки народа, быстрые и таинственные разговоры – все говорят почти то же самое, что Софья Павловна. Вчера стало известно, уже точно, что действительно в России всеобщая забастовка, поезда не ходят... Не получили ни

газет, ни писем, почта и телеграф закрыты. Меня охватил просто ужас застрять в Ялте, быть ото всего отрезанным. Ходил на пристань – слава богу, завтра идет пароход в Одессу, решил ехать туда.

Нынче от волнения проснулся в пять часов, в восемь уехал на пристань. Идет "Ксения". На душе тяжесть, тревога. Погода серая, неприятная. Возле Ай-Тодора выглянуло солнце, озарило всю гряду гор от Ай-Петри до Байдарских Ворот. Цвет изумительный, серый с розово-сизым оттенком. После завтрака задремал, на душе стало легче и веселее. В Севастополе сейчас сбежал с парохода и побежал в город. Купил "Крымский вестник", с жадностью стал просматривать возле памятника Нахимову. И вдруг слышу голос стоящего рядом со мной бородатого жандарма, который говорит кому-то в штатском, что выпущен манифест свободы слова, союзов и вообще всех "свобод". Взволновался до дрожи рук, пошел повсюду искать телеграммы, нигде не нашел и поехал в "Крымский вестник". Возле редакции несколько человек чего-то ждут. В кабинете редактора (Шапиро) прочел нако-

нец манифест! Какой-то жуткий восторг, чувство великого события.

Сейчас ночью (в пути в Одессу) долгий разговор с вахтенным на носу. Совсем интеллигентный человек, только с сильным малороссийским акцентом. Настроен крайне революционно, речь все время тихая, твердая, угрожающая. Говорит не оборачиваясь, глядя в темную равнину бегущего навстречу моря.

Одесса, 19 октября.

Возле Тарханкута, как всегда, стало покачивать. Разделся и лег, волны уже дерут по стене, опускаются все ниже. Качка мне всегда приятна, тут было особенно – как-то это сливалось с моей внутренней взволнованностью. Почти не спал, все возбужденно думал, в шестом часу отдернул занавеску на иллюминаторе: неприязненно светает, под иллюминатором горами ходит зеленая холодная вода, из-за этих гор – рубин маяка Большого Фонтана. Краски серо-фиолетовые; рассвет, и эти зеленые горы воды, и рубин маяка. Качает так, что порой совсем кладет.

Пристали около восьми, утро сырое, дождливое, с противным ветром. В тесноте, в тол-

пе, в ожидании схода, узнаю от носильщиков, кавказца и хохла, что на Дальницкой убили несколько человек евреев,- убили будто бы переодетые полицейские, за то, что евреи будто бы топтали царский портрет. Очень скверное чувство, но не придаю особого значения этому слуху, может и ложному. Приехал в Петербургскую гостиницу, увидел во дворе солдат. Спросил швейцара: "Почему солдаты?" Он только смутно усмехнулся. Поспешно напился кофею и вышел. Небольшой дождь, сквозь туман сияние солнца – и все везде пусто: лавки заперты, нет извозчиков. Прошел, ища телеграммы, по Дерибасовской. Нашел только "Ведомости градоначальства". Воззвание градоначальника,- призывает к спокойствию. Там и сям толпится народ. Очень волнуясь, пошел в редакцию "Южного обозрения". Тесное помещение редакции набито евреями с грустными серьезными лицами. К стене прислонен большой венок с красными лентами, на которых надпись: "Павшим за свободу". Зак, Ланде (Изгоев). Он говорит: "Последние дни наши пришли".- "Почему?" – "Подымается из порта патриотическая

манифестация. Вы на похороны пойдете?" – "Да ведь могут голову проломить?" "Могут. Понесут по Преображенской".

Пока пошел к Нилусу. Вдоль решетки городского сада висят черные флаги. С Нилусом пошел к Куровским. Куровский (который служит в городской управе) говорит, что было собрание гласных думы вместе с публикой и единогласно решили поднять на думе красный флаг. Флаг подняли, затем потребовали похоронить "павших за свободу" на Соборной площади, на что дума опять согласилась.

Когда вышел с Куровским и Нилусом, нас тотчас встретил один знакомый, который предупредил, что в конце Преображенской национальная манифестация уже идет и босяки, приставшие к ней, бьют кого попало. В самом деле, навстречу в панике бежит народ.

В три часа после завтрака у Буковецкого узнали, что грабят Новый базар. Уже образована милиция, всюду санитары, пальба... Как в осаде, просидели до вечера у Буковецкого. Пальба шла до ночи и всю ночь. Всюду грабят еврейские магазины и дома, евреи будто бы стреляют из окон, а солдаты залпами стреля-

ют в их окна. Перед вечером мимо нас бежали по улице какие-то люди, за ними бежали и стреляли в них "милиционеры". Некоторые вели арестованных. На извозчике везли раненых. Особенно страшен был сидевший на дне пролетки, завалившийся боком на сиденье, голый студент – оборванный совсем догола, в студенческой фуражке, набекрень надетой на замотанную окровавленными тряпками голову.

20 октября.

Ушел от Буковецкого рано утром. Сыро, туманно. Идут кухарки, несут провизию, говорят, что теперь все везде спокойно. Но к полудню, когда мы с Куровским хотели пойти в город, улицы опять опустели. С моря повсюду плывет густой туман. Возле дома Городского музея, где живет Куровский,- он хранитель этого музея,- в конце Софийской улицы поставили пулемет и весь день стучали из него вниз по скату, то отрывисто, то без перерыва. Страшно было выходить. Вечером ружейная пальба и стучащая работа пулеметов усилилась так, что казалось, что в городе настоящая битва. К ночи наступила гробовая тиши-

на, пустота. Дом музея – большой, трехэтажный – стоит на обрыве над портом. Мы поднимались днем на чердак и видели оттуда, как громили в порту какой-то дом. Вечером нам пришло в голову, что, может быть, придется спасаться, и мы ходили в огромное подземелье, которое находится под музеем. Потом опять ходили на чердак, смотрели в слуховое окно, слушали: туман, влажные силуэты темных крыш, влажный ветер с моря и где-то вдали, то в одной, то в другой стороне, то поднимающаяся, то затихающая пальба.

21 октября.

Отвратительный номер "Ведомостей одесского градоначальства". В городе пусто, только санитары и извозчики с ранеными. Везде висят национальные флаги.

В сумерки глядели из окон на зарево – в городе начальство приказало зажечь иллюминацию. Зарево и выстрелы.

22 октября.

От Буковецкого поехал утром в Петербургскую гостиницу. Извозчик говорил, что на Молдаванке евреев "аж на куски режут". Начал головой, жалел, что режут многих без-

винно-напрасно, негодовал на казаков, матерно ругался. Так все эти дни: все время у народа негодование на "зверей казаков" и злоба на евреев.

Солнце, влажно пахнет морем и каменным углем, прохладно.

В полдень пошел к Куровскому – город ожил, принял совсем обычный вид: идут конки, едут извозчики...

Часа в три забежала к кухарке Куровских какая-то знакомая ей баба, запыхаясь, сообщила, что видела собственными глазами – идут на Одессу парубки и дядьки с дрючками, с косами; будто бы приходили к ним нынче утром, – ходили по деревням и по Молдаванке, – "политики" и сзывали делать революцию. Идут будто и с хуторов, всё с той же целью – громить город, но не евреев только, а всех.

Куровский говорит, что видел, как ехал по Преображенской целый фургон солдат с ружьями, – возле гостиницы "Империаль" они увидели кого-то в окне, остановили фургон и дали залп по всему фасаду.

– Я спросил: по ком это вы? – "На всякий случай". Говорят, что нынче будет какая-то

особенная служба в церквах – "о смягчении сердец".

Был художник Заузе и скульптор Эдвардс. Говорили:

– Да, с хуторов идут...

– На Молдаванке прошлой ночью били евреев нещадно, зверски...

По Троицкой только что прошла толпа с портретом царя и национальными флагами. Остановились на углу, "ура", затем стали громить магазины. Вскоре приехали казаки – и проехали мимо, с улыбками. Потом прошел отряд солдат – и тоже мимо, улыбаясь.

"Южное обозрение" разнесено вдребезги, оттуда стреляли...

Заузе рассказывал: ехал вчера на конке по Ришельевской. Навстречу толпа громил, кричат: "Встать, ура государю императору!" И все в конке поднимаются и отвечают:

"Ура!" – сзади спокойно идет взвод солдат.

Много убито милиционеров. Санитары стреляют в казаков, и казаки убивают их.

Куровский говорит, что восемнадцатого полиция была снята во всем городе "по требованию населения", то есть думой по требова-

нию ворвавшейся в управу тысячной толпы.

В городе говорят, что на слободке Романовке "почти не осталось жидов!".

Эдвардс говорил, что убито тысяч десять.

Поезда все еще не ходят. Уеду с первым отходящим.

Сумерки. Была сестра милосердия, рассказывала, что на слободке Романовке детей убивали головами об стену; солдаты и казаки бездействовали, только изредка стреляли в воздух. В городе говорят, что градоначальник запретил принимать депешу в Петербург о том, что происходит. Это подтверждает и Андреевский (городской голова).

Уточкин⁵⁹, - знаменитый спортсмен, - при смерти; увидал на Николаевском бульваре, как босяки били какого-то старика-еврея, кинулся вырывать его у них из рук... "Вдруг точно ветерком пахнуло в живот". Это его собственное выражение. Подкололи его "под самое сердце".

Вечер. Кухарка Куровских ахает, жалеет евреев, говорит: "Теперь уже все их жалеют. Я сама видела – привезли их целые две платформы, положили в степу – от несчастные,

господи! Трусятя, позамерзли. Их сами козакки провожали, везли у приют, кормили хлебом, очень жалели..."

Русь, Русь!

1906

Глотова (Васильевское). 14 мая 1906 года. Начинается пора прелестных облаков. Вечера с теплым ветром, который еще веет как бы несколько погребной сыростью недавно вышедшей из-под снега земли, прелого жнивья. На востоке, за Островом, смутные, сливающиеся с несколько сумрачным небом облачные розоватые горы. Темнеет – в Острове кукушка, за Островом зарницы. И опять, опять такая несказанно-сладкая грусть от этого вечно-го обмана еще одной весны, надежд и любви ко всему миру (и к себе самому), что хочется со слезами благодарности поцеловать землю. Господи, Господи, за что Ты так мучишь нас!

Из окна кухни блестели куриные кишки – петух сорвался с места и, угнув голову, быстро, мелко, деловито подбежал, сердито рвет, клюет, отматывает кишку от кишки. Отбежал – и опять набежал, роет.

16 июня 1906 г. Ефремов.

Переезд с подворья Моргунова в дом Проселкова, который мы сняли весь за 18 рублей в месяц. От Моргунова впечатление гнусное. Двор в глубоком сухом навозе. Мрачная опухшая старуха, мать хозяина, в валенках... Такие горластые петухи, каких, кажется, нет нигде, кроме постоянных дворов.

Вечером в городском саду. Есть кавалеры и девицы с подвязанными гусками зубы болят. Некоторые из девиц перед отправлением в сад моют полы, корову доят, а в саду для них гремит кекуок.

До середины января я в Васильевском. Потом в Москве.

Вечер в Воронеже?

Сборники "Новое слово", Крашенинникова. Я их редактор. В феврале был в Птб. Зачем? Потом Москва. Вечер в Консерватории, читал "Джордано Бруно" и другое. Приезд Федорова. "Стена" Найденова (?).

Во второй половине февраля уехал в Васильевское. В марте возвратился и ездил в Птб. Зачем?

10 апр. отъезд с Верой в Палестину60.

Возвратились в конце мая.

23 апреля 1907 г.

На пути из Хеврона, в темноте, вдали огни Иерусалима. Часовня Рахили при дороге. Внутри висят фонарь, лампа и люстра с лампадками. Но горит, трещит только одна из них. Старик Шор зашел за большую гробницу, беленную мелом, прислонился к стене и начал, качаясь, молиться.

Наш извозчик еврей из Америки. Когда вышли, услышали крик в темноте возле на-

шей повозки: он чуть не подрался с каким-то проезжим, дико ругался, не обращал ни малейшего внимания на гробницу своей прама- тери.

6 мая 1907 г.

В час дня от ст. Raijak. Подъем. Среди голых гор дико-кирпичного цвета. Вдоль пути шум потока, деревья в зелени. Идет дождь. Все время теснина. Высоко на горах точно развалины крепостей.

1 ч. 45 м., ст. Serehaya. Зеленая покатая круглая равнина. Деревья, посева, деревни с плоскими глиняными крышками. Кругом горы. Сзади огромная голая гора на фоне дождевой тучи и далекая лиловая гора. Возле станции, налево, тоже горы, дико-фиолетовые, в пятнах снега. Прохладно, скоро перевал.

По долине в зеленых посевах. Справа глиняные холмы. Слева скалистые горы. Впереди – исполинский величавый кряж – серебро с чернью. Перевалы пошли вниз...

Спуск. Земля (?) кирпично-глинистая. В посевах – женщины в чем-то цвета мака.

Ст. Zebdani, вся в садах. Женщины в шароварах, в синих юбках и туфлях, на головы на-

кинуты куски темно-лиловой материи.

3 ч. 15 м. Ст. Aiu Fijeh. Поразительная гора над нею. Сады. Перед станцией большие <?> горы, каменно-серо-красноватые.

Тронулись. Теперь кругом горы даже страшные. Шумит зелено-мутная река. Мы едем – и она быстро бежит за нами.

Пошли сады, говорят – сейчас Дамаск.

4 ч. Дамаск.

Огромная долина среди гор, море садов, и в них – весь желто-«нрзб» город, бедный, пыльный, перерезанный серой, быстро бегущей мутно-зеленоватой Барадой, скрывающейся возле вокзала под землю. Остановились в Hotel Orient. После чая на извозчике за город. Удивительный вид на Дамаск. Я довольно высоко поднимался на один из холмов, видел низкое солнце и Гермон, а на юге, по пути к Ерусалиму, три сопки (две рядом, третья-дальше) синих, синих. Возвращались вдоль реки – ее шум, свежесть, сады.

7 мая, 9 ч. утра.

На минарете. Вся грандиозная долина и желто-кремовый город под нами. Вдали Гермон в снегу (на юго-западе). И опять стрижи –

кружат, сверлят воздух. Город даже как бы светит этой мягкой глинистой желтизной, весь в плоских крышах, почти весь слитный. Безобразные длинные серые крыши галерей базара.

Потом ходили по этому базару. Дивный фон. Встретили похороны. Шор записал мотив погребальной песни, с которой шли за гробом.

Магазин Nassan'a.

В 3 часа поехали за город. Пустыни, глиняное кладбище. Большая мечеть-смесь прекрасного и безобразного, нового. Лучше всего, как всюду, дворы мечети. Зашли в гости к гиду.

Вечером на крыше отеля. Фиолетовое на Гермоне. Синевя неба на востоке, мягкая, нежная. Лунная ночь там же. Полумесяц над самой головой.

8 мая.

Проснулся в 5. Выехали в 6.

Путь поразительно скучный – голые горы и бесконечная глинистая долина, камень на камне. Ни кустика, ни травки, ни единого признака жизни.

9 ч. 30. Пустыня, усеянная темно-серыми камнями. Вдали фигура араба в черной накидке.

10 ч. Строящаяся станция. Пока это только несколько белых шатров. Очень дико. Три солдата-араба в синем, два бедуина, зверски черных, в полосатых (белое и коричневое) накидках, в синих бешметах, в белых покрывалах, на голове схваченных черными жгутами, босые. Потом опять глинистая пашня, усыпанная камнями. Порой тощий посев. Пашут на волах. И все время вдали серебро с чернью – цепь гор в снегу с Гермоном над ними. Нигде ни капли воды.

2 часа. Туннель. Потом все время спуск в ущелье, среди серо-желто-зеленоватых гор и меловых обрывов, вдоль какой-то вьющейся речки, по берегам которой розовые цветы дикого олеандра (дафля по-арабски) и еще какие-то дикие, голубые. Поезд несется быстро. Жарко, весело, речка то и дело загорается серебром.

6 часов. Самак. Пустынно, дико, голо, просто.

Нашли лодку с 4 гребцами (за 10 фр.).

Пройдя по совершенно дикарской и кажущейся необитаемой глиняной деревушке, вышли к озеру. Скромный, маленький исток Иордана. Озеро бутылочного цвета, кругом меланхолические, коричневые в желтых пятнах горы. Шли сперва на веслах, потом подняли парус. Стало страшно ветер в сумерках стал так силен, что каждую минуту нас могло перевернуть.

В Тивериаде отель Гросмана, оказалось, весь занят. Пошли ночевать в латинский монастырь. После ужина – на террасе. Лунно, полумесяц над головой, внизу в тончайшей дымке озеро. Ночью в келье-номере было жарко. Где-то кричал козленок.

9 мая.

Утром на лодке в Капернаум. Когда подошли к нему (в десятом часу), стало штилеть, желто-серо-зеленые прибрежные холмы начали отражаться в зеркалах под ними зеленоватым золотом. Вода под лодкой зеленая, в ней от весел извиваются зеленые толстые змеи с серебряными поблескивающими брюхами.

Капернаум. Жарко, сухо, очаровательно. У

берега олеандры. Развалины синагоги. Раскопки. Монах-итальянец.

Из Капернаума в Табху, на лодке же. Из гребцов один молодой красавец, другой похож на Петра Ал. в валяной ермолке. Тишина, солнце, пустынно. Холмы между Капернаумом и Табхой сожженные, желтоватые, кое-где уже созревший ячмень. Возле Табхи что-то вроде водяной мельницы, домишко в ячмене, на самом берегу эвкалипты и два кипариса, молодых, совсем черных. Озеро млеет, тонет в сияющем свете.

В странноприимном немецком доме. Полный штиль. У берегов на востоке четкая, смело и изящно-сильно пущенная полоса, ярко-зеленая, сквозящая. Ближе – водные зеркала, от отраженных гор фиолетово-коричневые. Несказанная красота!

Завтрак, сон.

Три часа, сильный теплый западный ветер, зеленое озеро, мягко клонятся в саду мимозы в цвету, пальмочка.

На террасу вышел работник в черной накидке на голове и черных жгутах по ней (на макушке), в одной синей рубаше, которую за-

вернул ветер на голых ногах почти до пояса.

Сейчас около шести вечера, сидим на крыше. Ветер стал прохладней, ласковей. Воркуют голуби. Все кругом пустынно, задумчиво, озеро бутылочное, в ряби, которую, сгущая, натемняя, ветер гонит к холмам восточного побережья, из-за которых встало круглыми купами и отсвечивает в озере кремовое облако. Там, с тех холмов, сверг Христос в озеро стадо бесноватых свиней⁶¹. Возле нас на жестких бутрах пасутся козы, какой-то табор, совсем дикий, проехал на великолепной белой кобылице бедуин.

10 мая.

Утром в шесть часов купался. Бродяга с обезьяной. Приехал Шор. В девять выехали из Тапхи. Издали видел Магдалу. Дорога из Магдалы в Тивериаду идет вдоль берега. По ней часто ходил Христос в Назарет. Черные козы.

В Тивериаде очень жарко.

После завтрака выехали в Назарет. Гер Антон, милый Ибрагим. Подъем, с которого видно все озеро и Тивериада. На востоке синеватуч слилась с синевой гор, и в ней едва видными серебряными ручьями означает Гер-

мон. Перевал и снова подъем. Фавор слева, круглый, весь покрытый лесом. Длинная долина, посева.

Кана. Кактусы, гранаты в цвету, фиговые деревья, женщины в кубовых платьях. Кана в котловине и вся в садах.

Подъем, снова долина, снова подъем, огромный вид на долину назад. Потом котловина Назарета. Отель "Германия". Мальчик-проводник в колпачке на макушке. Церковь и дом Богородицы. Потом лунная ночь.

11 мая.

Утром из Назарета. Необъятная долина и горы Самарии. Потом подъем, ехали дубовым лесом. Снова долина, и вдалеке уже полоса моря.

Удивительный цвет залива в Кайфе сквозь пальмы. В четыре на Кармель. Вид с крыши монастыря Ильи, виден Гермон. Лунный вечер,- это уже возвратясь в Кайфу,- ходил за вином.

12 мая.

Рано утром на пароходе. Жарко, тяжелое солнце. До Порт-Саида сто франков. В три часа снова Яффа. Опять Хаим и кривой. Закат во

время обеда.

13 мая. Порт-Саид.

Купил костюм. В час из Порт-Саида, в экспрессе на Александрию. Озеро Мензалех. Вдали все розовое, плоский розовый мираж. В шестом часу Каир пыльно-песчаный, каменистый, у подножия пустынного кряжа Мокатама.

Вечером на мосту. Сухой огненный закат, пальма, на мосту огни зеленоватые, по мосту течет река экипажей.

Ночью почти не спал. Жажда, жара, москиты. В час ночи ходил пить в бар. Проснулся в пять. К пирамидам. Туман над Нилом. Аллея к пирамидам – они вдали, как риги, цвета старой соломы. Блохи в могильниках за пирамидами. На возвратном пути Зоологический.

Вечером в цитадели. Новая, но прелестная мечеть. Вид на Каир, мутный и пыльный, ничтожный закат за великой Пирамидой.

15 мая.

Выехали в семь с половиной часов утра. Равнина. Рамле. Александрия. "Император Николай Второй". Все загружено русскими богемольцами из Палестины. Та же каюта.

16 мая, утром, в Средиземном море.

Опять эта поразительная сине-лиловая, гу-
стая, как масло, вода, страшно яркая у бортов.

Вчера вечером страшная резня кинжала-
ми на палубе (самаркандские евреи).

Четыре часа. Слева волнистые линии Крита, в дымке. У подножия – светлый туман.

1908

24 апр. Так холодно, что полушубок.

29 апр. Холод, весь день дождь. Но все
зелено и соловьи.

15 мая. Белые облака яблочного цвета с ро-
зовым оттенком на фоне нежной зелени. Во
всех комнатах запах ландышей.

26 мая 1909 г.

Перед вечером пошли гулять. Евгений, Петя и дьяконов сын пошли через Казаковку ловить перепелов, мы с Колей62 в Колонтаевку. Лежали в сухом ельнике, где сильно пахло жасмином, потом прошли луг и речку, лежали на Казаковском бугре. Теплая, слегка душная заря, бледно-аспидная тучка на западе, в Колонтаевке цоканье соловьев. Говорили о том, как бедно было наше детство – ни музыки, ни знакомых, ни путешествий... Соединились с ловцами. Петя и дьяконов сын ушли дальше, Евгений остался с нами и чудесно рассказывал о Доньке Симановой и о ее муже. Худой, сильный, как обезьяна, жестокий, спокойный. "Вы что говорите?" И кнутом так перевьет, что она вся винтом изовьется. Спит на спине, лицо важное и мрачное, "кляп на животе, как двустволка". Потом перешли к мужицкой нищете, грязи, к мужицкому бессмысленному и грубому разврату с женами, следствие которого невероятное количество детей. "Конечно, каждую

ночь. А то как же? Потушат огонь, сейчас за подол и пошел чесать..." Да, я пишу только со-
тую долю того, что следовало бы написать, но
чего не вытерпит ни одна бумага в мире. Еще
Евгений рассказывал, как какой-то новосель-
ский мужик привязывал свою жену, всю го-
лую, за косу к перемету и драл ее вожжами до
потери сознания.

11 июня 1909 г., возвратясь из Скородного.

Утро, тишина, мокрая трава, тень, блеск,
птицы и цветы. Преобладающий тон белый.
Среди него лиловое (медвежьи ушки), крас-
ное (кашка, гвоздика, иначе Богородицына
трава), желтое (нечто вроде желтых маргари-
ток), мышиный розовый горошек... А в поле,
на косогоре, рожь ходит зыбью, как какой-то
великолепный сизый мех, и дымится, дымит-
ся цветом.

21 июня 1909 г.

Полмесяца грозы и холодные ливни, вчера
и нынче первые хорошие дни.

Поразительная лунная ночь, светлый дым,
туман в саду и на огороде, все мокро, коро-
стель; под Колонтаевкой, на лугу – густой бе-
лый слой тумана. Двенадцатый час, на севе-

ро-востоке уже затеплилась розоватая Капелла, играет зеленым и красным. Петухи.

У лавочника Сафонова на ковре над постелью был изображен тигр, тело в профиль, морда en face – и подпись:

Ягуар, краса лесов,

Чует близость стаи псов.

Плотники часто пакостят при постройке домов: разозлятся на хозяина и вобьют, например, гвоздь от гроба под лавкой в переднем углу, а хозяину после того все покойники будут мерещиться.

1911

14 мая, село Васильевское-Глотово.
Приехали одиннадцатого.

Нынче прохладно. Еще по-ранневесеннему кричат грачи в глотовском саду на старых голых березах. Наш сад одевается. Зелень свежая, густая, мягкая даже на вид. На яблонях еще видны ветви,- не совсем еще опушились зеленью, особенно мягкой и сероватой (по сравнению с более зеленой и гораздо более яркой на кленах). Кисти сирени уже серо лиловеют. Густая трава усыпана голубенькими

цветочками.

Весь день трезвонят на колокольне – лавочник Ив. Лаврентич нанял мальчишек и велел звонить с утра до вечера, чтобы прошел слух, что он, новый староста, чтит царские дни. Безобразит церковь,- обивает стены железом дикого цвета. <...>

Как дьявольски густы у некоторых мужиков бороды исподнизу! Что-то зоологическое, древних времен.

Царствие божье, радость внутри нас самих. Для радости порою надо удивительно мало. Бывало, в гимназии, зацепится у учителя панталона за заднее ушко штиблета,- какой смех!

20 мая 1911 г.

Молились о дожде мужики, потом Бахтеяров, было отдание Пасхи, Вознесение по целым дням трезвон на колокольне. Так и свяжется в воспоминании эта весна с этим трезвоном. И станет все милым, грустным, далеким, невозвратным.

Был довольно молодой мужик из Домовин. Говорит, был 14 лет в Киеве, в Лавре, и хвастается: "выгнали за девочек, игумен поймал за

работой... Я провиненный монах, значит". Почему хвастается? Думаю, что отчасти чтобы нам угодить, уверен, что это должно нам очень нравиться. Вообще усвоил себе (кому-то на потеху или еще почему-то?) манеру самой цинической откровенности. "Что ж, значит, ты теперь так и ходишь, не работаешь?" – "Черт меня теперь заставит работать!" В подряснике, в разбитых рыжих сапогах, женский вид, с длинными жидкими волосами,- и моложавость от бритого подбородка (одни русые усы). Узкоплеч и что-то в груди – не то чахоточный, не то слегка горбатый. "Нет ли, господа, старенькой рубашечки, брючишек каких-нибудь?" Я подарил ему синюю косоворотку. Преувеличенный восторг. "Ну, я теперь надолго житель!"

Ездили недавно в Скородное. Как чудесно! Был жаркий день, и какая свежесть и густота трав и зелени деревьев, какая прелесть полураспустившихся дубков! Великое множество мелких желтеньких цветов,- целые поляны ярко-желтые,- и желтых лилий, а больше всего все искраплено какими-то голубенькими, вроде незабудок. И уже много лиловых медве-

жких ушек на их высоких стеблях.

Как-то вечером гуляли в Острове. Леви-тановские мягко-лиловые тучки, нежно-алые краски на закатном небе. И прелесть соединения свежести, сочности молодой зелени с запахом прошлогодней листвы. Необыкновенно тонкое время.

Вчера холод, осенние тучи. Ночь ледяная, с золотой крупной Венерой над закатом, с молодым месяцем.

Нынче ясно, весело, но ветрено и холодно. Карпушка говорит вместо фокстерьер – фокстерьерц. Конечно, это гораздо более по-русски.

28 мая 1911 г.

Все последние дни лил дождь, холод ужасный.

Сейчас пять часов, резко потеплело. Заходила огромная лилово-синяя туча с юга, гремел гром. Против солнца она стала металлической, зелень сада на ее фоне необыкновенна. Мы с Колей смотрели к югу от людской. Глотовский сад, бахтеяровский, зеленая долина под Колонтаевкой – все образовывало чудеснейший пейзаж, теплый, весенний. Зе-

лень кленов яркая, лозин и берез – нежная, бледная; на зеленях возле Колонтаевки – чуть синеватый налет. Прелестная серебристость старых тополей в лугу под глотовской усадьбой.

– Карпушка, а ты знаешь, что такое пейзаж?

Молчит.

– Ну что ж ты молчишь? Немой, что ли? Что такое пейзаж?

– А я знаю?

– Ну, все-таки? Помолчав:

– Лапша.

– Ты очумел!

– Ну матерком что-нибудь...

Стряпуха, его мать, ходила возле ограды, собирала в фартук желто-пуховых кривоногих утят, боясь нового дождя.

В церковной караулке часы часто останавливаются: мухи набиваются. Сторож бьет по ночам иногда черт знает что, – например, одиннадцать вместо двух.

5 июня 1911 г.

Настасья Петровна привезла в подарок Софье Петровне Ромашковой огромный белый

платок, весь в черных изображениях черепов и костей, с черными надписями: "Святой Боже, Святой Крепкий".

Старуха Луковка; специальность обмывать покойников, быть при похоронах, и это уже давно, чуть не с молодости. "Сюжет для небольшого рассказа". На варке у нее одна овца. Хороша жизнь и овцы этой!

Мужик с култышкой (уродливый большой палец) и узким когтем вместо ногтя.

Ярыга, циник печник.

Дворянская близость с дворовыми и усвоенная, конечно, от них, дворовых, манера потешаться над собой, забавлять собой.

7 июня.

Приехал Юлий.

Первый хороший день, а то все лютые холода и проливные дожди.

8 июня.

Юлий привез новость – умер ефремовский дурачок Васька. Похороны устроили ему ефремовские купцы прямо великолепные. Всю жизнь над ним потешались, заставляли дрожить и покатывались со смеху, глядели, как он "стареется", - а похоронили так, что весь го-

род дивился: великолепный гроб, певчие...
Тоже "сюжет".

Монахиня, толстая старуха, белое лицо об-
резано черным клобуком; в очках, в новых
калошах.

20 июня.

Третий день хорошая погода.

Вчера ездили кататься на Знаменское. Ло-
щинки, бугор, на бугре срубленный лес, запах
костра. Два-три уцелевших дерева, тонких,
высоких; за листвой одного из них зеркаль-
ная луна бобом (половинкой боба). Ехали на-
зад мимо знаменского кладбища – там стари-
ки Рышковы и уже Валентин с ними. А на
кладбище возле Знаменской церкви – наши:
дед, бабка, дядя Иван Александрович, на кото-
рого я, по словам матери, будто бы разитель-
но похож.

Нынче опять катались, на Жадовку. Дол-
гий разговор с Натахой о крепостной, старин-
ной жизни. Восхищается.

3 июля.

Изумительно – за все время, кажется, всего
два-три дня хороших. Все дождь и дождь.

Ездили с Юлием и Колей в Слободу.

Нынче опять был дождь, хотя клонит, видимо, на погоду. Сейчас 6 часов, светло и ветрено, по столу скользят свет и тени от палисадника. Речка в лугу как огромное ослепительное, золотое зеркало. Только что вернулись от Таганка, стовосьмилетнего старика. Весь его "корень" – богачи, но грязь, гнусность, нищета кирпичных изб и вообще всего их быта ужасающие. Возвращаясь, заглянули в избу Донькиной старухи – настоящий ужас! И чего тут выдумывать рассказы достаточно написать хоть одну нашу прогулку.

Мужики "барские" называют себя, в противовес однодворцам, "русскими". Это замечательно.

Таганок63 милый, трогательный, детски простой. За избой, перед коноплями, его блиндаж; там сани, на которых он спит, над изголовьем шкатулочка, где его старый картуз, кисет. Когда пришел, с трудом стащил перед нами шапку с голой головы. Легкая белая борода. Трогательно худ, опущенные плечи. Глаза без выражения, один, левый, слегка разодран. Темный цвет лица и рук. В лаптях. Ничего общего не может рассказать,- только

мелкие подробности. Живет в каком-то другом, не нашем мире. О французах слабо помнит – "так,- как зук находит". Ему не дают есть, не дают чаю,- "ничтожности жалеют", как сказал Григорий.

Говорит с паузами, отвечает не сразу.

– Что ж, хочется еще пожить?

– А бог ё знает... Что ж делать-то? Насильно не умрешь.

– Ну, а если бы тебе предложили прожить еще год или, скажем, пять лет? Что бы ты выбрал?

– Что ж мне, ее приглашать, смерть-то? (И засмеялся, и глаза осмыслились.) Она меня не угрызет. Пускай кого помоложе, а меня она не угрызет – вот и не идет.

– Так как же? Пять лет или год?

Думает. Потом нерешительно:

– Через пять-то годов вошь съест...

15 июля.

Уже дней десять – и без перерыва – дождь.

Я уже с неделю болен – насморк, бронхит. Вообще, когда же это кончится, мое самоубийство, летняя жизнь в Васильевском?

Нынче Кирики, престольный праздник,

ярмарка. Выходил. Две ужасных шеренги нищих у церковных ворот. Особенно замечателен один калека. Оглобли и пара колес. Оглобли наполовину заплетены веревкой, на оси – деревянный щиток. Под концами оглобель укороченная, с отпиленными концами дуга, чтобы оглобли могли стоять на уровне оси. И на всем этом лежит в страшной рвани калека, по-женски повязанный платком, с молочно-голубыми, почти белыми, какими-то нечеловеческими глазами. Лежит весь изломанный, скрюченный, одна нога, тончайшая, фиолетовая, нарочно (для возбуждения жалости, внимания толпы) высунута. Вокруг него прочая нищая братия, и почти все тоже повязаны платками.

Еще: худой, весь изломанный, без задницы, один костреч высоко поднят, разлапые ноги в сгнивших лаптях. Невероятно мерзки и грязны рубаха и мешок, и то и другое в запекшейся крови. В мешке куски сального недоваренного мяса, куски хлеба, сырые бараньи ребра. Возле него худой мальчишка, остроухий, рябой, узкие глазки. Весело: "Подайте, папашечки!" Еще: малый, лет двадцати пяти,

тоже рябой и веселый. Сказал про одного нищего, сидевшего на земле, у которого ноги в известковых ранах, залепленных подорожником, и в лиловых пятнах: "Ето считается по старинному заведению проказа". Потом все нищие деловито двинулись на ярмарку. Прокаженный поехал, заерзал задницей по земле.

Кирюшка рассказывает, что его родственник, "Трегубый", уже лет двадцать пьет, собирая на Иерусалим. Говорят, что в Рождестве ребята страшно франтят и пьют? "По двадцати целковых сапоги. Теперь новый народ пошел!"

Мужик на ярмарке, держа елозившего у него под мышкой в мешке поросенка, целый час пробовал губные гармонии и ни одной не купил. Веселый, ничуть не смутился, когда торгаш обругал его.

Грязь страшная. Сейчас, после полдня, опять дождь. На гумне пахнет теплой и сырой землей и "бздюкой".

Для рассказа: бородатый, глаза блестящие, забитый курносый нос, говорит, говорит и налезает на человека.

19 июля.

Вчера и нынче первые хорошие дни, нынче особенно. Тихо, розоватое солнце сквозь голубой сухой тонкий туман.

Шесть часов. Все стало еще краснее от этого тумана. Река в лугу течет золотым красно-ватым пламенем.

Половина восьмого. Солнце в аспидной мути, малиново-огненное (особенно сквозь ветки палисадника).

Без двадцати восемь. Совсем помутнело, малиновое.

Юлий и Коля уехали в Ефремов, Софья в Орел.

29 июля 1911 г.

Все время отличная погода.

Ездили с Юлием на Бутырки. О, какое грустное было мое детство! Глушь, Николай Осипович⁶⁴, мать...

25-го уехал Юлий.

Идешь вечерком к Пескам – из-за Острова большая луна, сперва малиновая, потом оранжевая, и все прозрачнее и прозрачнее.

Вчера вечером катались (с Верой и Колей), к лугам на Предтеченево. Что за ночь была! И

вообще какое прелестное время – начало августа! Юпитер низко на юге. Капелла на севере. Лозинки вдоль дороги, за ними луна. Слева, сзади чуть алеющий закат, бледно-бледно-синие, необыкновенной красоты облака. Справа жнивье, бледное в лунном свете, телесного цвета. Рисового цвета ряды. Думал о поздней осени: эти луга, очень высокая луна, тонкий туман в лугах... Потом с грустью вспомнил Бутырки, ужин, самоцветные глаза собак под окнами... отец ложится спать под окнами в телегу...

Нынче Вера уехала в Лазавку.

Перед вечером опять было оранжево-золотое солнце и оранжево-золотой блеск в реке.

Сейчас 10 часов. Луна уже высоко, но она на каком-то непрозрачном небосклоне. Ночь вообще странная – тени от меня нет. Луна очерчивается на этом небосклоне розово-желтым, без блеску диском.

Лежали с Колей на соломе. О Петре Николаевиче – как интересна психика человека, прожившего такую изумительно однообразную и от всех внутренне сокровенную жизнь! Что должен чувствовать такой человек?. Все

одно и то же дожди, мороз, метель, Иван Федоров... Потом о Таганке: какой редкий, ни на кого не похожий человек! И он – сколько этого однообразия пережил и он! За его век все лицо земли изменилось, и как он одинок! Когда умерли его отец и мать? Что это были за люди? Все его сверстники и все дети их детей уже давно-давно в земле... Как он сидел вчера, когда мы проходили, как головой ворочал! Сапсан! Из жизни долголетнего человека можно написать настоящую трагедию. Чем больше жизнь, тем больше, страшней должна казаться смерть. В 80 лет можно надеяться до 100 дожить. Но в 100? Больше не живут, смерть неминуема. А при таком долголетии как привыкает человек жить! <...>

30 июля.

Сейчас, перед обедом, ходили через деревню на кладбище. Пустое место среди изб – бугры глины, битого кирпича, заросшие лебедью, репьями. Двор Пальчикова, подсолнечники на гумне.

Кладбище все в татарках, ярких, темно-лиловых и розовых (другого сорта). И уже приметы осени – уже есть татарки засохшие, из

одного шелковистого серого пуха, который будет осенью летать. В картофеле еще есть цветы. По валам чернобыльник.

"Наглый хохот черных женщин. Спросите ее об ее имени – хохот и вранье". Это из Гончарова. То же самое и в русской деревне.

"Голубое небо с белым отблеском пламени". Очень хорошо.

"Если вы ничего не знаете о жизни, что же вы можете знать о смерти?" Конфуций⁶⁵. <...>

2 августа 1911 г.

Погода непрерывно чудесная. Особенно хороши лунные ночи. Вчера, от половины десятого, с час гулял. Обошел весь сад. Уже кое-где хрустит под ногами точно поджаренная листва, чуть пахнет яблоками (хотя их нет), корой, дымком, кое-где тепло, кое-где свежесть. Просветы между стволами на валу. Стоял у шалаша. Какой чудесный пролет на старое кладбище, на светлое поле! Светлый горизонт, розоватый. Сухая наглаженная солома кое-где блестит на земле.

На что похожи копны в поле? Обрывки цепи, гусеницы.

Страстное желание (как всегда в хорошую

погоду) ехать. Особенно на юг, на море, на купанье.

8 августа.

Еду в Одессу, пишу под Киевом, в вагоне.

1912

9 мая 1912 г

Юлий, Митя и я ездили в Симонов монастырь. Потом в 5-м часу были у Тестова. Говорили о Тимковском, о его вечной молчаливой неприязни к жизни. Об этом стоит подумать для рассказа.

Ресторан был совершенно пустой. И вдруг – только для нас одних развеселый звон и грохот, кекуок.

19 мая. Глотова (Васильевское).

Приехали позавчера.

Пробыли по пути пять часов в Орле у Маши. Тяжело и грустно. Милая, старалась угостить нас. Для нас чистые салфеточки, грубые, серые; дети в новых штанишках.

Орел поразил убожеством, заброшенностью. Везде засохшая грязь, теплый ветер несет ужасную пыль. Конка – нечто совершенно восточное. Скудная жара.

От Орла – новизна знакомых впечатлений, поля, деревни, все родное, какое-то особенное, орловское; мужики с замученными скукой лицами. Откуда эта мука скуки, недовольства всем? На всем земном шаре нигде нет этого.

В сумерках по Измалкову. У одной избы стоял мужик – огромный, с очень обвислыми плечами, с длинной шеей, в каком-то высоком шлыке. Точно пятнадцатое столетие. Глушь, тишина, земля.

Вчера перед вечером небольшой теплый дождь на сухую сизую землю, на фиолетовые дороги, на бледную, еще нежную, мягкую зелень сада. Ночью дождь обломный. Встал больным. Глотова превратилось в грязную, темную яму. После обеда пошли задами на кладбище. Возвращались по страшной грязи по деревне. Мужик покупал на улице у торговца овечьи ножницы. Долго, долго пробовал, оглядывал, торговец (конечно, потому, что надул в цене) очень советовал смазывать салом.

Мужик опять точно из древности, с густой круглой бородой и круглой густой шапкой волос; верно, ходил еще в извоз, плел лапти, пристукивал их кочедыгом при лучине.

Перед вечером пошли на луг, на мельницу. Там Абакумов со своими ястребиными глазами (много есть мужиков, похожих на Удельных Великих Князей). Пришел странник (березовский мужик). Вошел, не глядя ни на кого, и прямо заорал:

*Придет время,
Потрясется земля и небо,
Все камушки распадутся,
Престолы Господни нарушатся,
Солнце с месяцем примеркнут,
И пропустит Господь огненную реку
И поморит нас, тварь земную,
Михаил Архангел с небес сойдет,
И вострубит у трубы,
И возбудит всех мертвых от гроба,
И возглаголет:
Вот вы были-жили
Вольной волей,
В ранней обедне не бывали,
Поздние обедни прожирали:
Вот вам рай готовый,
Огни негасимые!
Тады мы к матери сырой земле припадем
И слезно восплачем, возрыдаем.
(Я этот стих слышал и раньше, немно-*

го иначе.)

Потом долго сидел с нами, разговаривал. Показывается, идет "по обещанию" в Белгород (ударение делает на "город"), к мощам, как ходил и в прошлом году, дал же обещание потому, что был тяжело болен. Правда, человек слабый, все кашляет, борода сквозная, весь абрис челюсти виден. Сперва говорил благочестиво, потом проще, закурил. Абакумов оговорил его. Иван (его зовут Иваном) в ответ на это рассказал, почему надо курить, жечь табак: шла Богородица от Креста и плакала, и все цветы от слез Ее сохли, один табак остался; вот Бог и сказал – жгите его. Вообще оказалось, любит поговорить. Во дворе у него хозяйствует брат, сам же он по слабости здоровья даже не женился. Был гармонистом, то есть делал и чинил гармонии. Сидел в садах, на огородах. Разговор начал певуче, благочестиво, тоном душеспасительных листков, о том, что "душа в волнах, в забытищах".

Потом Иван зашел к нам и стал еще проще. Хвалился, что он так забавно может рассказывать и так много знает, что за ним, бы-

вало, помещики лошадь присылали, и он по неделям живал в барских домах, все рассказывал. Прочитал, как слепые холстину просят:

*Три сестры жили, три Марии Египетские были,
На три доли делили, то богаты были.
Одну долю отделили, незрящее тело прикрывали,
А другую долю отделили по тюрьмам-темницам,
Третью долю отделили по церквам-соборам.
Не сокращайте свое тело хорошим рядом,
А сокрасьте свою душу усердным подаяньем.
Это ваше подаяние будет на первом присутствии
Как свеча перед образом-Богом.
Не тогда подавать, когда соберемся помирать,
А подавать при своем здоровье,
Для своей души спасенья,
Родителям повиновенья.
На том не оставьте нашей просьбы!
Рассказывал, что если слепым не пода-*

*ют, они проклинают:
Дай тебе, Господь, два поля крапивы
Да третье лебеды,
Да 33 беды!
Новая изба загорись,
Старая провались!*

Вечером гуляли. Когда шли на Казаковку, за нами шла девочка покойного Алешки-Барина, несла пшено. "На кашу, значит?" – "Нет, одним цыплятам мать велит, а нам не дает". Мать побирается, девочка все одна дома, за хозяйку, часто сама топит. "У нас тусы есть, два, цыплят целых двенадцать..."

21 мая.

Еще лучше день, хотя есть ветерок. Ходили на кладбище. Назад через деревню. Как грязны камни у порогов! Солдат, бывший в Манжурии. Море ему не нравится. "Японки не за-влекательны".

Иван рассказывал, что в Духовом монастыре (под Новосилем) есть такой древний старец, что, чтобы встать, за рушник, привязанный к костылю в стене, держится. "И очень хорошо советует".

Шкурка змеи – выползень.

Перечитываю Куприна. Какая пошлая легкость рассказа, какой дешевый бойкий язык, какой дурной и совершенно не самостоятельный тон.

23 мая.

Встретил Тихона Ильича. Говорит, что чудесно себя чувствует, несмотря на свои 80 лет, только "грызь живот проела". Сам себе сделал деревянный бандаж. "О! Попробуй-ка! Так и побрехивает!" И заливается счастливым смехом.

Мужик Василий Старуха похож на Лихунчанга, весь болен – астма, грыжа, почки. Побирается, а про него говорят:

"Ишь войяжирует!"

Ездили через Знаменье к Осиновым Дворам.

Дьяконов сын. Отец без подрясника, в помочах, роет вилами навоз, а сын: "Ах, как бы я хотел прочитать "Лунный камень" Бальмонта!"

Из солдатского письма: "Мы плыли по высоким волнам холодного серого моря".

25 мая.

Все зацвело в садах.

Вчера ездили через Скородное. Избушка на поляне, вполне звериное жильё, крохотное, в два окошечка, из которых каждое наполовину забито дощечками, остальное – кусочки стекол и ветоши. Внутри плачет ребенок Марфутки, дочери Федора Митрева, брошенной мужем. А лес кругом так дивно зелен. Соловьи, лягушки, солнце за чащей осинника и вся белоснежная большая яблоня "лесовка" против избушки.

Нынче после обеда через огороды. Нищая изба Богдановых, полная детей, баб, живут вместе два брата. Дети идиоты. На квартире Лопата. Любовница Лопаты со смехом сказала, что он очень болен. Он вышел пьяный. Вид – истинный ужас. Разбойник, босяк, вся морда в струпьях, - дрался с любовницей. Пропивает землю и мельницу.

Был на мельнице. Разговор с Андреем Симановым. По его словам, вся наша деревня вор на воре. Разговор о скопцах. Мужик сказал про лицо скопца: "голомысый". Малый, похожий на скопца, жуёт хлеб и весело: "Вот выпил, хлебушка закусил, оно и поблажало".

<...>

27 мая. 12 ч.

Ждем Юлия.

Сплю плохо, вчера проснулся очень рано от тоски в животе и душе. Было дивное утро. Свежесть росы, ясность всего окружающего и мысли. Пять часов, а уже все давно проснулось. Все крыши дымились – светлым снизу, тонко и ярко голубым дымом. Нынче опять проснулся около пяти. День дивный, но не выходил до обеда, немного повышена температура. После обеда, часа в два – часто, часто: бам-бам-бам-бам! – набат. Побежали за сад – горит глотовская деревня. Огромный извивающийся столб дыма прелестного цвета, а ниже, сквозь дым, огромное пламя цвета уже совсем сказочного, красно-оранжевого, точно яркой киноварью нарисованного. На деревне творилось нечто ужасающее. Бешено, с дикарской растерянностью таскали из всех изб скарб необыкновенного дикарского убожества. Бабы каждая точно десять верст пробежала, бледны смертельно, жалкие безумные лица, даже и кричать не могут, только бегут и стонут. Жара – суций ад, конец улицы

совершенно застлан дымом. В один час сгорело девять дворов. Народ со всех деревень все бежит и бежит. Бежит баба, за ней коза. Остановится, ударит козу и опять бежит, а коза за ней.

Перед вечером ходили опять на деревню. Встретили рыжего мужика, похожего на Достоевского: "Мой двор девка отстояла, я был в волости. Одна отстояла: ходит и поливает, только и всего. Ходит и поливает, ходит и поливает". И оттого, что выпивши, и от умиления – слезы на глазах. "Мне давно один человек говорил: ваша деревня процветает, говорит". Подозревают, что деревню сожгли те три двора, что общество хотело выселить в Сибирь (да не выслало, ибо на высылку нужно было 900 рублей). Один из этих дворов – двор тех, что убили Ваньку Цыпляева. Возле песков встретили отца этого Ваньки. Шея клетчатая, пробковая. Рот – спеченная дыра, ноздри тоже, в углах глаз белый гной. Лысый. Потом нас нагнал еще какой-то мужик, а с ним кузнец, он же и сельский писарь, маленький, говорливый, знаменитый тем, что он всю жизнь посвятил сутяжничеству. К

каждому слову: "согласно статье" (не говоря, какой именно) и "глазомерно" (ни к селу ни к городу).

Все последние дни цвели яблони и сирень. Из зала через гостиную в окне моей комнаты – ярко-темная зелень, ниже как бы зимний вид – белизна яблонь, еще ниже купы цветущей сирени.

28 мая.

Прелестнейшая погода, и все слава богу – и Юлий, и Евгений с нами. Евгений рассказывал об отце Николки Мудрого, которого звали Хмеру, за привычку его говорить к каждому слову "к хмеру", т. е. "к примеру". Он пьянствовал совершенно как одержимый, старуху-жену убивал каждый день до полусмерти. Наконец она сказала ему, что идет к земскому, просить, чтобы у него отобрали все имущество. И ушла к соседкам. Он посидел, посидел на пороге, потом встал, вошел в избу, взял веревку, поцеловал дочь-девчонку, пошел в закуту и удавился. Когда Николка (который убивал его страшно, каждый праздник) вернулся под вечер домой, он уже давно был мертв. Николка перерезал веревку, на кото-

рой он висел, вытащил его из закуты и положил на навоз возле ворот. Лапти Хмеру за чем-то снял, был в одних онучах. И они торчали серыми трубками.

Ходили в Колонтаевку. Говорили, что хорошо бы написать историю Е. с Катькой. Как он потребовал, чтобы она, его любовница, подвела ему Настьку, - "а не то брошу тебя". Лунная ночь, он с Катькой в копнах. Мать подсматривает, а разогнать боится – барин, дает денег. Коля говорил о босяках, которые перегоняют скотину, покупаемую мещанами на ярмарках. Я подумал: хорошо написать вечер, большую дорогу, одинокую мужицкую избу; босяк – знаменитый писатель (Н. Успенский или Левитов)... Евгений рассказывал: у него в саду сидели два босяка, часто ссорились, и один, бывший солдат, наконец застрелил другого (с мыслью сказать, что тот сам застрелился). Холод, поздняя осень. Он перемыл в пруде рубашки, портки, снятые с убитого, надел их. Варил кашу, ночевал от холода под ящиком для яблок...

Потом о последнем дне нашего отца. Исповедуясь, он лежал. После исповеди встал, сел,

спросил: "Ну, как по-вашему, батюшка,- вы это знаете,- есть во мне она?" Робко и виновато. А священник резко, грубо: "Да, да, пора собираться".

31 мая.

Прекрасная погода.

Вчера ездили осматривать жадовскую землю, по межам, среди хлебов.

Нынче часов в пять пришел какой-то нищий солдат, пьяный, плакал, ругал и дворян и забастовщиков, а царя то ругал, то говорил, что он, батюшка, ничего не видит. <...>

А через час еще один бродяга, в скуфье. Поразительно играл глазами, речь четкая, повышенная, трагическая: "Бог есть добро, добро во человеколюбии!" <...>

7 июня 12 г.

<...> Читал биографию Киреевского⁶⁷. Его мать – Юшкова, внучка Бунина, отца Жуковского.

Поездка в Гурьево. На обратном пути ливень. Оборвался гуж, мучительно тащились по грязи.

Разговаривал с Илюшкой о казнях. Говорил, что за сто рублей кого угодно удавит,

"только не из своей деревни". "Да чего ж! Ну, другие боятся покойников, а я нет".

К Андрею Сенину приبلудилась собака. "Пожила, пожила, вижу – без надобности, брехать не брешет, ну, я ее и удавил".

В избе у Абакумова показывал фокусы заезжий бродячий фокусник. В избе стояла колова. Ее "для приличия" отделили от публики "занавесом" – веретьями.

Гуляли с Юлием. Грязь, сырость, холодно. Перебирали ефремовскую компанию. Знаменитый по дерзости еврей Николаев, бывший всех в морду, Анна Михайловна, помощник податного инспектора, сборы Маши в городской сад... Ужасно!

13 июня.

Все эти дни то хорошо, то дождь.

Вчера ездили в Осиновые Дворы.

Сырой, с тучами вечер. Прошли до песков, оттуда через деревню. Стояли возле избы Григория, бывшего церковного сторожа. Сдержан в ответах. Очень вообще скрытны, хитры мужики.

У старух, когда они молятся, кладут поклоны, трещат коленки.

– Что это ты, Тихон Ильич, грустный стал?

– Чем грузный?

16 июня 12 г.

Поездка в лес Буцкого. Выгоны в селе Малинове. Мужик точно древний великий князь. Много мужиков, похожих на цыган.

Ребенок, заголив белое пузо с большим пупком, заносит через порог кривую ножку.

За Малиновым – моря ржей, очаровательная дорога среди них. Лужки, вроде бутырских. Мелкие цветы, беленькие и желтые. Одинокий грач. Молодые грачи на косогоре, их крики. Пение мошкары, жаворонков – и тишина, тишина...

Потом большая дорога – и пение косцов в лесу: "На родимую сторонущку..." В лесу усадьба, полумужицкая. Запах елей, цветы, глушь. Огромные собаки во дворе. Говорят, как-то разорвали человека.

На большой дороге деревушка.

Шла отара,- шум от дыхания щиплющих траву овец.

Вечер, половина одиннадцатого. Гроза, ливень, буря. Слепит белой молнией, сполохом с зеленоватым оттенком,- в общем остается

впечатление жести и лилового. Туча с запада. А за садом полный оранжевый месяц (очень низкий) за мотающимися ветвями сада. Небо возле него чисто. Выше красивые облака, точно из размазанных и засохших чернил.

Сейчас опять глядел в окно: месяц прозрачный и все-таки нежный, молния ослепляет белым, в последний миг оставляя в глазах лиловое.

17 июня.

Ночь провел плохо,- всю ночь гроза. Просыпался в четыре. Был страшный удар.

После обеда сидел в шалаше. Что за престелный человек Яков68, как приятно слушать его. Всем доволен. "И дождок хорошо! Все хорошо!" Был женат, пять человек детей; с женой прожил 21 год, потом она умерла, и он был семь лет вдовцом. Жениться второй раз уговорили. Был у родных, пришла дурочка "хлебушка попросить".- "А хочешь замуж?" – "За хорошую голову пошла бы".- "Ну, вот тебе и хорошая голова",- сказал ей Яков про себя. Повенчались, а она "прожила с после Успенья до Тихвинской – и ушла. Меня,

говорит, прежние мужья жамками, канахфектами кормили; а ты кобель, у тебя ничего нету..." Земли у него полторы десятины. "Да что ж, я не жадный, я добродушный".

Вечером были на выезде из Глотова, в крохотной избушке, где молнией убило малого лет 15 и девочке-ребенку голову опалило.

Видел сына Таганка – страшный, седой, древний старик.

20 июня.

Не мог заснуть до 2 ночи. Встал в полдень. Холодно, хмуро, дождь. Страшно ярка зелень деревьев. Сев.-зап. ветер.

Перечитывал "Путешествие в Арзрум",- так хорошо, что прочел вслух Вере и Юлию первую главу. Перечитывал Баратынского (прозу). "Перстень"-старинка и пустяки. Как любили прежде рассказывать про чудаков, про разные "странности"!

21 июня.

Много ветвей с зелеными листьями нарвало, накидало по аллее холодным ураганом.

Яков: "Ничаго! Не первой козе хвост ломать! Мы этих бурей не боимся!"

Читаю "Былины Олонецкого края" Барсова.

Какое сходство в языке с языком Якова! Та же криволапая ладность, уменьшительные имена...

На деревне слух – будто мужиков могут в острог сажать за сказки, которые мы просим их рассказывать.

Пришел Алексей (прообраз моего Митрофана из "Деревни"). Жалкий, мокрый, рваный, темный, глаза слабые, усталые. Все возмущается, про что-нибудь рассказывает и – "вот бы что в газетах-то пронести!". Жил зимой в Липецке, в рабочем доме, лежал больной, 41 градус жару. Ужасно!

Холод нынче собачий. У меня болит все тело, жилы под коленками.

Яков в непрестанном восхищении перед своим хозяином, - в холопском умилении. Часто представляет его, - у того будто бы отрывистый говор, любовь к странным выходкам, к тому, чтобы озадачить человека чем-нибудь неожиданным.

– Придешь к нему, взлохматишь нарочно голову. "Ай ты с похмелья, Яков?" С похмелья, Александр Григорич... – "Ну на, выпей сотку! Живо!" – А то сидишь – удруг мальчишка бе-

жит: "Скорей, хозяин кличет!" Я со всех ног к нему: "Что такое, А. Г., что прикажете?" – "Садись!" Сел. "Пей!" И ставит на стол бутылку, и с торжеством: "А ведь сад-то я снял!" <....>

У Якова один сын в солдатах (его жена и правит домом летом), другой хромой, пьяница, сапожник, "отцу без пятака латки не положит", а как нужда – к отцу: "Батя, помоги!"

23 июня.

В 6 1/2 утра уехал Юлий. Скучно и жалко его. Стареет, слабеет.

Вчера северная холодная погода. Прошли в Остров, вернулись через деревню. Пьяный, довольно молодой мужик, красное лицо, губы спеклись, ругает своего соседа. Вид разбойника, того гляди убьет.

Рагулин рассказывал, как их бил Гришка Соловьев. Один из них схватил черпак и ударил Гришкину беременную мать по животу, хотя она-то была совсем ни при чем. Скинула.

Были с Колей на Казаковке, в той избе, куда ударило грозой. Никого нету мать в поле навоз "бьет", отец в Ливнах – пропал, спился, девка "на месте"; в избе два ребенка – одному мальчишке 3 года, другому лет 10. Этот трех-

летний (идиот) сидит без порток, намочил их, "в чугуn с помоями вляпался". Изба крохотная, и мерзость в ней неопиcуемая – на лавке разбитые, гнилые лапти и заношенные до черноты, залубеневшие онучи, на полу мелкая гниющая солома, зола, на окне позеленевший самоварчик...

24 июня.

Проснулся поздно. С утра был дождь.

Все грустно об Юлии, ужасно жаль его. Вот уехал – и точно не бывало ни его, ни времени с ним.

После обеда прошли через кладбище на деревню. Изба Федора Богданова, выглядывает баба. Коля зашел раз в рабочую пору к ней, а она лежит среди избы на соломе – вся черная, глаза огненные – рожает. Четыре дня рожала – и ни души кругом! Вот это "рождение человека"!

Посидели с Яковом.

– Яков Ехимыч!

– Аюшки?

– Ты что любишь из кушаний?

– Моя душа кривая, все прямая. И мед – и тот прет. А я всего раз сытый был – когда на

сальнях, на бойнях под Ельцом жил.

Потом разговор о старости, о смерти. Я рассказал ему о Мечникове.

– Да, конечно, стараются, жалованье получают...

26 июня.

Холода, сумрачно, нынче несколько раз принимается дождь. Сидели опять с Яковом, он начал было рассказывать "Конька-Горбунка" – чудесно путает чепуху потом надоело, бросил.

Были на мельнице. Грязь, дождь, скука, один Абакумов не унывает, энергия неугасимая.

Мужик, поднимая меру с рожью, прижимая ее к животу, высоко задирает голову.

7 июля 12 г. Клеевка, Себежский уезд.

Гостим у Черемнова.

В Глодове замучил дождь. Выехали оттуда 29 июня в Москву. В Москве пробыли до утра 4-го. Здесь тоже дождь.

Перебирали с Юлием сумасшедших, вернее "тронувшихся", в нашем роду⁶⁹: дед Ник. Дм., Олимпиада Дмитриевна, Алексей Дм., Ольга Дм., Владимир Дм., Анна Вл. (Рышкова).

Варвара Никол, (сестра нашего отца), Анна Ивановна (Чубарова, урожденная Бунина). Впрочем, все они "трогались" чаще всего только в старости.

Наше родословие: прадед – Дм. Семеныч, его дети – Ник. Дм., Олимпиада Дм., Алексей, Ольга, Владимир. У Дм. Сем. был брат Никифор Семен., его сын Аполлон, а у Аполлона – Влад. и Федор. Дмитрий Сем. служил в гвардии в Петербурге.

Яков Ефимыч рассказывал, что он иногда и теперь "кой с кем" занимается ("займается"), с какой-нибудь "пожилой бабочкой":

– Ну, сделаешь ей там валёк (валёк для битья белья) – вот и расход весь...

Про смерть:

– Вона, чего ее бояться! Схоронят з'ызбой (за избой), помянут п...ой.

Про облака:

– Облака, они толстые, напревают, выпарение делают.

Ходил перед отъездом к Рогулину, записывать его сказки.

Хозяева пьют чай, их мальчишка конфоркой от самовара об стену – и с радостно-жут-

кой улыбкой к уху ее: она гудит и щекочет.

12 августа 12 г., Клеевка. Девятого ходили перед вечером, после дождя, в лес.

Бор от дождя стал лохматый, мох на соснах разбух, местами висит, как волосы, местами бледно-зеленый, местами коралловый. К верхушкам сосны краснеют стволами, - точно озаренные предвечерним солнцем (которого на самом деле нет). Молодые сосенки прелестного болотно-зеленого цвета, а самые маленькие – точно паникадила в кисее с блестками (капли дождя). Бронзовые, спаленные солнцем веточки на земле. Калина. Фиолетовый вереск. Черная ольха. Туманно-синие ягоды на можжевельнике.

Десятого уехали в дождь Вера и Юлий; Вера в Москву, Юлий в Орел.

Нынче поездка к Чертову Мосту. В избе Захара. Угощение – вяленые рыбки, огурцы, масло, хлеб, чай. Дождь в дороге.

С необыкновенной легкостью пишу все последнее время стихи. Иногда по несколько стихотворений в один день, почти без помарок.

26 июля 1913 г., дача Ковалевского (под Одессой). Нынче уезжает Юлий. А наступила дивная погода.

Страшно жалко его.

Каждое лето – жестокая измена. Сколько надежд, планов! И не успел оглянуться – уже прошло! И сколько их мне осталось, этих лет? Содрогаешься, как мало. Как недавно было, напр., то, что было семь лет тому назад! А там еще семь, ну 14 – и конец! Но человек не может этому верить.

Кончил "Былое и думы". Изумительно по уму, силе языка, простоте, изобразительности. И в языке – родной мне язык – язык нашего отца и вообще всего нашего, теперь почти уже исчезнувшего племени.

1914

Капри, 1/14 янв. 14 г.

Позавчера с Верой и Колей приехали на Капри. Как всегда, отель "Квисисана".

Горький и Кат. Павл. с Максимом уехали в Россию, он на Берлин, она на Вену.

Вчера встречали Нов. год: Черемновы, вдова революционера и "историка" Шишко с психопаткой своей дочерью, Иван Вольнов⁷⁰, Янина и мы.

Ныне весь день проливной дождь. Клянусь себя, что приехал. Италия зимой убога, грязна, холодна, и все давно известно-переизвестно здесь.

2.1.14.

Проснулся необычайно поздно – в 9: дождь, буря (со стороны Амальфи).

Потом временами солнечно, временами сыро. Очень прохладно. <...>

Вечером на даче у Горького – там живет Шишко и мать Катерины Павл.старозаветнейшая старуха: воображаю, каково ей жить ни с того ни с сего среди эмигрантов, бунтарей! И с трепетом в душе: шутка ли, за какую

знаменитость попала ее дочка!

4.1.13(14).

Весь день мерзкая погода. В газетах о страшных метелях в России. Землетрясение на итальянских озерах.

Лень писать, вялость – и беспокойство, что ничего не делаю.

5.1.14.

Отчаяние – нечего писать!

Солнечно и холодно.

6.1.14.

То же. А день прелестный.

7.1.14.

Пасмурно, прохладно. Пожар в "Квисисане".

8.1.14.

Ужасная погода. Опять боль в боку (в правом) ниже ребер, возле кости таза.

9.1.14.

Весь день дождь. Боль.

Старухи (мать К. П. и Шишко) – "сюжет для маленького рассказа". Шишко была в дружбе с Э. Реклю, с Кропоткиным.

11.1.14.

Прохладно, но чудесно.

Начал "Человека"71 (Цейлонский рассказ).

⟨...⟩

23.1.14.

Едем с Колей в Неаполь.

24.1.14.

Вчера из Неаполя ездили в Салерно. Удивительный собор. Пегий – белый и черно-сизый мрамор – совсем Дамаск. Потом в Амальфи.

Ночевали в древнем монастырском здании – там теперь гостиница. Чудесная лунная ночь.

Необыкновенно хорошо, только никаких муратовских сатиров72.

25.1.14.

Выехали из Амальфи на лошадях. ⟨...⟩ Дивный день.

19.VI. 1914.

На корме грязь, вонь, мужики весь день пьют. Какой-то оборванный мальчишка бесстрастно поет:

Запала мысль злодейская:

Впотьмах нашел топор...

Приземистый, пузатый монах в грязном парусиновом подряснике, желтоволосый, с

огненно-рыжей бородой, похожий на Сократа, на каждой пристани покупает ржавые таранки, с золотисто-коричневой пылью в дырах выгнивших глаз.

Вечер, Жигули, запах березового леса после дождя. На пароходе пели молебен.

20. VI. 1914.

Половина девятого, вечер. Прошли Балахну, Городец. Волга впереди красно-коричнево-опаловая, переливчатая. Вдали, над валом берега в нежной фиолетовой дымке, - золотое, чуть оранжевое солнце и в воде от него ослепительный стеклянно-золотой столп. На востоке половинка совсем бледного месяца.

Одиннадцать. Все еще не стемнело как следует, все еще спереди дрожат в сумраке в речной ряби цветистые краски заката. Месяц справа уже блещет, отражается в воде – как бы растянутым, длинным китайским фонарем.

21.VI.14. В поезде под Ростовом Великим. Ясный, мирный вечер – со всей прелестью июньских вечеров, той поры, когда в лесах такое богатство трав, зелени, цветов, ягод. Бесконечный мачтовый бор, поезд идет быстро,

за стволами летит, кружится, мелькает-сверкает серебряное лучистое солнце.

28. VII. 1914. Дача Ковалевского, под Одесой. Половина двенадцатого, солнечный и ветреный день. Сильный, шелковистый, то затихающий, то буйно возрастающий шум сада вокруг дома, тень и блеск листвы в деревьях, волнение зелени, мотанье туда и сюда мягко гнущихся ветвей акаций, движущийся по подоконнику солнечный свет, то яркий, то смешанный с темными пятнами. Когда ветер усиливается, он раскрывает зелень, и от этого раскрывается я тень на меловом потолке комнаты – потолок, светлея, становится почти фиолетовый. Потом опять стихает, опять ветер уходит куда-то далеко, шум его замирает где-то в глубине сада, над морем...

Написать рассказ "Неизвестный"⁷³.- "Неизвестный выехал из Киева 18 марта в 1 ч. 55 дня..." Цилиндр, крашеные бакенбарды, грязный бумажный воротничок, расчищенные грубые ботинки. Остановился в Москве в "Столице". На другой день совсем тепло, лето. В 5 ч. ушел на свадьбу своей дочери в маленькую церковь на Молчановке. (Ни она и никто в

церкви не знал, что он ее отец и что он тут.) В номере у себя весь вечер плакал – лакей видел в замочную скважину. От слез облезла краска с бакенбард...

1915

Москва, 1 янв. 1915.

Позавчера были с Колей в Марфо-Мариинской обители⁷⁴ на Ордынке. Сразу не пустили, дворник умолял постоять за воротами – "здесь великий князь Дмитрий Павлович". Во дворе – пара черных лошадей в снях, ужасный кучер. Церковь снаружи лучше, чем внутри. В Грибоедовском переулке дома Грибоедова никто не мог указать. Потом видели безобразно раскрашенную церковь Ивана Воина. Там готовились крестить ребенка. Возвращались на пьяном извозчике, похожем на Андреева. От него воняло денатуратным спиртом, который пьют с квасом. Он сказал: "Дед на бабу не пеняет, что от бабки воняет".

Вчера были на Ваганьковском кладбище. Вся роцца в инее. Грелись на Александровском вокзале. Лакей знакомый, из Лоскутной, жалует о ней – "привык в кругу литераторов

жить", держал чайную возле Харькова, но "потерпел фиаско". Потом Кремль, долго сидели в Благовещенском соборе. Изумительно хорошо. Слушали часть всенощной в Архангельском. Заехали в Зачатьевский монастырь⁷⁵. Опять восхитили меня стихиры. В Чудове, однако, лучше.

В 12 ночи поехали в Успенский собор. Черный бесконечный хвост народа. Не пустили без очереди. Городовой не позволил даже в дверь боковую, в стекла заглянуть – "нечего там смотреть!".

Нынче часа в 4 Ново-Девичий монастырь. Иней. К закату деревья на золотой эмали. Очень странны при дневном свете рассеянные над могилами красные точки огоньков, неугасимых лампад.

2 января 1915 г.

Иней, сумерки. Розовеют за садом, в инее, освещенные окна.

3 января.

В 2 часа поехали с Колей в Троице-Сергиеву Лавру. Были в Троицком соборе у всенощной. Ездили в темноте, в метель, в Вифанию⁷⁶. Лавра внушительна, внутри тяжело и

вульгарно.

4 января.

Были в Скиту у Черниговской Божьей Матери. Акафисты в подземной церковке. Поп выделял голосом разные штучки. Вернулись в Москву вечером. Федоров.

5 января.

Провожал Федорова на Николаевский вокзал – поехал в Птб., а потом в Варшаву. Вечером у нас гости, Любочка. Был на заседании. Князь Евг. Трубецкой. <...>

7 января.

Поздно встал. Читаю корректуру. Серый день. Все вспоминаются монастыри сложное и неприятное, болезненное впечатление.

8 января.

Завтракал у нас Горький. Все планы, нервничает. Читал свое воззвание о евреях.⁷⁷

9 января 15 г.

Отдал в наборе свою новую книгу.

Кончил читать Азбуку Толстого. Восхитительно. <...>

11 января.

Была Авилова⁷⁸. Говорила, м. пр., что она ничего не знает, ничего не видала – и вот уже

седая голова. <...>

14 января.

Все мерзкая погода. Телеграмма от Горького, зовет в Птб. <...>

16 января.

Непроглядный мокрый снег к вечеру. Поехали с Колей в Птб; Страшно ударила меня в левое плечо ломовая лошадь оглоблей. Едва не убила.

17 января 15 г.

Птб., гост. "Англия".

Дивная морозная погода.

Заседание у Сологуба. Он в смятых штанах и лакированных сбитых туфлях, в смокинге, в зеленоватых шерстяных чулках.

Как беспорядочно несли вздор! "Вырабатывали" воззвание в защиту евреев.

18 янв.

Поездка на панихиду по Надсону. Волкове кладбище. Розовое солнце.

Был в Куоккале у Репина и Чуковского. Вечером обедал у Горького на квартире Тихонова 79. Хорош Птб.!

19 янв.

Вечером с курьерским уехали из Птб. Хо-

тели ехать в Новгород, но поезда ужасно неудобны (в смысле расписания).

28 янв.

Чествование Юлия. Почтили память худ. Первухина – нынче его похоронили.

20 янв.

Завтрак с Ильей Толстым⁸⁰ в "Праге". <...>

7 февраля 15 г.

Вышла "Чаша жизни". Заседание у Давыдова об ответе английским писателям,

18 февраля.

Отпевание Корша⁸¹ в университетской церкви. Два епископа. Сильное впечатление.

Вчера ночью в 12 ч. 52 м. кончил "Граматику любви". "Среда". Читали Шкляр, Зилов, Ляшко.⁸²

22.2.15.

Наша горничная Таня очень любит читать. Вынося из-под моего письменного стола корзину с изорванными бумагами, кое-что отбирает, складывает и в свободную минуту читает – медленно, с напряженьем, но с тихой улыбкой удовольствия на лице. А попросить у меня книжку боится, стесняется...

Как мы жестоки!

29 марта 1915.

«.....» Слушал "Всенощное бдение" Рахманинова⁸³. Кажется, мастерски обработал все чужое. Но меня тронули очень только два-три песнопения. Остальное показалось обычной церковной риторикой, каковая особенно нетерпима в служениях Богу. «...»

«...» Рыба кета запала мне в голову. Я над этим и прежде много думал. Все мы такая же рыба. Но помни, о поэт и художник!- мы должны метать икру только в одно место.

«...»

С корректурой для "Нивы" стало легче. Пишу для "Истории русской литературы" Венгерова автобиографию. Это мука. Кажется, опять ограничусь заметкой. «...»

9 мая, ресторан "Прага".

Рядом два офицера,- недавние штатские,- один со страшными бровными дугами. Под хаки корсет. Широкие, колоколом штаны, тончайшие в коленках. Золотой портсигар с кнопкой, что-то вроде жидкого рубина. Монокль. Маленькие, глубокие глазки. Лба нет – сразу назад от раздутых бровных дуг.

У метрдетелей от быстрой походки голова

всегда назад.

Для рассказа: сильно беременная, с синими губами.

Все газеты полны убийствами, снимками с повешенных. А что я написал, как собаку давят, не могут перенести!

Вторник 30 июня, Глово.

Уехал из Москвы 9 мая. Два дня был в Орле. Сюда приехал 12.

11 июля 15 г.

Погода прекрасная. Вообще лето удивительное. Собрать бы все людские жестокости из всей истории. Читал о персидских мучениках Даде, Тавведае и Таргала. Страшное описание Мощей Дмитрия Ростовского⁸⁴. <...>

3 июля.

Читал житие Серафима Саровского⁸⁵. Был дождь.

4 июля.

Житие юродивых. Дождь. Записки Дашковой⁸⁶.

1 августа, Глово.

Позавчера уехал Юлий, утром в страшный дождь. Кажется, что это было год тому назад. Погода холодная и серая. Вечером позавчера

долго стояли возле избы отца так страшно погибшей Доньки. Какие есть отличные люди! "Жалко дочь-то?" "Нет". Смеется. И потом: "Я через нее чуть не ослеп, все плакал об ней". Нынче вечером сидели на скамейке в Колонтаевке. Тепло, мертвая тишина, запах сырой коры. Пятна на небе за березами. Думал о любви.

2 августа 15 г.

Серо и холодно. Проснулся рано, отправил корректуру "Суходола". Во втором часу газеты. Дикое известие: Куровский застрелился. Не вяжется, не верю. Что-то ужасное – и, не знаю, как сказать: циническое, что ли. Как я любил его! Не верю – вот главное чувство. Впрочем, не умею выразить своих чувств.

3 августа.

«...» Все же я равнодушен к смерти Куровского. Хотя за всеми мыслями все время мысль о нем. И умственно ужасаюсь и теряюсь. Что с семьей? Выстрелил в себя и, падая, верно, зацепился шпорой за шпору.

Вечером были в Скородном. Заходил в караулку. Окна совсем на земле. 5 шагов в длину, 5 в ширину. Как ночевать тут! Даже поду-

мать жутко. Возвращались-туманно, холодно. Два огня на Прилепах, как в море.

Неужели это тот мертв, кто играл в Мюррне? С кем столько я пережил? О, как дико!

Веры все еще нет, уехала через Вырыпаевку в Москву еще 10-го июля.

Долго не мог заснуть от мыслей о Куровском.

4 августа.

С утра дождь и холод. Страшная жизнь караульщика сада и его детей в шалаше, с кобелем. Варит чугуны грибов. «...»

Послал телеграмму Нилусу, спрашивал о Куровском.

6.V111.

Приехала Вера. Привезла "Одесские новости". Там о Куровском. Весь день думал о нем.

7.VIII.

Тихий, теплый день. Пытаюсь сесть за писание. Сердце и голова тихи, пусты, безжизненны. Порою полное отчаяние.

Неужели конец мне как писателю? Только о Цейлоне хочется написать.

8 ч. 20 м. Ужинал, вошел в свою комнату – прямо напротив окно, над купой дальних

лип – очень темно-зеленой – на темной, мутной, без цвета синеве (лиловатой) почти оранжевый месяц.

21 августа.

Две недели не записывал. Время так летит, что ужас берет. 14-19 писал рассказ "Господин из Сан-Франциско". Плакал, пища конец. Но вообще душа тупа. И не нравится. Не чувствую поэзии деревни, редко только. Вижу многое хорошо, но нет забвенности, все думы от уходящей жизни.

Годные гуляют, три-четыре мальчишки. Несчастные – идут на смерть, и всего удовольствия – порычать на гармонии.

В Москве, в Птб.- собственно говоря, "учредительное собрание".

Все глотовские солдаты – в плену.

«...» Вчера снимали Тихона Ильича. "Вот и Николаю Алексеевичу может идти в солдаты... Да ему что ж, хоть и убьют, у него детей нету". К смерти вообще совершенно тупое отношение. А ведь кто не ценит жизни – животное, грош тому цена. «...»

23.11.16.
Милый, тихий, рассеянно-задумчивый взгляд Веры, устремленный куда-то вперед. Даже что-то детское – так сидят счастливые дети, когда их везут. Ровная очаровательная матовость лица, цвет глаз, какой бывает только в этих снежных полях.

Говорили почему-то о Коринфском⁸⁷. Я очень живо вспомнил его, нашел много метких выражений для определения не только его лично, но и того типа, к которому он принадлежит. Очень хорошая фигура для рассказа (беря опять-таки не его лично, но исходя из него и сделав, например, живописца-самоучку из дворовых). Щуплая фигурка, большая (сравнительно с нею) голова в пошло-картинном буйстве коричневых волос, в которых вьется каждый волосок, чистый, прозрачный, чуть розовый цвет бледного лица, взгляд как будто слегка изумленный, вопрошающий, настороженный, как часто бывает у зайк и пьяниц, со стыдом всегда чувствующих свою слабость, свой порок. Истинная страсть к своему

искусству, многописание, вечная и уже искренняя, ставшая второй натурой, жизнь, в каком-то ложнорусском древнем стиле. Дома всегда в красной косоворотке, подпоясанной зеленым жгутом с низко висящими кистями. Очень религиозен, в квартирке, бедной и всегда тепло-сырой, всегда горит лампадка, и это опять как-то хорошо, пошло связывается с его иконописностью, с его лицом христосика, с его бородкой (которая светлее, русее, чем волосы на голове). И жена, бывшая проститутка, настоящая, кажется, прямо с улицы. Он ее, вероятно, страстно любит, при всей ее вульгарности (которой он, впрочем, не замечает). Она его тоже любит, хотя втайне порочна (чем сама мучается) и поминутно готова изменить ему хоть с дворником, на ходу, на черной лестнице.

Потом я вспомнил и рассказывал о Лебедеве⁸⁸, о Михееве, о Случевском⁸⁹ (вот страшная истинно петербургская фигура).

⟨...⟩

На возвратном пути я говорил о том, какую огромную роль в жизни деревни сыграют пленные. Еще о том, что дневник-одна из

самых прекрасных литературных форм. Думаю, что в недалеком будущем эта форма вытеснит все прочие.

17.111.16.

«...» Нынче именины отца.90 Уже десять лет в могиле в Грунине – одинокий, всеми забытый, на мужицком кладбище! И уж не найти теперь этой могилы – давно скотина столкла. Как несказанно страшна жизнь! А мы все живем – и ничего себе!

К вечеру свежей. В небе, среди облаков, яркие прогалины лазури. Мокрый блеск на коре деревьев.

Вечер очень темный. От темноты, грязи и воды нельзя никуда пойти. До одиннадцати ходили по двору, от крыльца до скотного двора. Говорили о Тургеневе. Я вспомнил, как Горький басил про него со своей лошадиной высоты: "Парное молоко!" Я говорил еще, что Пушкин молодым писателям нравственно вреден. Его легкое отношение к жизни безбожно. Один Толстой должен быть учителем во всем. «...»

21 марта 16 г.

Вечером гуляли по задворкам, возле клад-

бища. Темь, туман. Сад виден неясно, рига совсем не видна, только когда подошли к ней, обозначилась ее темная масса.

Говорили об Андрееве. Все-таки это единственный из современных писателей, к кому меня влечет, чью всякую новую вещь я тотчас же читаю. В жизни бывает порой очень приятен. Когда прост, не мудрит, шутит, в глазах светится острый природный ум. Все схватывает с полслова, ловит малейшую шутку – полная противоположность Горькому. Шарлатанит, ошарашивает публику, но талант. Впрочем, м. б., и хуже – м. б., и самому кажется, что он пишет что-то великое, высокое. А пишет лучше всего тогда, когда пишет о своей молодости, о том, что было пережито.

Дома нашли газеты и "Современный мир". Задирчивая статья Чирикова о Тальникове – Чириков "верит в русский народ!".⁹¹ В газетах та же ложь восхваление доблестей русского народа, его способностей к организации. Все это очень взволновало. "Народ, народ!" А сами понятия не имеют (да и не хотят иметь) о нем. И что они сделали для него, этого действительно несчастного народа?

22 марта.

Коля записал то, что я вчера говорил с ним, и принес мне эту записку: "Ив. Алекс. статьей Чирикова и газетами так взволнован, что до поздней ночи, уже сидя и ежеминутно кура в постели, говорил:

– Нет, с какой стати он так его оскорбляет? Кто дал ему на это право? Ах уж эти русские интеллигенты, этот ненавистный мне тип! Все эти Короленки, Чириковы, Златовратские! Все эти защитники народа, о котором они понятия не имеют, о котором слова не дают сказать. А это идиотское деление народа на две части: в одной хищники, грабители, опричники, холопы, царские слуги, правительство и городовые, люди без всякой чести и совести, а в другой подлинный народ, мужики, "чистые, святые, богоносцы, труженики и молчаливники". Хвостов, Горемыкин, 92 городской – это не народ. Почему? А все эти начальники станций, телеграфисты, купцы, которые сейчас так безбожно грабят и разбойничают, что же это – тоже не народ? Народ-то – это одни мужики? Нет. Народ сам создает правительство, и нечего все валить на

самодержавие. Очевидно, это и есть самая лучшая форма правления для русского народа, недаром же она продержалась триста лет! Ведь вот газеты! До какой степени они изогались перед русским обществом. И все это делает русская интеллигенция. А попробуйте что-нибудь сказать о недостатках ее! Как? Интеллигенция, которая вынесла на своих плечах то-то и то-то, и т. д. О каком же здесь можно думать исправлении недостатков, о какой правде писать, когда всюду ложь! Нет, вот бы кому рты разорвать! Всем этим Михайловским, Златовратским, Короленкам, Чириковым!.. А то: "мирские устои", "хоровое начало", "как мир батюшка скажет", "Русь тем и крепка, что своими устоями" и т. д. Все подлые фразы! Откуда-то создалось совершенно неверное представление о организаторских способностях русского народа. А между тем нигде в мире нет такой безорганизации! Такой другой страны нет на земном шаре! Каждый живет только для себя. Если он писатель, то он больше ничего, кроме своих писаний, не знает, ни уха ни рыла ни в чем не понимает. Если он актер, то он только актер, да и ни-

чем, кроме сцены, и не интересуется. Помещик?.. Кому неизвестно, что представляет из себя помещик, какой-нибудь синеглазый, с толстым затылком, совершенно ни к чему не способный, ничего не умеющий. Это уж стало притчей во языцех. С другой же стороны – толстобрюхий полицейский поводит сальными глазками – это "правлящий класс".

24 марта 16 г.

Яркий, настоящий весенний день. Крупные облака в серых деревьях, серые стволы имеют необыкновенно прелестный тон и глянец. Напоминает картины Бэклина.⁹³

После обеда стреляли в галок. <....> Какое-то приторное, гадкое впечатление. Мы еще совершенные звери. А из-за вала мрачно-равнодушно глядел какой-то рыжий малый. Собирается идти добровольцем на войну. Почему? Целый рассказ!- "А если убьют?" – "Ну, что ж. Все равно". <...>

25 марта.

Облачный день, на черно-жирных буграх остатки талого снега – что-то траурное. Опять видели возле попа мужика, утопившего лошадь и розвальни в колдобине, полной воды

и снега. Лошадь серая, лежит на животе, вытянув передние ноги и карабкается ими, а мужик бьет ее кнутовищем по голове, из которой смотрят человеческие глаза. На помощь ему подошел другой, и оба долго, раздумывая и заходя с разных сторон, пытались ее вытащить.

Пьеса А. Вознесенского "Актриса Ларина". Я чуть не заплакал от бессильной злобы. Конец русской литературе! Как и кому теперь докажешь, что этого безграмотного удавить мало! Герой – Бахтин – почему он с такой дворянской фамилией? – называет свою жену Лизухой. "Бахтин, удушливо приближаясь..." – "Вы обо мне не тужьте..." (вместо "не тужите") и т. д. О, Боже мой, Боже мой! За что Ты оставил Россию!

Вечером на кладбище. Месяц блестит в перепутанных сучьях, большая Венера, но все-таки как-то сумрачно и траурно от земли и кое-где лежащего снега.

Потом небо стало туманиться и деревья стали еще тоньше и красивее.

Перечитал "Дядю Ваню" Чехова. В общем, плохо. Читателю на трагедию этого дяди, в

сущности, наплевать.

26 марта.

После обеда были на Казаковке, на мужицкой сходке. Изба полна. За столом несколько замечательных лиц. Лысый, с острым черепом старик в розовом полушубке; старик со вздернутым носом и хитрыми глазами; старик с желто-кафейным, морщинистым лицом; мужик с черной курчавой бородкой и ярко-румяными щеками, все время игравший как на сцене. Очень хорош, как всегда для меня, запах полушубков. <...>

27 марта.

После обеда сидели в избе Ивана Ульянова. Очень милый старик с постоянным приятным смехом. Две половины. Первая маленькая, с мокрым земляным полом. Тут всегда сидит полуслепая старуха. Во второй – с выбеленными стенами и горшочками для цветов на окнах – живет он сам и его жена, пожилая и уже вянущая. Вошли – она за работой возле окна, он на хорах в полушубке, курит. Солнце ярко освещает часть избы. <...>

А как влияет литература! Сколько теперь людей, у которых уже как бы две души – одна

своя, другая книжная! Многие так и живут всю жизнь начитанной жизнью.

30 марта.

На крыльце у Александра Пальчикова. Богат, а возле избы проходу нет от грязи и навозу. Полушубок, кубовая рубаха, видная из расстегнутого ворота, серо-серебристая борода. Весеннее небо, жидкие облака, ветер дует в голые деревья, качает их, а он говорит: "Ничего не будет после войны, все брешут. Как же так? Если у господ землю отобрать, значит, надо и у царя, а этого никогда не допустят". С большим удовольствием рассказывал, как ему на службе полковник раз "засветил пощечину". Крепостного права не хочет, но говорит, что "в крепости" лучше было: "Нету хлеба – идешь на барский двор... Как можно!"

Роман Григорьевой в "Совр. мире". Ее героиня, "легкая, воздушная", "затесалась в толпу...". Кончена русская литература!

1 апреля.

«...» Больной старик греется на солнце возле избы. Задыхается. В нашу победу не верит. "Куда нам!" «...»

Коля рассказывал, что встретил в "Остро-

ве" двух почти голых ребятишек – в рваных лохмотьях, в черных и мокрых, сопревших лаптях. Тащили хворост, увидали Колю-испугались, заплакали... И для этого-то народа требуют волшебных фонарей! От этого-то народа требуют мудрости, патриотизма, мессианства! О разбойники, негодяи!

2 апреля.

Фельетон Сологуба: "Преображение жизни". Надо преобразовать жизнь, и делать это должны поэты. А так как Сологуб тоже причисляет себя к поэтам, то и он преобразует, пища. А писал он всегда о гнусностях, о гадких мальчиках, о вожделении к ним. Ах, сукины дети, преобразители.

5 апреля.

Жаркий последождевой день.

Охота в Скородном на вальдшнепов. «...» В лес пошли от караулки. В редких жидких верхушках деревьев белые глыбы грозовых облаков. Гремел гром. По низам прохлада, колокольчиками звенят птицы. Кое-где снег, ослепительный на солнце, на нем легкие лазурные отблески неба.

Возле караулки Настька моет калоши, со-

бирается в церковь. Желтое страшно яркое на солнце платье. В избе дышать нечем, натоплено, все купались. Федор с мокрыми волосами, розовый.

При возвращении домой на несколько минут густой быстрый дождь. Все думаю о той лжи, что в газетах насчет патриотизма народа. А война мужикам так осточертела, что даже не интересуется никто, когда рассказываешь, как наши дела. "Да что, пора бросать. А то и в лавках товару стало мало. Бывало, зайдешь в лавку..." и т. д.

8 апреля.

Уезжаем в Москву, на Становую, на тройке.
<...>

Никогда в русской литературе не было ничего подобного. Прежде за одну ошибку, за один неверный звук трепали по всем журналам. И никогда прежде русская публика не смотрела на литературу такими равнодушными глазами. Совершенно одинаково она восхищается и Фра Беато и Анжелико, и Барыбой Городецкого.⁹⁴ <...>

23 мая 16 г.. Елец.

У парикмахера. Стрижет, и разговариваем.

Он про женский монастырь (оговорился от привычки быть изящным): дамский монастырь.

Для рассказа: встречный пароход на Волге всегда страшно быстр; ночь, уездн. город. Крепкий костяной стук колотушки.

Беллетрист. Пошлость "Белая, как дебелая купчиха". <...>

Пьяный мужик шел и кричал:

Проем усе именье. Сам заруюсь у <нрзб>.

В этом вся Русь. Жажда саморазорения, атавизм.

26. VI. 16.

Гнало ветром дождь. Сейчас – 7 часов вечера – стихло. Все мокро, очень густо-зелен сад. За ним, на пыльной туче, бледная фиолетово-зеленая радуга. Хрипел гром. <....>

27 октября 1916 г.

Читаю записки В. Бертенсона "За тридцать лет". Еще раз убеждаюсь в ничтожестве человеческих способностей – сколько их, людей, живших долго, видевших очень многое, вращавшихся в обществе всяких знаменитостей и обнаруживших в своих воспоминаниях изумительное ничтожество. Вспоминаю книгу Н.

В. Давыдова⁹⁵ – то же думал и ее читая.

Прочел (перечел) "Дневник Башкирцевой".⁹⁶ <...> Все говорит о своей удивительной красоте, а на портрете при этой книжке совсем нехороша. Противное и дурацкое впечатление производит ее надменно-вызывающий, холодно-царственный вид. Вспоминаю ее брата, в Полтаве, на террасе городского сада. Наглое и мрачное животное, в башке что-то варварски-римское. Снова думаю, что слава Б. (основанная ведь больше всего на этом дневнике) непомерно раздута. Снова очень неприятный осадок от этого дневника. Письма ее к Мопассану задирчивы, притязательны, неуверенны, несмотря на все ее самомнение, сбиваются из тона в тон, путаются и в конце концов пустяковы. Дневник просто скучен. Французская манера писать, книжно умствовать; и все – наряды, выезды, усиленное напоминание, что были такие-то и такие-то депутаты, графы и маркизы, самовосхваление и снова банальные мудрствования. <...>

Мой почерк истинное наказание для меня. Как тяжело и безобразно ковыляю я пером. И

всегда так было – лишь иногда немного иначе, легче.

Душевная и умственная тупость, слабость, литературное бесплодие все продолжается. Уж как давно я великий мученик, нечто вроде человека, сходящего с ума от импотенции. Смертельно устал,- опять-таки уж очень давно,- и все не сдаюсь. Должно быть, большую роль сыграла тут война,- какое великое душевное разочарование принесла она мне!

24 уехала Вера, на тройке, на Становую. Мы с Колей на бегунах провожали ее до поворота на Озерскую дорогу. <...>

Коля по вечерам мне читает. <...> Продолжаем "Мелкого беса". Тоже хорош! Не запомню более скучной, однообразной книги. <...> В стихах у него был когда-то талант. <...>

28 октября 16 г.

Почти весь день тихо, тепло, туман. Ходил с ружьем за голубями. Кисловато пахнет гнилью трав и бурьянов, землей.

Ночь изумительная, лунная. Гуляли, дошли до пушешниковского леса. Вдали, низко по лесной лощине, туман – так бело и густо, как где-нибудь в Нижегородской губ.

29 октября 16 г.

Не запомню такого утра. Ездили кататься – обычный путь через пушешниковский лес, потом мимо Победимовых. С утра был иней на деревьях. Так удивительно хорошо все, точно это не у нас, а где-нибудь в Тироле.

Писать не о чем, не о чем!

4 декабря 16 г.

Четыре с половиной часа. Зажег лампу. За окнами все дивно посинело. Точно вставлены какие-то сказочные зелено-синие стекла.

Вчера прекрасный морозный вечер. Кривоногие китайцы-коробейники. Называли меня "дядя".

11 июня 17 г.

Все последние дни чувство молодости, поэтическое томление о какой-то южной дали (как всегда в хорошую погоду), о какой-то встрече...

В ночь на пятое Коля уехал в Елец – переосвидетельствование белобилетчиков. Все набор, набор! Идиоты. <...>

Шестого телеграмма от Веры. Седьмого говорил с ней по телефону в Елец. Условились, что я приеду за ней и Колей, а по дороге заеду к Ильиным. Вечером Антон (австриец) отвез меня на Измалково. На станции "революционный порядок" грязь, все засыпано подсолнухами, не зажигают огня. Много мужиков и солдат; сидят на полу, и идиотски кричит Анята-дурочка. В сенях вагона 1-го класса мешки, солдаты. По поезду идет солдатский контроль. Ко мне: сколько мне лет, не дезертир ли? Чувство страшного возмущения. Никаких законов – и все власть, все, за исключением, конечно, нас. Волю "свободной" России почему-то выражают только солдаты, мужи-

ки, рабочие. Почему, напр., нет совета дворянских, интеллигентских, обывательских депутатов? <...>

15 июня 1917 г.

10 часов веч. Вернулись из Скородного. Коля, Евгений (который приехал вчера с Юлием из Ефремова) и Тупик ездили в усадьбу Победимовых, я, Юлий и Вера пошли к ним навстречу. День прекрасный, вечер еще лучше. Особенно хороша дорога от Крестов к Скородному – среди ржей в рост человека. В лесу птичий звон – пересмешник и пр. Возвращались – уже луна над морем ржей.

У Бахтеяровой сейчас хотели отправить в Елец для Комитета 60 свиней. Пришли мужики, не дали отправить.

Коля рассказывал, что Лида говорила: в с. Куначьем (где попом отец Ив. Алексеевича, ее мужа) есть чудотворная икона Николая Угодника. Мужики, говоря, что все это "обман", постановили "изничтожить" эту икону. Но 9-го мая разразилась метель – испугались.

Тупик говорит, что в с. Ламском мужики загалдели, зашумели, когда в церкви запели: "Яко до царя": "Какой такой теперь царь? Это

еще что такое?"

В Ефремове в городском саду пьяный солдат пел:

Выну саблю, выну востру

И срублю себе главу

Покатилась головка

Во зеленую траву.

Замечательно это "себе".

В Ефремове мужики приходили в казначейство требовать, чтобы им отдали все какие есть в казначействе деньги: "Ведь это деньги царские, а теперь царя нету, значит, деньги теперь наши". <...>

7 июля.

<....> О бунте в Птб. мы узнали еще позавчера вечером из "Раннего утра", нынче вести еще более оглушающие. Боль, обида, бессильная злоба, злорадство.

Бунт киевский, нижегородский, бунт в Ельце. В Ельце воинского начальника били, водили босого по битому стеклу.

13 июля 17 г.

Все еще мерзкая погода. Холодно, тучи, сев.-западный ветер, часто дождь, потом ливень. Газетами ошеломили за эти дни сверх

меры. Хотят самовольно объявить республику. <...>

27 июля 17 г.

Счастливый прекрасный день.

Деревенскому дому, в котором я опять провожу лето, полтора века. И мне всегда приятно вспоминать и чувствовать его старину. Старинный, простой быт, с которым я связан, умиротворяет меня, дает отдых среди моих постоянных скитаний. А потом я часто думаю о всех тех людях, что были здесь когда-то, рождались, росли, любили, женились, старились и умирали, словом, жили, радовались и печалились, а затем навсегда исчезали, чтобы стать для нас только мечтою, какими-то как будто особыми людьми старины, прошлого. Они,- совсем неизвестные мне,- только смутные образы, только мое воображение, но всегда со мною, близки и дороги, всегда волнуют меня очарованием прошлого.

Еще утро, легкий ветерок проходит иногда по комнате,- открыты все окна. Которое нынче число? Если бы я даже не знал какое, я бы и так, кажется, мог сказать, что это конец июля,- так хорошо знаю я все малейшие осо-

бенности воздуха, солнца всякой поры года. В то окно, что влево от меня, косо падает на подоконник радостный и яркий солнечный свет и глядит зеленая густота сада, блестящая под солнцем своей несметной листвой, в глубине своей таящая тень и еще свежую прохладу и то замирающая, затихающая, то волнуемая и тогда доходящая до меня шелковистым, еще совсем летним шорохом. В другие окна я вижу прежде всего ветви и сучья старых деревьев – серебристого тополя, сосен и пихт, - и бледно-голубое небо среди них, а ниже, между стволами, деревенскую даль: слегка синеющий на горизонте вал леса, желтизну уже скошенных и покрытых копнами полей, ближе – раскинувшееся по склону к мелкой речке поместье Бахтеярова, а затем, уже совсем близко, - старую низкую ограду нашей усадьбы, молодые елки, идущие вдоль нее, и часть двора, густо заросшую крапивой, - и глухой и жгучей, - которую припекает солнце и над которой реет крупная белая бабочка. Уже по одному тому, как высока крапива, мог бы я безошибочно определить, какое сейчас время лета. А кроме того, сколько едва улови-

МЫХ, но мне столь знакомых, родных с детства, совсем особых запахов, присущих только рабочей поре, косьбе, ржаным копнам!

И течет, течет мое спокойное, родное, счастливое деревенское летнее утро. Смотрю на пятна тени, косо испещрившей под елками ограду, на крапиву, на бабочку; потом на тихо колеблющуюся возле окон серо-зеленую бахрому корявых горизонтальных сучьев пихты, на воробьев, иногда садящихся на солнечный подоконник и с живым, милым, как будто чуть-чуть насмешливым любопытством оглядывающих мою комнату. Не слушая, я слышу то непередаваемое, летнее, как будто слегка завораживающее, что производят летающие вокруг меня и роящиеся на подоконнике мухи, слышу шорох сада, отдаленные крики петухов – и чуть внятную детскую песенку кухаркиной девочки, которая все бродит под моими окнами в надежде найти что-нибудь, дающее непонятную, но великую радость ее маленькому бедному существованию в этом никому из нас не понятном, а все-таки очаровательном земном мире: какой-нибудь пузырек, спичечную короб-

ку с картинкой... Я слушаю эту песенку, я думаю то о том, как вырастет эта девочка и узнает в свой срок все то, что когда-то и у меня было,- молодость, любовь, надежды,- то о том, где теперь косят работники,- верно уже у Крестов,- то о Ти-верии, о Капри... Почему о Тиверии? Очень странно, но мы не вольны в своих думах. И я представляю себе вот такое же, как сейчас, летнее утро, с тем же самым солнцем, что горит на моем подоконнике, и совершенно ясно вижу белый мраморный дворец на горном обрыве острова, столь знакомого мне, и этого человека, которого называли императором и который жил, в сущности, очень недавно,- назад тому всего сорок моих жизней,- и очень, очень немногим отличался от меня; вижу, как сидит он в легкой белой одежде, с крупными голыми ногами в зеленоватой шерсти, высокий, рыжий, только что выбритый, и щурится, глядя на блестящий под солнцем, горячий мозаичный пол атрия, на котором лежит, дремлет и порой встряхивает головой, сгоняя с острых ушей мух, его любимая собака...

Во втором часу вышел из дому, пошел в

сад по липовой аллее, в конце которой, за воротами, светлело, белело небо. Земля суха и тверда, приятно идти, на земле лежат уже кое-где палевые листья. Солнце скрылось, потускневший сад был под синеватой тучей, заходившей с юга,- очень хорошо. За воротами серо-зеленые бугры кладбища (давно упраздненного), дальше открытое поле, желтое, покрытое где-то копнами, кое-где рядами. Удивительная бирюза между ними на севере, сладкий, еще совсем летний ветер дует с юга из-под тучи, и еще по-летнему доносится хлопанье перепела.

Четвертый час. Крупный ливень, град,- даже крыша от него дымилась как будто. К северу из-за тучи белая гора другой тучи и млеющий синий яхонт неба. В комнате с решетчатыми окнами сырая свежесть, запах дождя, мокрой крапивы, травы.

Пять часов. Сад на низком фоне свинцово-синей тучи. Высовывался из окна под редкие капли дождя на эту сырую пахучую свежесть, в одной рубашке необыкновенно приятно, но почему-то страшно напомнило детство, свежесть и радость первых дней жизни.

Все дождь – до заката. К закату стало на западе, под тучей, светиться. Сейчас шесть. В комнате от заката, сквозь ветки палисадника, пятно странного зелено-желтого света.

Опять прошел день. Как быстро и как опять бесплодно!

Глотово. 1 августа 1917 г. Хорошая погода. Уехала Маня. Отослал книгу Нилуса Клестову⁹⁷. Письмо Нилусу. Низом ходил в Колонтаевку. Первые признаки осени – яркость голубого неба и белизна облаков, когда шел среди деревьев под Колонтаевкой, по той дороге, где всегда сыро.

Слух от Лиды Лозинской, - Ив. С. в лавке говорил, что на сходке толковали об "Архаломеевской ночи"⁹⁸ – будто должна быть откуда-то телеграмма – перебить всех "буржуев" – и что надо начать с Барбашина. Идя в Колонтаевку, зашел на мельницу – то же сказал и Сергей Климов (не зная, что мы уже слышали, что говорил Ив. С.): на деревне говорили, что надо вырезать всех помещиков.

Позавчера были в Предтечеве – Лихарев сзывал земельных собственников, читал устав "Союза земельных собственников", при-

глашал записываться в члены. Заседание в школе. Жалкое! Несколько мальчишек, Ильина с дочерью (Лидой), Лихарев (Коле сказал – "риторатор"), Влад. Сем., Коля, я (только в качестве любопытного), что-то вроде сельского учителя в старой клеенчатой накидке и очках (черных), худой старик (вроде начетчика), строгий, в серой поддевке, богач мужик (Коля сказал – Саваоф), рыжий, босый, крепкий сторож училища. У всех последних страшное напряжение и тупость при слушании непонятных слов устава. Приехал Абакумов, привез бумаги на свои владения, все твердил, что его земля закреплена за ним, "остолблена его величеством". Думал, что членские взносы пойдут на "аблаката" (долженствующего защищать интересы земельных собственников).

Генерал Померанцев, гостящий у Влад. Сем., замечательная фигура.

Абакумов вернулся вместе с нами, возбужденный. "Ну, записались! Теперь чтой-то даст бог!"

2 августа. Очень холодное, росистое утро. Юлий и Коля ездили в Измалково.

День удивительный. В два часа шли на

Пески по саду, по аллее. Уже спокойно, спокойно лежат пятна света на сухой земле, в аллее, чуть розоватые. Листья цвета заката. Оглянулся – сквозь сад некрашенная железная, иссохшая крыша амбара блестит совершенно золотом (те места, где стерлась шелуха ржавчины).

Перечитывал Мопассана. Многое воспринимаю по-новому, сверху вниз. Прочитал рассказов пять – все сущие пустяки, не оставляют никакого впечатления, ловко и даже неприятно щеголевато-литературно сделанные.

Был Владимир Семенович. Отличный старик! Как Абакумов, не сомневается в своем пути жизненном, в своих правах на то и другое, в своих взглядах! Жалуется, что революция лишила его прежних спокойных радостей хозяйства, труда.

3 августа. Снова прекрасный день, ветер все с востока, приятно прохладный в тени. На солнце зной. Дальние местности в зеленова-то-голубом тумане, сухом, тончайшем.

Продолжаю Мопассана. Места есть превосходные. Он единственный, посмевший без

конца говорить, что жизнь человеческая вся под властью жажды женщины.

В саду по утрам, в росистом саду уже стоит синий эфир, сквозь который столбы ослепительного солнца. До кофе прошел по аллее, вернулся в усадьбу мимо Лозинского, по выгону. Ни единого облачка, но горизонты не прозрачные, всюду ровные, сероватые. Коля, Юлий, я ездили в Кочуево к Ф<едору> Д<митриевичу> за медом. Возвращались (перед закатом), обогнув Скородное. Разговор, начатый мною, опять о русском народе. Какой ужас! В такое небывалое время не выделил из себя никого, управляется Гоцами⁹⁹, Данами¹⁰⁰, каким-то Авксентьевым¹⁰¹, каким-то Керенским¹⁰² и т. д.!

4 августа. Ночью уехал (в Ефремов) Женья¹⁰³. Почти все утро ушло на газеты. Снова боль, кровная обида, бессильная ярость! Бунт в Егорьевске Рязанской губернии по поводу выборов в городскую думу, поднятый московским большевиком Коганом, - представитель совета крестьянско-рабочих депутатов арестовал городского голову, пьяные солдаты и прочие из толпы убили его. Убили и товари-

ца городского головы.

"Новая жизнь" 104 по-прежнему положительно ужасна! Наглое письмо Троцкого из "Крестов" (?) – напечатано в "Новой жизни".

День – лучше желать нельзя.

Если человек не потерял способности ждать счастья – он счастлив. Это и есть счастье.

8 августа. Шестого ездил в Каменку к Петру Семеновичу. Когда сидели у него, дождь. Он – полное равнодушие к тому, что в России. "Мне земля не нужна". "Реквизиция хлеба? Да тогда я и работать не буду, ну его к дьяволу!"

Погода все время прекрасная.

Нынче ездили с Колей в Измалково. Идеальный августовский день. Ветерок северный, сушь, блеск, жарко. Когда поднимались на гору за плотиной Ростовцева, думал, что бывает, что стоит часа в четыре довольно высоко три четверти белого месяца, и никто никогда не написал такого блестящего дня с месяцем. Люблю август – роскошь всего, обилие, главное – огороды, зелень, картошка, высокие конопли, подсолнухи. На мужицких гумнах молотьба, новая солома возле тока, красный

платок на бабе...

Колю подвез к почте, сам ждал его возле мясной лавчонки. Возле элеватора что-то тянут – кучка людей сразу вся падает почти до земли. Из южного небосклона выступали розоватые облака.

Поехали домой – встретили на выгоне барышню и господина из усадьбы Комаровских. Он весь расхлябанный по-интеллигентски: болтаются штаны желтоватого цвета, кажется, в сандалиях, широкий пояс, рубаха, мягкая шляпа, спущены поля, усы, бородка – а la художник.

9 августа. Ездили с Верой в Предтечево. Жаркий дивный день. Поехали к Романовским за медом, не доехали – далеко чересчур мост, повернули назад, поехали к Муромцевым. <...>

11 августа. С утра чудесный день. Вера не совсем здорова, опять боль, хотя легкая, там же, где в прошлом году, и под ложкой. Беспокойное темное чувство.

Перед вечером к Федору Дмитриевичу на дрожках – я, Коля, Юлий. Потом кругом Колонтаевки. Тучи с запада. В лесу очень хоро-

шо, я чувствовал тайный восторг какой-то, уже чувствуется осенняя поэзия. Дорога в лесу и то уже осенняя отчасти. Когда выехали на дорогу – грандиозная туча с юга, синяя. Ливень захватил уже на дворе.

Дней десять тому назад начал кое-что писать, начинать и бросать. Потом вернулся к делу Недоноскова. Нынче уже опять почувствовал тупость к этой вещи.

13 августа. Как и вчера, день с разными тучками и облаками,- небом «?» необыкновенной красоты. Вчера опять ездили с Колей к Федору Дмитриевичу за медом. Умиляющее предчувствие осени.

Нынче Коля уехал в Ефремов. Совсем уехала кухарка с детьми, с Жоржиком. Я возле телеги шутил с ним, целовал (как не раз и прежде) – они уехали, даже головой не кивнув. Животные!

Ходили с Юлием к Вас... Дежурному. Заходили тучи, была жара. Потом разошлось, прелестная погода. Сидели в лощинке, читали газету. Потом по деревне. Грязь, все развалено. Собственно, никто ничего не делает почти круглый год. А Шмелевы лгут, лгут про рус-

ский народ!105

Кажется, одна из самых вредных фигур – Керенский. И направо и налево. А его произвели в герои.

Читал "Наше сердце".

"Хвост и уши отрубить (собаке) – злей будет". Как глупо!

14.VIII. Проснулся от юношески сильной эр<отики>,- сон, что мне отдалась в первый раз какая-то девушка, чарующая какой-то простой прелестью.

Девка на варке что-то работает лопатой железной – заносит высоко и ставит ногу на лопату – видел это, выйдя на двор днем, и волновался.

Кончил "Наше сердце". Искусно, местами очень хорошо, но остался холоден. Так длинно и все об одном и в конце концов пустяковом. Герой совсем не живой и не заражает сочувствием, героиня видна, но тоже как будто неживая.

Утром немного «работал» над "Любовью", немного так – одесское утро (начало – чего, еще не знаю).

Облака и солнце. После обеда я, Юлий и Ве-

ра в Колонтаевку. Жара. Вера после болезни еще – прозрачней, что ли. Зашел в контору, там наговорил глупостей с Каблуковым и Дм. Алекс., взял "Раннее утро". Прочел первый день московского совещания. 106 Царские почести Керенскому, его речь – сильно, здорово, но что из этого выйдет? Опять хвастливое красноречье, "я, я" – и опять и направо и налево. Этого совместить, вероятно, нельзя. Городской голова – Руднев! до сих пор не могу примириться! – приветствует совещание, а управские курьеры хулиганят в знак протеста против этого "контрреволюционного" совещания – вылили чернила из всех чернильниц – и управа не работала! Зайчик (солдат наш), "как капля солнца", отражает в себе все главное русской демократии (тот, что прогнал девиц из Ельца, переписывавших хозяйство мужиков, и кричал, чтобы мужики, выбиравшие представителей на выборы в церковный собор, не подписывались – "вас в крепостное право хотят обратить").

К вечеру свежий ветер с юга, тучи. Лежал на соломе. Облака на восточном горизонте изумительны. Гряды, горы бледно, дымча-

го-лиловатые (сквозь них бледность белизны внутренней) – краски невиданной у нас нежности, южности.

15 августа. Весь день с небольшими перерывами сильный прямой дождь (обрушивался еще ночью, я слышал сквозь сон). Бахтеяровская сторона как в дымке. Все еще очень зелено и густо, поэтому похоже на летний дождь.

Засыпая вчера, обдумывал рассказ. Конец 20-х годов, Псковская губерния, приезжает из-за границы молодой помещик, ездит к соседу, влюбляется в дочь. Она небольшая, странная, ко всему безучастная. Чувствует, и она его любит. Объяснение. "Не могу". Почему? Была в летаргии, побывала в могиле. Нынче другой рассказ. Англичанка с термосом. Всюду встречаю – Бренер-Пасс, Алжир, Сицилия, Рим, потом Асуан. Умирает на Элефантине¹⁰⁷ в чахотке. Всю жизнь мыкалась, весь мир "very nice"* . Нехороша; как ребенок, радостна.

На всячей зелени-хвое за окном висят бисером стеклянные капли. Плещет желоб. Статья Кусковой¹⁰⁸. "Репрессиями не поможешь. Нужно просвещать деревню. Футбол и т. д."

16 августа. Шипит сад, волнуется, шумит дождь. Ветер, дождь часто припускает. Читал Мопассана, потом Масперо о Египте,- волновался, грезил, думая о путешествии Бауку в Финикию, потом читал Вернон Ли и думал о Неаполе, Капри, вспоминал Флоренцию.

Высунулся в окно. Сорочка со скребом когтей перебралась через потемневший от дождя забор из сада и пробежала мимо окна, улыбнувшись мне дружески, сердечно и замотав хвостом. Как наши души одинаковы!

17 августа. День прекрасный. Много гуляли с Юлием. Часу в пятом пошли мимо кладбища, потом по лугу в лес, называемый нами "Яруга".

Ночь лунная. Гуляли за садом. Шел по аллее один – соломенный шалаш и сад, пронизанный лунным светом,- тропики. Лунный свет очень меняет сад. Какое разнообразие кружевной листвы, ветвей – точно много-много пород деревьев.

18 августа. В час уехал Юлий – в Москву. Лето кончилось! Грусть, боль, жаль Юлия, жаль лета, чувство горькой вины, что не использовал лета лучше, что мало был с Юлием,

мало сидел с ним, катался. Мы вообще, должно быть, очень виноваты все друг перед другом. Но только при разлуке чувствуешь это. Потом сколько еще осталось нам этих лет вместе? Если и будут эти лета еще, то все равно остается их все меньше и меньше. А дальше? Разойдемся по могилам! Так больно, так обострены все чувства, так остры все мысли и воспоминания! А как тупы мы обычно! Как спокойны! И неужели нужна эта боль, чтобы мы ценили жизнь?

Читаю эти дни Вернон Ли¹⁰⁹ "Италия". Все восторгается, все изысканно и все только о красивом, о изящном – это скоро начинает приводить в злобу.

20 августа. Большинство женщин беспокойно мучается недовольством своей жизнью, ищет "цели жизни", изменяет или ждет любовников в надежде, что тогда придет счастье – почему? Оне растут, оне воспитываются в сознании, им всячески внушают, что оне непременно должны быть счастливы, любимы и т. д.

Чем я живу? Все вспоминаю, вспоминаю. Случалось- увидишь во сне, что был близок с

какой-нибудь женщиной, с которой у тебя в действительности никогда ничего не было. После долго чувствуешь себя связанным с нею жуткой любовной тайной. Не все ли равно, было ли это в действительности или во сне! И иногда это передается и этой женщине.

Вчера ездили с Верой на шарабане кататься – к Крестам, потом в Скородное, и вокруг него – обычная дорога, только наоборот. День был прекрасный. Когда выехали, поразила картина (как будто французского художника) жнивья (со вклиненной в него пашней и бархатным зеленым кустом картофеля) – поля за садом, идущего вверх покато – и неба синего и великолепных масс белых облаков на небе – и одинокая маленькая фигура весь день косящего просо (или гречиху красно-ржавую) Антона; и все мука, мука, что ничего этого не могу выразить, нарисовать!

Читал (и нынче читаю) "Завоевание Иерусалима" Гарри. Много времени, как всегда, ушло на газеты. Керенский невыносим. Что сделал, в сущности, этот выскочка, делающийся все больше наглецом? Как смел он крикнуть на Сахарова "трус"?

Все читаю Мопассана. Почти сплошь – пу-
стяки, наброски, порой пошло.

Нынче серо, прохладно, прохлада уже
осенняя. Все утро звон – кого-то хоронят. По
* "очень мил" (англ.).

минутно, с промежутками: "блям!" Вот ко-
го-то несут закопать... как мы равнодушны
друг к другу! Ведь, в сущности, я к этому отно-
шусь как к смерти мухи.

Все гул, гул молотилки паровой последние
дни – у Барбашина.

21 августа. Серый, со многими осенними
чертами, с много раз шедшим дождем день.

Пели петухи, ветер мягкий, влажный, с
юга, открыта дверь в амбар, там девки метут
мучной пол,- осень! Свежая земля в аллеях
уже сильно усыпана желтой листвой. Листья
вяза шершавые, совсем желтые.

Перечитываю "Федона".110 Этот логиче-
ский блеск оставляет холодным. Как много
сказал Сократ того, что в индийской, в иудей-
ской философии!

В девять вечера вышли с Верой – ждали
Антона и Колю со станции, пошли к бывшей
монополии. Луна была еще низко над нашим

садом. Многое еще в очень длинных тенях. Над бахтеяровской стороной ужасное и мрачное величие сгрудившихся туч, облаков (против луны). Белизна домов там – точно это итальянский городок. Коля опять не приехал.

Газеты. Большевики опять подняли голову. Мартов111... требует отмены смертной казни.

В 10 1/2 вышел один гулять по двору. Луна уже высоко – быстро неслась среди ваты облаков, заходя за них, отбрасывала на них кругеле видный, красновато-коричневый (не определишь). За чернотой сада облака шли белыми горами. Смотрел от варка: расчистило, деревья возле дома и сада необыкновенны, точно бёклиновские, черно-зеленые, цвета кипарисов, очерчены удивительно.

Ходил за сад. Нет, что жнивье желтое, это неверно. Все серо. На северо-востоке желтый раздавленный бриллиант. Юпитер? Опять наблюдал сад. Он при луне тесно и фантастично сдвигается. Сумрак аллеи, почти вся земля в черных тенях – и полосы света. Фантастичны стволы, их позы (только позы и разберешь).

11 1/2 ч. Лежал в гамаке, качался – белая

луна на пустом синем небе качалась как маятник. В спину дуло.

22 августа. Дождь льет, но день вроде вчерашнего. Начал читать Н. Львову¹¹² – ужасно. Жалкая и бездарная провинциальная девица. Начал перечитывать "Минеральные воды" Эртеля – ужасно! Смесь Тургенева, Боборыкина, даже Немировича-Данченко и порою Чирикова. Вечная ирония над героями, язык пошленький. Перечитал "Жестокие рассказы" Вилье де Лиль Адана¹¹³. Дурак и плебей Брюсов восхищается. Рассказы – лубочная фантастика, изысканность, красивость, жестокость и т. д.- смесь Э. По и Уайльда, стыдно читать.

Дочь Аннета. Какая-то почти жуткая девочка, очень крупная, смесь девочки и женщины,- оттого что очень рано стала б..., должно быть?

"Учение есть припоминание". Сократ.

Последние минуты Сократа, как всегда, очень волновали меня.

Вечером приехали Коля с Евгением. Коля в Ефремове все задыхался.

Взята Рига. Орлов рассказывал Коле – где-то церковный сторож запретил попу слу-

жить, запер церковь – поп "буржуй", "ездил в гости к Стаховичу".

23 августа. Вчера после обеда дождь лил до восхода луны, часов до десяти. Нынче часов с двенадцати опять то же. Похолоднело. Лес за Бахтеяровым в тумане.

Думал о Львовой, дочитав ее книгу. Следовало бы написать о ней рассказ.

Читаю "Стихи духовные" (со вступительной статьей Ляцкого).

Почти весь день нельзя выйти – очень часто осенний ливень.

Вечером Антон привез газеты, письмо Юлия. Юлий с вокзала заплатил извозчику одиннадцать рублей. В газетах – ужас: нас бьют и гонят, "наши части самовольно бросают позиции". Статья Кусковой – "Русские кошмары" – о мужиках, как они не дают хлеба и убивают агентов правительства, разъясняющих необходимость реквизиции хлеба. "Разруха ли"!

24 августа. С утра сильный ветер, часто припускает дождь.

Перечитываю стихи Гиппиус. Насколько она умнее (хотя она, конечно, по-настоящему

не умна и вся изломана) и пристойнее прочих – "новых поэтов". Но какая мертвяжина, как все эти мысли и чувства мертвы, вбиты в размер!

6 ч. 20 м. Свет солнца с заката в комнате – на правой притолоке двери, кусок на красной материи на отвале кровати и на стене над кроватью (на южной стене) – желтый с зеленоватым оттенком. Эти светлые места все испещрены колеблющейся тенью деревьев палисадника, волнуемых ветром. Кажется, переходит в погоду. Читаю стихи Гиппиус "Единый раз вскипает пеной...".

26 августа. Позавчера вечером были с Верой у Лозинских, у них оказалось "Русское слово" за двадцать третье. Мы ходили при луне (уже невысокой, три четверти), ждали, пока они дочитают, потом взяли. Аресты великих князей, 114 ужасы нашего бегства от Риги, корпус бежал от немецкого полка, переходившего Двину.

Вчера было прохладно и серо, вид уже совсем осенний. Нынче поминутно дождь, ветер косо гонит его, мелкий, с северо-запада, бахтеяровская сторона часто в тумане.

Вчера мы с Колей ходили к Пантюшку. Он ничего, но подошли бабы. Разговор стал противный, злобный донельзя и идиотский, все на тему, как господа их кровь пьют. Самоуверенность, глупость и невежество непреодолимые разговаривать бесполезно.

Нынче читаю о Владимирско-Суздальском царстве в книге Полевого¹¹⁵. Леса, болота, мерзкий климат – и, вероятно, мерзейший, дикий и вульгарно-злой народ. Чувствую связь вчерашнего с этим – и отвратительно.

Дочитал Гиппиус. Необыкновенно противная душонка, ни одного живого слова, мертво вбиты в тупые вирши разные выдумки. Поэтической природы в ней ни на йоту.

27 августа. День серый и холодный. Вечером приехал Митя. Его рассказ о трех юнкерах.

28 августа. Солнечный прохладный день.

29 августа. День еще лучше. Ходили в контору – я, Вера, Митя. Жуткая весть из Ельца – Митя говорил по телефону: Корнилов восстал против правительства. В четыре часа пошли низом в Колонтаевку. Возвратясь, опять зашли в контору. Весть подтверждается. <...>

30 августа. Ездили с Митей в Измалково. На почте видел только "Орловский вестник" 29-го. Дерзкое объявление Керенского¹¹⁶ и еще более социалистов-революционеров и социал-демократов – "Корнилов изменник". Волновался ужасно.

31-го. Телефон из Ельца-Орлов и Арсик-что "состоялось соглашение". Дико! Вера утром уехала с М. Н. Рышковой в Предтечево. Поехали за ней с Митей. Там "Новое время" и "Утро России". Ошалел от волнения. Воззвание Корнилова удивительно!¹¹⁷ Вечером газеты – "Русское слово" от 29 и "Русский голос" (?) от 30-го. Последняя поразила: истерически-торжественное воззвание Керенского: "Все! все! все!" Таких волнений мало переживал в жизни. Просто пришибло.

Нынче весь день угнетен, как не запомню. Снова звонил Митя в Елец. Оказывается, нет, не все еще кончено, "только ночи настали", сказал К., будто взят Курск Калединым.¹¹⁸

В пятом часу поехал в Жилых за рисом. Дни были хорошие, нынче серо, прохладно, все беззвучно, неподвижно.

В Жилых у плотины девочка навстречу.

"Где потреббиловка?" – "Вон на той стороне, где камни на амбаре". Двойная изба, в сенцах свиньи. Грязь, мерзость запустения. В одной половине пусто, в углу на соломе хлеба. Милая баба, жена Семена, торгующего. Ждал его. Но сперва пришел пьяный мужик, просил что-то "объяснить". На взводе затеять скандал. Потом старик, которого Семен назвал "солдатом", и молодой малый с гармонией, солдат, гнусная тварь, дезертир, ошалевший, уставший от шатанья и пьянства. Молчал, потом мне кратко, тоном, не допускающим возражений: "Покурить!" Мужиков это возмутило – "всякий свой должен курить!". Он: "Тут легкий". Я молча дал. Когда он ушел, "Солдат" рассказывал, что дезертира они не смеют отпустить: пять раз сходку собирали и без результата: "Нынче спички дешевы... сожжет, окрадет". Вечером газеты, руки дрожат.

2 сентября. С половины дня ливень и до ночи. И ночью, хотя уже не такой до утра. "Русское слово" от первого.

3 сентября. Утром "Русское слово" от 2-го. Опять подлая игра в смену кабинета. Где Корнилов? Все-таки, видимо, ужасно испугались.

Первый день я сравнительно спокойней. С утра дождь, потом распогодилось. Но все насыщено водой.

4 сентября. Письмо от Юлия. Он еще лечится. Это ужасно. Неужели это не придет в норму или будет повторяться?

"Русское слово" от 31-го и 1-го. В совете рабочих депутатов Каменев¹¹⁹ и Стеклов¹²⁰ говорят, что "снесут голову с Корнилова". "Голос народа" от 2-го: Корнилов будто арестован.

Серо, потом то дождь, то солнце. Сейчас полдень. Уехал Евгений.

К вечеру распогодилось.

В десятом часу вечера – газеты. Государственный переворот! Объявлена республика. Мы ошеломлены.- Корнилов арестован.

Воля Гоца, Дана, Либера¹²¹ и т. д. восторжествовала – Россия в их руках! Что же значили эти переговоры Керенского с Кишкиным¹²²?!-Авксентьев, Либер в ужасе: "Каледдин!"

Заснул почти в два часа.

Ночь была очень светлая, небо засыпано чистейшими звездами.

С неделю уже ровно ничего не делаю.

7 сентября. Уехал Митя. Мы с Колей ездили по предтечевским лугам, потом через Победимовых и Скородное домой, было солнечно, лес уже по-осеннему в свете и волнении. Мужики все рубят и рубят леса. К вечеру опять на дождь, ехали назад, на севере – мертвенно-синеватые облака.

8 сентября. Погода светлая, хорошая. К вечеру приехал Мишка, возивший Митю: опоздали на поезд, поехали в Елец.

Был в конторе. Сын медника, рабочий, приятный, хорошо осведомлен, но кое в чем путается. И против большевиков, и "Новую жизнь", увидав у меня, назвал "хорошей газетой". Я послал с Митей отказ в "Новую ("Свободную") жизнь".

9 сентября. Ночью была ужасная гроза, ураган. Нынче хорошо, ветрено, солнечно.

Были на Жадовке, у Сергея Климова. Все в один голос одно: "Корнилов нарочно выпущен немцами" и т. д. В этом и весь призыв его.

Клен в жадовском саду – цвета кожи королька, по оранжевому темно-красное.

Изумительны были два-три клена и осо-

бенно одна осинка в Скородном позавчера: лес еще весь зеленый – и вдруг одно дерево, сплошь все в листве прозрачно, багряно-розовой с фиолетовым тоном крови.

Читал Жемчужникова. Автобиография его. Какой такт, благородство!

Сейчас пишу – по рукам, тетради желтый свет заходящего солнца. Оно садится за бахтеяровской усадьбой, как раз против спуска с той горы. По моим часам около шести.

Сергей Климов: "Да Петроград-то мать с ним. Его бы лучше отдать поскорей. Там только одно разнообразие".

11 сентября. Все пустые дни! Читал Жемчужникова, "Анну Каренину". Приехала М. Ник. Рышкова. Погода холодная, переменчивая, дурная.

12 сентября. Очень холодно. Кажется, вчера утром – косые космы пухлых низких облаков грязно-лиловатых, северных, морских по западному горизонту (утром часов в восемь) . Среди дня много солнечных моментов, но ветер, прохладно. К вечеру очень холодно-впору полушубок. Луна уже три четверти.

13 сентября. С утра очень холодно, был за

садом, летели листья с кленов, взял один.

Коля в астме. Вечером поехал со мной в Знаменье. Серо, потеплело – дочитал Жемчужникова. В общем, серо, риторика.

14 сентября. Теплый прелестный день, солнечный. Ездил с Верой в Измалково, перед вечером. Луна три четверти стала видна с пяти часов.

15 сентября. Проснулся в 6 1/2, еще солнце не показалось; утро удивительное, росистое. День еще лучше. Совсем лето. Все аллеи усыпаны листвой. Читал Минского. Прочел сорок восемь страниц. Ужасная риторика!

Коля все еще болен. Еле выбрался в сад, сидел на скамейке с Верой. Алекс. Петр. плача рассказывал про Ваню.

Газеты. На советы выросла, видимо, дикая злоба у всех. Разъяснение Савинкова.123 Да, "совершена великая провокация". Керенского следовало бы повесить. Бессильная злоба.

В пять поехали с Верой в Скородное и вокруг него. По дорожке среди осинок. Еще не желтые осинки, но дорога вся усыпана их листвой круглой – сафьян малиновый, лимонный, палевый, почти канареечный есть. Ко-

гда выехали, чтобы повернуть направо, кто-то среди деревьев на опушке что-то делал лежа; красного солнца осталось уже половина. Месяц довольно высоко, -зеленовато-белый, небо под ним гелиотроповое почти. Хороша та дорога, где всегда грязь! Глубокие колеи – все возят тяжелое, все воруют лес. Возле места, где была Караулка, стояли, вертел курить, дивились на красоту: месяц впереди, в левом направлении, над лесом, кое-где желтые высокие, стройные деревца (кажется, клены), закат направо совсем бесцветный, светлый. Под месяцем «?» опять гелиотропы, ниже и левее синева цвета сахарной бумаги. Вера смотрела направо дивилась, как зубчата линия леса – на закате. Дальше по просеке – дороге трудно ехать – так много сучьев. Уже темнело (в глубине-то леса). Выехали на опушку, чтобы повернуть направо (караулка), постояли, опять подивились – хорош был кровавый клен. Я взял листок. Он сейчас передо мной, точно его, бывший светло-палевым, обмакнули в воду с кровью.

Как осенью в лесу, в чаще, вдруг видишь: светит желтизной, выдвинулась ветка ореш-

ника. Даже жутко. Когда проехали Победимовых, повернули направо, стали спускаться с горы, закат уже краснел, а луна (направо, над долиной, полной леса) была на сером, освещенном ею небе. Вообще небо было почти все серое, чуть в глубине синеватое.

Как странно все освещает осенняя заря! — сказал Вере, поднимаясь в гору.

16 сентября. Все то же: пустота ума, души, довольно тупое спокойствие. Дочитываю "Каренину". Последняя часть слаба, даже неприятна немного; и неубедительна. Помнится, и раньше испытывал то же к этой части. Читаю Минского. Есть хорошее. Все же у него была душевная жизнь.

Ездили кататься. (День прекрасный.) Возле того места, где была караулка, крякнула задняя ось. Дошли пешком. Спеша за меринком, запотел, устал. <...>

Чуть не все за садом засыпано желтой листвой кленов. Уже очень много вершин зарыжело, зажелтело. Как поражает всегда этот цвет! Остров почти весь зелен. Но, едучи кататься, видел осинку в этой зелени — совершенно малиновая!

Луна ночью была необыкновенно ясна. Со-
всем полная.

17 сентября. Довольно сильный и прохлад-
ный ветер. Сад сипит, кипит. Почти все небо в
грифельной мути, облачности. Светлее, где
солнце. Еще больше желтых, краснеющих,
красно-оранжевых вершин.

Гляжу на бахтеяровский сад: местами –
клубы как будто цветной капусты этого цве-
та.

Вчера, едучи мимо пушешниковского леса,
видел вдали, в Скородном (на косогоре, где до-
рога к Победимовым), целый островок желто-
го (в которое пущена красная краска – свет-
лая охра? Нет, не то!) -особый цвет осенних
берез.

11 1/2 ч. дня. Дочитал "Каренину". Самый
конец прекрасно написан. Может быть, я
ошибаюсь насчет этой части. Может быть,
она особенно хороша, только особенно про-
ста? Были облака, ветер. Ночь была порази-
тельно ясная, луна чиста необыкновенно, в
небе ни единого облачка, так все продрал рез-
кий ветер.

22 сентября. Ездили с Верой в Озерки. Хо-

роший день, но ветер, довольно прохладно, а когда возвращались зарей, то и совсем.

26 сентября. Два дня были необыкновенно хороши – солнечные, теплые. Вчера отправил письмо Кусковой. Был дождь!

Нынче холодно, низкие синеватые небо-склоны с утра. После обеда гуляли втроем. Дивились на деревья за сараем, с поля из-за риги – на сад: нельзя рассказать! Колонтаевка – и желтое, и черно-синее (ельник), и что-то фиолетовое. Зеленее к Семенковкам – бильярдное сукно. Клены по нашему садовому... необыкновенные.- Сказочный – желтый, прозрачные купы. Ели темнеют – выделились. Зеленень непожелтевшая посерела, тоже отделяется. Вал весь засыпан желтой листвой, грязь на дороге – тоже. Ночью позавчера поразила аллея, светлая по-весеннему сверху – удивительно раскрыта.

Вообще – листопад, этот желтый мир непередаваем. Живешь в желтом свете.

Сейчас ночь темная, дождь. Был нынче на мельнице. Злобой мужики тайно полны. Разговаривать бессмысленно!

27 сентября. Абакумов: нет, жизнь при

прежнем правительстве-куда красней была! Теперь в... нельзя-того гляди – голова слетит.

День несколько раз изменялся. С утра было холодно. Все вспоминаю противный разговор на мельнице – Л«нрзб», придирающийся к винокуру, к монопольщику, лгавший, что его мальчишку бросил австриец в окно завода, грозивший "убить" теперь это слово очень просто!- солдат Алешка...

Ездил с Колей кататься. Лес все рубят.

28 сентября. Почти летний день. Разговор за «в автографе описки: на.-А. Б.» мельницей с "Родным" и другими, шедшими из потребиловки.

Вечером что-то горло.

29 сентября. Не выхожу. Больно железу, в горле что-то есть. Летний день. Все читаю Фета. Как много ...!

30 сентября. Горло ничего, слава богу. Гуляли. На гумно Андрея С.- там молотьба. А. Пальчиков в очках черных в кожаном футляре подает, серо-бурая борода, темна по окраинам на щеках (как...-«нрзб»-как многие старики), бабы одно и то же: "что гуляете, идите к нам солому тресты". По деревне к лесу. День лет-

ний. Поразил осинник на мысу – совершенно оранжевый, и так выделилось каждое дерево и выпуклость бугра, и до неприятности похоже на гигантского ужа. Извив тропинки по бугру. Поразителен и осинник в лощине в начале леса, такой же. Все, весь лес необыкновенно сух, шуршит, и непередаваемо прекрасный западе подожженных сушью, солнцем листьев. Блеклая трава засыпана листвой, дубовая листва коричневая на опушке, дубы все шуршат, все бронзово-коричневые. Говорил, как ничтожно искусство! Поразила декларация правительства, начало: анархия разлилась от Корнилова! О негодяи! И все эти Кишкины, Малянтовичи! Ужасны и зверства и низость мужиков, легендарны.

1 октября. Утром вышел – как все бедно стало: сад, солнце, бледное небо. Потом день превосходный. Ездили с Колей к Победимовым.

И снова мука! Лес поражает. Как он в два дня изменился: весь желто порыжел (такой издали). Вдали за Щербачевкой шапка леска буро-лиловата, точно мех какой на звере облезает. А какой лес по скату лощины! Сухая

золотая краска стерта с коричневой, кленоватой.

2 октября. Проснулся в шесть. Лежал час. Душа подавлена. Юлий, думы о том, что, может, скоро опустеет совсем мир для меня – и где прежнее – беспечность, надежда на жизнь всего существа! И на что все! И еще – совсем отупела, пуста душа, нечего сказать, не пишу ничего, пытаюсь – ремесло, и даже жалкое, мертвое.

Вчера воззвание Брешко-Брешковской¹²⁴ к молодежи – "идите, учите народ!".

Ночью гулял – опять все осыпано бриллиантами сквозь голые ветви. Григорий идет от кума – "пять бутылочек на двоих выпили". "И ты не выпивши?" – "Да нет, ведь я ее чаем гоню..."

Нынче еще беднее утро, хотя прелестное и свежее, бодрое. Уже на кленах на валу на немногих и местами желтая, еще густая листва.

3 октября. Вчера в три часа с Колей в Осиновые Дворы.

Скородное издали – какой-то рыже-бурый медведь. Ехали через Ремерский лес. Дубки

все бронзовые. Сквозь него изумительный пруд, в одном месте в зеркало льется отражение совершенно золотое какого-то склоненного деревца. Караулка, собачонка так зла, что вся шерсть дыбом, - знакомая; выскочил тот старик, радостно-шаловой, торопливый, бестолковый, что видел в Скородном. Федор Митрофаныч, конечно, солгал, что у Ваньки отняли ружья, был скандал, он стрелял уток барских на пруде возле этой караулки, но не отняли. "Как ты попал сюда?" – "Позвольте, сейчас..." Страшно-радостно и таинственно: "Поросенка пошел куп-лять, у Борис Борисыча... Борис Борисыч отвечает..." (вместо "говорит" и очень часто не кстати: хотя). Были в Польском (деревушке). Два совершенно синих пруда – сзади нас, как въезжали на гору – предвечернее солнце. Поразили живописность и уединение Логофетовой усадьбы. Сад, да и ближе деревья – главное рыже-бронзовое, бронзовое. Наше родовое. Охватила мысль купить. Стекла горят серебряной слюдой, лучезарными звездами в доме, издали. В Осиновых Дворах два мужика: один рыжий, нос картошкой, ласково-лучистый, профессор,

другой – поразил: IV «?» в., Борис Годунов, крупность носа, губ, толстых ноздрей, профиль почти грозно-грубый, черные грубые волосы, под шапкой смешаны с серебром. Должно быть, древние люди, правда, не те были. Какое ничтожество и мелкость черт у ребят молодых! Говорили эти мужики, что они про новый строй смутно знают. Да и откуда? Всю жизнь видели только Осиновые Дворы! И не может интересоваться другим и своим государством. Как возможно народоправство, если нет знания своего государства, ощущения его, русской земли, а не своей только десятины!

Шесть часов вечера. Сейчас выходил. Как хорошо. Осеннее пальто как раз в пору. Приятный холодок по рукам. Какое счастье дышать этим сладким прохладным ветром, ровно тянущим с юга вот уже много дней, идти по сухой земле, смотреть на сад, на дерево, еще оставшееся в коричневатой листве, краснеющей не то от зари (хотя заря почти бесцветна), не то своей краской. Вся аллея засыпана краснеющей, сухой, сморщенной листвой, чем-то сладко пахнувшей. Как нов вид на

сквозной сад, сквозь который за долиной воздух чуть зеленоват, и заря наполняет весь сад розоватым светом. Почти все голо, почти все клены на валу и аллея и т. д., лишь яблони «в» золотисто-бронзоватой мелкой мертвой листве.

Правительство "твердо решило подавить погромы". Смешно! Уговорами? Нет, это не ему сделать! "Они и министры-то немного почище нас!" Вчера в полдень разговор с солдатом Алексеем – бешено против Корнилова, во всем виноваты начальники, "мы большевики, протолиерият, на нас не обращают внимания" «...».

Нынче хорошее настроение, написал два стихотворения «нрзб.»

Гулял в Колонтаевку, послал утром книгу Белевскому (последний том "Нивы" в переплете).

Нет никого материальней нашего народа. Все сады срубят. Даже едя и пья, не преследуют вкуса – лишь бы нажраться. Бабы готовят еду с раздражением. А как, в сущности, не терпят власти, принуждения! Попробуй-ка введи обязательное обучение! «...» А как поль-

зуются всяким стихийным бедствием, когда все сходит с рук,- сейчас убивать докторов (холерные бунты), хотя не настолько идиоты, чтобы вполне верить, что отравляют колодцы. Злой народ! Участвовать в общественной жизни, в управлении государством – не могут, не хотят за всю историю.

Прогулка в Колонтаевку была дивна: какая сине-темная зелень пихт не пожелтевших! (Есть еще такие, хотя большинство все дорожки усыпали своими волосами.) Шли дорожкой – впереди березы, их стволы, дальше трубы тонкие пихт, серая тьма и сквозь это – сине-каменное небо (солнце было сзади нас, четвертый час). Бёклин поймал новое, дивное. А как качаются эти тонкие трубы в острых сучках на стволах! Как плавно, плавно и все в разные стороны!

Возле бахтеяровского омета сквозь голый сад видна уже церковь. Как ново после лета!

Интеллигенция не знала народа. Молодежь Эрфуртскую программу¹²⁵ учила!

4 октября. Вчера было радостное возбуждение – подумал: будет дождь. Так и есть. С утра очень тихо, дождь. Щеглы на "главном" кле-

не. Потом ветер. Часов с трех повернул – с северо-запада. Образовалась грязь. Заходили на мельницу, к Колонтаевке. Листва (почти не изменилась) на сирени. Про яблони, кажется, неверно записал вчера – оне... ну, грязная золотистая охра, что ли, с зеленоватым оттенком. Яблони еще все в листве (такой).

Все читаю Фета (море пошлого, слабого, одно и то же), пытаюсь писать стихи. Убожество выходит! <...>

5 октября. Вчера вечером около одиннадцати ветер повернул, - с северо-запада. Вызвездило. Я стоял на последней ступеньке своего крыльца – как раз против меня был (на садом) Юпитер, на его левом плече Телец с огоньком Альдебарана, высоко над Тельцом гнездо бриллиантовое – Плеяды.

Нынче очень холодно, ветер почти с севера, солнечный день. Ездил с Колей к Муромцевым. Как хороша его усадьба с этими деревьями в остатках осенней листвы (когда ехали, поразило Скородное далекое «нрзб», мех (пух, что ли) зверя дымчато-серых, кое-где клоки рыжеватой шерсти еще не оципаны. Далекий лесок под Щербачевкой – цвета су-

хой малины. Прочие лесочки за «нрзб» – все бурое «...»

Петруха, кучер Муромцевых: "Все начальники продают... Мне племянник пишет, он брехать не будя".- Послал книгу Милюкову126. (Дня три тому назад Белоруссову.)

6 октября. Рано, в шесть, проснулся. Подавленное состояние. Остудел я, обездарел, как живу, что вижу! Позор!

Туман, вся земля белая, твердая. Пошел гулять – кладбище (оно еще в траве) теперь под сединой изморози – малахитовое, что ли.

Лозинский едет в Измалково. Зашел к нему. Сиденье тележки, козлы – как мукой осыпаны. Сад Бахтеярова в тумане грязно темнеет.

Послал книгу Бурцеву127 (всем одно- 5-6 томы "Нивы").

Вчера читали записку Корнилова. И Керенский молчок! И общество его терпит!

Почти полдень. Горизонт туманен. Тихий, тихий беззвучный день. Так мертва, тупа душа, что охватывает отчаяние.

--

Десять часов вечера. Гуляли немного за са-

дом, потом по двору. В сущности, страшно. Тьма, ледяная мгла вдали едва различима, но все-таки видна.

Днем выходил: все былинки, полыньки седые от инея. Туман (холодный «нрзб» весь день). Остров – грязноватое что-то, цвета приблизительно охры, что ли. Лозины деревни вдали – зеленовато-серые... «нрзб». Бахтеяровский сад и темно-желтоват и буроватое и т. д. У нас в саду возле вала листва – цвета мути, немного желтее.

Записка Алексеева¹²⁸. Что же русское общество не тянет за усы Керенского?! «...».

7 октября. Заснул вчера в 11, проснулся нынче в восемь. Несмотря на это, чувство тупости, растерянности еще сильнее. Утром письмо Юлия к Вере от 27 сентября. Мы все очень огорчились: каждый день будни... Ужасно!

День дивный, солнечный, бодрый; ходили в Колонтаевку – похоже все на то, как мы видели в прошлую прогулку туда.- Письмо от Кусковой. Отвечаю.

Сейчас около двенадцати ночи. Изумительная ночь, морозная, тихая, тихая, с вели-

колепнейшими звездами. Мертвая тишина. Юпитер, Телец, Плеяды очень высоко. (Над юго-западом.) На юго-западе Орион. Где Сириус? Есть звезда под Орионом, но низко и слабо видна.

Листва точно холодным мылом потерта. Земля тверда, подмерзла. Ходил за валом. Идешь к гумну мимо вала (по направлению от деревни) – деревья на валу идут навстречу, а небо звездное за ними сваливается, идет вместе со мною, вперед. Сзади идет за мной Юпитер и пр. Идешь назад – все обратно. То же и на аллее. А я писал в "Таньке": "звезды бежали навстречу". Глупо.

Аллея голая стройна, выше и стройнее, чем в листопад.

О, какая тишина всюду, когда я ходил! Точно весь мир прервал дыхание, и только звезды мерцают, тоже затаив дыхание.

8 октября, 11 ч. утра. Вчера долго не мог заснуть- ужасная мысль о Юлии, о Маше, о себе – останусь один в мире, если Юлий не выздоровеет, и кажется: если даже будет успех, сделаю что-нибудь – для кого, если Юлия не будет! Заснул почти в два.

Нынче проснулся в 8 1/2. Бешенство на Софью – уехали в Измалково! На меня внимания не обращают. Послал с Лозинским: Кусковой, Бунину, Нилусу, Черемнову, Колино письмо к Мите о въезде в Москву (запретили!). Поехал один на дрожках в Скородное – круг обычный (начиная со стороны северной). Утро изумительное. Все крыши, вся земля были белые. Поехал через аллею, ветер вычистил ее середину, вся листва сметена на бок. Думал: "Могучим блеском полон голый сад, синим и сияющим эфиром". В поле дорога еще тверда, кое-где начинает потеть. В каждой колее, где тень, голубая сахарная пудра. По жнивью под солнцем блеск алмазов по остаткам изморози. В лесу светлей, чем думалось. Иногда улавливал горечь листвы мокрой. Повернул по опушке мимо северной стороны леса – тени осинки по блестящей мокрой листве. В лоцинке, полной деревьев, блеск мелкого стекла сучки, оставшиеся листики. Вдоль восточной стороны, там, где всегда грязь и ухабы по кусочку дороги между деревьями, грязь салится, под салом земля еще твердая; бледно-водянистые зеленыя налеле-

во, за лугом направо лес по косогору лежащий – веет сизоватый дым, весь почти голый – осинник, среди этого верхушки берез удлинненными купами желтеют (неярко, грязно, темная охра, что ли), выделяются. На просеке снова вдали дроги, лошадь – рубят! «...» Думал о своей "Деревне". Как верно там все! Надо написать предисловие: будущему историку верь мне, я взял типическое. Да вообще пора свою жизнь написать, спустить шкуру со всей сволочи, какую видел, со всех этих Венгеровых и т. д.

Свернул на лесную дорогу, идущую от Победимовых, - направо. Вся в ухабах глубоких грязи, засыпанной листвой (перед этим все глядел на верхушки берез, сохранивших розовато- и рыжевато-желтую мелкую листву на изумительном небе). Дубы все в коричневой сухой листве. Среди стволов блеклая, вялая сырая, зелень под листвой. Думал – здесь особенно похоже на весну. Если бы ехал весной, тут, в затишье, среди стволов, на спуске с горы, было бы жарко, птицы были бы, сладость, мука радостная, полная надежд на что-то – и на любовь, как всегда! были бы. Въехал на го-

ру – еще среди стволов четыре подводы, баба с топором, мальчишка. Выехал из лесу – далеко-далеко налево, на юго-востоке, над лугами возле Предтечева светлый белесый пар под солнцем, над ним полный света горизонт. В голове – Одесса, Керчь, утро в ней, солнце, синь густая моря, белый город...

Понемножку читал эти дни "Село Степанчиково".¹²⁹ Чудовищно! Уже пятьдесят страниц – и ни на йоту, все долбит одно и то же! Пошлейшая болтовня, лубочная в своей литературности! «...» Всю жизнь об одном, "о подленьком, о гаденьком"!

В три часа поехали с Колей на Прилепы за конопляным маслом для замазки. Хозяин маслобойки – богач, большой рост, великий удельный князь, холодно серьезен, застали среди двора, ноль внимания. "Масло – два рубля фунт". Пошли в маслобойку, заговорили – и вдруг чудесная добрая улыбка. Вот кем Русь-то строилась. О своих односельчанах как о швали говорил.

Закат с легчайшим, чуть фиолетовым туманом за бахтеяровской усадьбой на зеленях и по бахтеяровскому саду и Колонтаевка в

нем. Солнце за бахтеяровским садом садилось огромным расплавленным шаром из золота, чуть шафранового стекла. Пошел в контору. Там безобразничал негодяй Зайчик.

Ночью гуляли. Туман находил на нас холодный. Вверху звезды.

8 двенадцать часов вышел – там вяз смутной массой. Звезды туманны. Юпитер распустил пленку голубоватую.

9 октября. Снова такой же дивный день. В три поехали с Колей в Гурьевку, были у Дмитрия Касаткина – "рушник", рушит просо и гречиху. Хозяин – "видно, опять кичится Николаем". Солдат стерва, дурак необыкновенный. "Солдаты зимней одежды не принимают – не хотят больше воевать. Два месяца дали сроку правительству – чтобы сделало мир. Немцы бедным не страшны – черт с ними, пускай идут. Богатые – вот это дело другое. За границу не уедешь – все дороги в один час станут, всех переколем штыками. Начальства мы слушаемся, если хорошее, а если он не так командует, как же ему голову не срезать? Корнилов виноват, семьдесят пять тысяч с фронта взял. Керенский – <...> не лезь, когда не уме-

ешь править. Зачем он умолял наступление сделать?" И т. д.

Старик мужик худой, болезненный, милый и разумный. Баба-мощи, зло (про нас): "Это они все немцами пугают чернородие".- Да, вот что К«еренский» негодяй сделал!

Немцы завладели Рижским заливом.

12 октября. Позавчера мне исполнилось сорок семь лет. Страшно писать, но порой и утешение мелькает – а, может быть, это еще ничего, может быть, я преувеличиваю значение этих лет?

Позавчера утром поехал с Колей и Мишкой (полуидиот и плут, но ничего себе малый, на старый деревенский лад) в Ефремов. Было похоже, что погода портится, сперва шли лиловатые облака – туман по небу – потом затянуло, день стал серый, ехали на Волжанку, Лебяжку, Березовку и т. д. Дорога по горам и однообразным деревням бесконечна. Деревня тонет в благополучии,- сколько хлеба везде, скотины, птицы и денег! Пусто очень, почти ни души не встретили, и на улицах ни души, только молотят кое-где молотилки. Паровая молотилка в имении на Голицыне. И как ни-

кто не интересуется ни немцами, ни "Сов. Рос. Ре<с>п." – и не знает ничего.

Приехали часа в четыре. Евгений в кухне на печке со своим Арсиком. Когда зажгли огонь, прибежали дети Елизаветы Ильинишны Добровольской (Победимовой) мальчик и девочка, мальчик хотел страстно видеть "живого писателя"; рассказали, что уже начался погром, которого давно ждали в Ефремове. Я пошел в парикмахерскую – слух вздорный, хотя действительно ждут с часу на час. Отвратительный "демократ" завивался самым бл...м образом, завился на 1 р. 75 к. Малый, что стриг меня, вежливейше спросил: "Под полечку прикажете?" Светила луна (почти 1/2). Ночевал не во флигеле, а в доме, долго разговаривал через дверь с Елизаветой Ильинишной. Она разошлась с мужем, выходит за другого, за пожилого. Я очень удивил ее, угадав, что у него слабые волосы (он довольно большой, блондин, "ждет его десять лет") и что он очень любит ее детей. Не физически, но все-таки волновался близостью женщины за дверью, с которой мы одни в доме, за исключением крепко спящих детей. В три часа

проснулся, не спал до шести, приехала в четыре старуха Победимова – я испугался, думал, она на лошадях, бежала от мужиков.

Утро с большой изморозью. Ходили с Евгением за покупками. В 1 ч. уехали. Светлый, прохладный, по свету похожий на летний день, – превосходный. Оглянулся – нежно и грустно защемило сердце – там, в роще лежит мама, которая так просила не забывать ее могилы и у которой на могиле я никогда не был.

Коля задохнулся; всю дорогу молчал. Ехали на Боборыкино, потом на Кожинку, не доезжая Кожинки, свернули, мимо Новиковой, потом под гору, на гору, на мельницы и на Веригину. В Веригине пруд посредине, очень старые избы, богатая деревня. За Веригиной – под гору. За лугами напротив – лес коричневый в лощине, над ним высоко луна (ровно $1/2$), профиль бледный, лес весь дубовый, весь в коричневой листве – листва точно в паутине. Боже, какая пустыня! А какая пустыня, какой дикарский поселок – хутор Лукьяна Степанова! Никто не представит себе через сто, двести лет. По лиловому пруду золотая (от месяца) зыбь.

Опять восхитила логофетовская усадьба. Только миновали дом, луна за дубами, горизонт под ней – розовый. Потом быстро ехали, светало, ветреная ночь. Приехали домой в семь.

В Ефремове газеты за девятое и десятое. Открытие "Совета Республики", пошлейшая болтовня негодяя Керенского, идиотская этой стервы-старухи Брешко-Брешковской ("понятно, почему анархия – борьба классов, крестьяне осуществляют свою мечту о земле"). Мерзавец <...> Троцкий призывал <...> к прямой резне.

Нынче ветрено, светлый, прекрасный день. Убирался, запаковывал черный сундук. На полчаса выходил с Верой по направлению к Колонтаевке.

13 октября. Вот-вот выборы в Учредительное собрание¹³⁰. У нас ни единая душа не интересуется этим.

Русский народ взывает к Богу только в горе великом. Сейчас счастлив – где эта религиозность! А в каком жалком положении и как жалко наше духовенство! Слышно ли его в наше, такое ужасное время? Вот церковный

собор – кто им интересуется и что он сказал народу? Ах, Мережковские м...!

Понемногу читаю "Леонардо да Винчи"¹³¹ Мережковского. Ужасный "народился" разговор. Длинно, мертво, натащено из книг. Местами недурно, но почему знать, может быть, ворованное! Несносно долбленье одного и того же про характер Леонардо, противно-слащаво, несносно, как он натягивает все на свою идейку Христос – Антихрист!

"Нигде не видал таких красок – темных и в то же время таких ярких, как драгоценные камни" (стекла в соборе) . "Монах откинул куколь с головы".

"Побледневшее на солнце, почти не видное пламя". "Пахло чадом оливкового масла, тухлыми яйцами, кислым вином, плесенью погребов". "Ненавидящий пронизательней любящего" (Леонардо). "У художников подражание друг другу, готовым образцам" (Леонардо). "Для великого содержания нужна великая свобода" (Леонардо).

Quant'e bella giovenezza.

Ma si fugge tuttavia

Chi vuol esser lieto, sia:

Di doman' non c'e certezza*.

День темный, позднеосенний, хмурый. Ветер шумит, порою дождь.

Как нежны, выбриты бывают лица итальянских попов! Вечером и ночью ветер, дождь.

14 октября. С утра серо, ветер с северо-запада, холодный, сейчас три, мы с Верой гуляли, облака, светит солнце.

На низу сада, возле плетня, слышу матерную брань. Вижу – Савкин сын (кривой), какой-то пьяный мужик лет двадцати пяти, долговязый мальш лет двадцати, не совсем деревенского вида.

– Когой-то ругает? Пьяный:

– Да дьякона вашего.

– Какой же он мой.

– Как же так не ваш? А кто ж вас хоронить будет, когда помрете? Вот П. Ник. помер – кто его хоронил? Дьякон.

– Ну, а вот ты-то дьякона ругаешь, тебя-то кто ж будет хоронить?

– Он мне керосину (в потребиловке) не даст... и т. д. Говорил, что мы рады, что немцы идут, они мужиков в крепостное право обра-

ТЯТ НАМ.

15 октября. Утро было все белое – вся земля, все крыши, особенно наш двор. Утро и день удивительные.

В школе выборы в волостное земство. Два списка – No 1 и No 2. Какая между ними разница – ни единая душа не знает, только некоторые говорят, что разница в том, что No 1 "больше за нас". Это животное, сын Андриана, когда я спросил про эту разницу, закричал: "Да что вы его слушаете, что он дурака валяет!" – с большой злобой. За что? Почему он злобен и на меня? Помимо бессмысленной злобы, убежден, что я не могу не знать этой разницы – думает, что все эти номера для всей России одинаковы. Гурьбой идут девки, бабы, мужики, староста сует им номер первый, и они его несут к "урне". Заходил и вечером – там крик, возмущение, что мужики друг у друга лес рубят, Петр Ар., Сергей Климов за то, чтобы солдат взять. Матрос молодой (Милонов, с Майоровки) кронштадтский сказал: "Не в том суть, чтобы осинку как-нибудь срубить, а в организации, чтобы не к именно капиталистам власть перешла, но на-

роду..." Большевик, йота в йоту повторяет дочку "Новой жизни" и т. п.

В головах дичь, тьма,- ужас вообще! В "Совете Российской республики" говорят больше всего "евреи".

Вчера ужасное письмо Савинкова.

16 октября. Мужик: "Нет, и господ нельзя тоже оставить без последствий, надо и их принять к сведению".

Проснулся в шесть. С утра темновато, точно дождь шел. Потом превосходный, хотя

*Как ни прекрасна юность,

Все же она убегает;

Кто хочет радоваться, пусть радуется,

В завтрашнем дне нет уверенности (ит.).

(Перевод С. Ошерова.)

сыро-холодный день. (Вчера, гуляя вечером. Вера обиделась, мы стали шутить – "Фома Фомич" – она плакала одна, в саду.)

Вечер поразительный. Часов в шесть уже луна как зеркало сквозь голый сад (если стоять на парадном крыльце – сквозь аллею, даже ближе к сараю), и еще заря на западе, розово

оранжевый след ее – длинный – от завода

до Колонтаевки. Над Колонтаевкой золотистая слеза Венеры. Луна ходит очень высоко, как всегда в октябре, и как всегда в октябре – несколько ночей полная. Сейчас гуляли, зашли с Верой в палисадник, смотрели на тени в нем, на четкость людской, крыша которой кажется черной почти,- вспомнился Цейлон даже.

Про политику и не пишу! Изболел. Главное – этот мерзавец, которому аплодируют даже кадеты.

17 октября. Дни похожи по погоде один на другой – дивная погода. Ни единого облачка ни днем, ни ночью. Все время с вечера – луна и полоса красноватая на закате. Пришла Вера Семеновна с Измалкова. Я отвозил ее в школу. Смотрел с дороги, уже близко от школы – вдали на реке что-то вроде коричневого острова камышей, дальше – необыкновенно прелестная синь речной заводи. По дороге отпотевшая грязь. Ночью подмораживает, морозная роса, тугая земля.

Вечером Вл. Сем. провожал до кладбища Надю.- Письмо от Шмелева.

18 октября. Та же погода. Чувствую себя,

дай бог не сглазить, все время хорошо, но пустота, бездарность – на редкость.

Пять с половиною часов вечера. Зажег лампу. В окне горизонт – смуглость желтая, красноватая (смуглая, темная желтизна?), переходящая в серо-зеленое небо, выше синее – сине-зеленое, на котором прекрасны ветки деревьев палисадника – голого тополя и сосны. Краски чистейшие. Пятнадцать минут тому назад солнце уже село, но еще светло было, сад коричневый.

Прочел Лескова "На краю света". Страшно длинно, многословно, но главное место рассказа – очень хорошо! Своеобразный, сильный человек!

20 октября. Девять с половиною часов вечера. Прочел статью из "Русской мысли" какой-то Глаголевой: "Раб (Бенедиктов), Эллин (Щербина), Жрец (Фет)". Наивная дурочка.

Критики говорят о поэте только то, что они сам надолбит.

"Любовь – высшее приближение к духовности" – правда ли это?

Вчера прошел слух (от Лиды), что хотят громить Бахтеяровых. Стал собирать корзину

в Москву. Потом поехал с Верой в Измалково отправлять. Погода дивная. Кричал на Веру дорогой – нехорошо! Коля рассказывал, как солдат Федька Кузнецов разговаривал с офицерами, что охраняют бахтеяровское имение, на "ты" и т. д.

Когда вчера Вера ходила на почту в Измалково, я сидел ждал, всходила раскаленная луна, возле нее небо мрачное, темное. Нынче ездили с Колей в Предтечево - говорить по телефону в Елец с комиссаром о въезде в Москву (наш телефон все портят). День поразительный. Дали на юге в светлом тумане (нет, не туман). Были в потребиловке (мерзко!), в волости. Воззвания правительства на стенах. О, как дико, как не связано с жизнью и бесполезно!

Что за цвета были леса, когда мы возвращались! Щербачевка (дубовая) светло-коричневая, поляны (березы) еще есть грязное золото, Скородное – не умею определить.

Десять часов вечера. Густой туман – вот неожиданно! Не выхожу, что-то опять горло.

В Предтечеве возле потребиловки встреча с девицами Ильиными. Леля сказала, что на

"Среде" Зилов читал на меня пародию. Гадина!

Читаю "Волхонскую барышню" Эртеля. Плохо. Мужичкий язык по частностям верен, но в общем построен литературно, лживо. И потом, эта тележка, ныряющая по грязи, лукавая пристяжная, и заспанный мальчик, ковыляющий в носу... Никогда не скажет: "надел пальто", а всегда – "облачившись в пальто".

21 октября. Не выходил – немного горло. День сперва серый, потом с солнцем. Возился весь день – укладывался. Завтра Казанская, могут напиться вся деревня варит самогонку – все может быть. Отвратительное, унижительное положение, жутко.

В языке и умах мужиков все спуталось. Никто, впрочем, не верит в долготу этого "демократического рая".

В 1905 году поэты все писали стихи про кузнецов.

Читал отрывки из Ницше – как его обворывают Андреев, Бальмонт и т. д. Рассказ Чулкова "Дама со змеей". Мерзкая смесь Гамсуна, 132 Чехова и собственной глупости и бездарности. Как Сибирь, так "паузка", "пали" и

г. д., еще "заимка"...

22 октября. Все бело от изморози. Чудеснейшее тихое солнечное утро. Звон.

"Забота"-Капри, 24 января-б февраля 1913 г.

Это ли не "Петлистые уши". <...>

Мужики и теперь твердят, что весь хлеб "везут" (кто? Неизвестно) немцам.

Радость жизни убита войной, революцией.

Как гадки Пшибышевский,¹³³ Альтенберг!¹³⁴

Луна – зеркало солнца. Сердцевина мака черная.

Жизнь Фофанова¹³⁵ – "сюжет для небольшого рассказа".

Одиннадцать часов утра. Коля напевает под пианино:

"Жил был в Фуле..."

Нет, в людях все-таки много прекрасного!

--

30 октября. Москва, Поварская, 26. Проснулся в восемь – тихо. Показалось, все кончилось. Но через минуту, очень близко – удар из орудия. Минут через десять снова. Потом щелканье кнута – выстрел. И так пошло на весь день. Иногда с час нет орудийных уда-

ров, потом следуют чуть не каждую минуту – раз пять, десять. У Юлия тоже.

Горький, оказывается, уже давно (должно быть, с неделю) в Москве. Юлий мне сказал позавчера, что его видели в "Летучей мыши", - я не поверил. Вчера Вера говорила с Катериной Павловной¹³⁶, по телефону. Катерина Павловна – "обе стороны ждут подкреплений". Затем сказала, что Алексей Максимович у нее, что если я хочу с ним поговорить и т. д.

⟨...⟩.

Часа в два в лазарет против нас пришел автомобиль – привез двух раненых. Одного я видел, - как его выносили – как мертвый, голова замотана чем-то белым, все в крови и подушка в крови. Потрясло. Ужас, боль, бессильная ярость. А Катерина Павловна пошла нынче в Думу (Вере нынче опять звонила) – она гласная, верно, идет разговор, как ликвидировать бой. Юлий сообщает, что Комитет общественного спасения послал четырех представителей на Николаевский вокзал для переговоров с четырьмя представителями Военно-революционного комитета чтобы больше-

вики сдали оружие, сдались. Кроме того, идут будто бы разговоры между представителями всех социалистических партий вкупе с большевиками, чтобы помириться на однородном социалистическом кабинете. Если это состоится, значит, большевики победили. Отчаяние! Все они одно. И тогда снова вот-вот скандалы, война и т. д. Выхода нет! Чуть не весь народ за "социальную революцию".

22-го – во втором часу пленный из Предтечева, верхом – громят Готово. Я ждал Казанской, многое убрал, – самогонка, праздник и слух о 20-м октября, о выступлении большевиков – все предвещало, что многое может быть. Через час пьяный мужик из Предтечева: "Там все бьют, там громят, мельницу Селезневскую разнесли... Уезжайте скорее!" Цель – разносит слухи, оповещает всех, хотя прикидывается возмущенным, и кроме того всюду берет на водку. Мой рубль швырнул – "я тебе сам пять целковых дам!". Я заорал, он струсил, взял рубль. С двух с половиною дня до трех ночи я убирался, заснул «в» два часа, в пять встал, в семь выехали – я, Коля, Вера. Мишка и Антон сзади на телеге с вещами. Ту-

ман, дорога вся в ухабах из застывшей грязи, лошади ужасные. До большой дороги была мука. Под Становой остановились, закусывали, баб тридцать из Кириловки, идут в Становую что-то получать (солдатки, кажется). Завязался разговор. Я выпил – иначе такой глупости не сделал бы. Злоба – "вы, буржуи, капиталисты, войну затеяли". Да, началось с насмешки над нами: "А плохо вам теперь!" Я сказал – "погоди, через месяц и вам будет плохо".- "А! вот как! Значит, ты знаешь! Почему же это нам будет плохо? Говори!" Я стал говорить как елецкий мещанин (плюс мой полусубок и весь наш вид жалкий). Подошел кто-то, что-то "товарищеское", хотя мужик (молодой)... (Ох! ужасный удар!) (Сейчас пять дня.) (Опять!) "Что? Плохо? Вы почему ж это знаете?" (Очень строго.)

О, позор, о, жуткое чувство! (Опять удар.) Я вильнул – "через месяц Учредительное собрание" – собрал вожжи и поскорее ехать. Возле шлагбаума колесо рассыпалось. До Ельца пешком – тяжело! Жутко! Остановят, могут убить. В Ельце все полно. Приютили нас Барченко. Вечером (опять удар!) у нас гости, я го-

ворил лишнее,- выпил. 24-е пробыли в Ельце. Отовсюду слухи о погромах имений. Влади-мира Семеновича все Анненское разгромили. Жгут хлеб, скотину, свиней жарят и пьют самогонку. (Опять!) У Ростовцева всем павли-нам голову свернули. (Опять!) 25-го выехали вместе с Б. П. Орловым. В вагоне в проходе солдаты, солдат из Ламского весело и хорошо рассказывал, как Голицыны с тремя-четырь-мя ингушами и попом (опять!) отбивались от мужиков и солдат. Голицына П. А. ранили. 26-го на Курском вокзале узнали, что в Москве готовят бинты, кареты скорой помощи и т. д.-будет бой с большевиками. Два извозчика со-рок рублей. 27-го был в городе – везде равно-душие – "а, вздор, это уже давно говорят". Ка-кие-то два солдата мне (опять!) сказали, что начнется часов с семи. В пять – к Телешовым. Мимо трамвая – поп, народ, несли чудотвор-ную икону. На углу Пречистенки бабы – "большевики стреляли в икону". От Телешо-вых благополучно дошли, хотя казалось, по городу уже шла стрельба. 28-го мы стрельбы почти не слышали, выходили.

Все было ожидание <...> Слухов-сотни

(опять!). "Каледин диктатор, идет в Москву" и т. д. "Труд" (газетка Минора) врала, что в Петербурге все (о, ужас, какой удар, всего потрясло) кончено – большевики разбиты. Вчера уже нельзя было выходить – стрельба. Близко Александровское юнкерское училище. О сегодня я уже писал. С фронта никого, хотя поминутно слух-"Москва окружена (опять!) правительственными войсками" и т. д. Ясно, дело плохо, иначе давно бы пришли. Сейчас Вере сказали слух: "Железнодорожники согласились пропустить войска с фронта, если будет социалистический кабинет". У нас в вестибюле дежурство, двери на запоре, все жильцы и "дамы" целый день галдят, врут, женщины особенно. Много евреев, противных. Изнурился от безделья, ожиданья, что все кончится вот-вот, ожиданья громил,- того, что убьют, ограбят. Хлеба дают четверть фунта. А что на фронте? Что немцы? Боже, небывалое в мире зрелище Россия!

Десять часов вечера (30 октября). В десять часов погасло электричество и у Зои и у Юлия. У Телешова нет. Юлий сказал, что Телешов» передал – подписано соглашение

большевиков и прочих партий. Но большевики не могут унять солдат. Озлоблены и юнкера. Катерина Павловна говорила с Митей – Максимка в плену. (Клестов скрывается у «нрзб».) Все слухи: четыре тысячи казаков пришли, не могут войти, их не пускают большевики на Казанский вокзал, пришел ударный батальон, тоже не может войти, где-то под Москвой дикая дивизия и т. д. Я дежурил от шести до семи. Большевистский студент собрал прислугу со всего дома – "она волнуется, говорит, зачем мы ворота бревнами закладываем, действуем против своих товарищей, надо с прислугой объясниться...". И объяснился:

"Стрелять будем, если вы пойдете против нас". Возмущение.

В вестибюле сидел какой-то полурабочий, к каждому слову "в общем".

31 октября. Проснулся «в» восемь. Думал, все кончено (было тихо). Но нет, кухарка говорит, только что был орудейный удар. Теперь слышу щелканье выстрелов. Телефон для частных лиц выключен. Электричество есть. Купить на еду ничего нельзя. «Нрзб» сказал,

ударный батальон пришел, часть переправилась в лодках, швейцар будто бы видел – человек двести пошло к юнкерскому училищу.

Двенадцать часов дня. Прочел "Соц. демократ" и "Вперед". Сумасшедший дом в аду.

Один час. Орудийные удары – уже штук пять, близко. Снова – в минуту три раза. Опять то же. Два рода ударов – глуше и громко, похоже на перестрелку.

Семь с половиною часов вечера. За день было очень много орудийных ударов (вернее, все время – разрывы гранат и, кажется, шрапнелей), все время щелканье выстрелов, сейчас где-то близко грохотал по крышам тяжкий град – чего? – не знаю.

От трех до четырех был на дежурстве. Ударил бомба в угол дома Казакова возле самой панели. Подошел к дверям подъезда (стеклянным) – вдруг ужасающий взрыв – ударила бомба в стену дома Казакова на четвертом этаже. А перед этим ударило в пятый этаж возле черной лестницы (со двора) у нас. Перебило стекла. Хозяин этой квартиры принес осколок гранаты трехдюймовой. Был Сережа. День тяжелый, напряженный. Все в напряже-

нии и все всё ждут помощи. Но в то же время об общем положении России и о будущем никто не говорит,- видимо, это не занимает.

Хочется есть – кухарка не могла выйти за провизией (да и закрыто, верно), обед жалкий.

Лидия Федоровна чудовищно невыносима. Боже, как я живу!

Опять убирался, откладывал самое необходимое – может быть пожар от снаряда. Дом Коробова горел.

Юлий утром звонил. С тех пор ни звука. Верно, телефон не дают.

А что в деревне?! Что в России?!

Москву расстреливают – и ниоткуда помощи! А Дума толкует о социалистическом кабинете! Почему же, если телеграф нейтрален, Керенский не дает знать о себе?

Почти двенадцать часов ночи. Страшно ложиться спать. Загораживаю шкафом кровать.

1 ноября. Среда. Засыпая вчера, слышал много всяких выстрелов. Проснулся в шесть с половиною утра – то же. Заснул, проснулся в девять – опять то же. Весь день не переставали орудия, град по крышам где-то близко и

щелканье. Такого дня еще не было. Серый день. Все жду чего-то, истомился. Щелканье кажется чьей-то забавой. Нынче в третьем часу, когда вышел в вестибюль, снова ужасающий удар где-то над нами. Пробегают не то юнкера, не то солдаты под окнами у нас – идет охота друг на друга.

Читал только "Социал-демократ". Ужасно.

В Неаполе в монастыре Camaldoli над Вомеро каждую четверть часа дежурный монах стучит по кельям: "Badate, e possato un quarto dora della vostra vita"*.

Пишу под тяжкие удары, щелканье и град.

Поповы – молодые муж и жена. Она княжна Туркестанова. Что за прелестное существо. Все раздает всем свои запасы. Объявление в "Русских ведомостях" от 22 октября. <...>

Читал "Русские ведомости" за 21, 22, 24, 25. Сплошной ужас! В мире не было такого озверения. Постановление офицеров ("Русские ведомости", номер от 25 октября).

Ходил в квартиру чью-то наверх, смотрел пожар (возле Никитских ворот, говорят). Дочь Буренина.137

2 ноября. Заснул вчера поздно – орудийная

стрельба. День нынче особенно темный (погода). Остальное все то же. Днем опять ударило в дом Казакова. Полная неизвестность, что в Москве, что в мире, что с Юлием! Два раза дежурил.

Народ возненавидел все.

Положение нельзя понять. Читал только "Социал-демократ". Потрясающий номер! Но о событиях нельзя составить представления. Часов с шести вечера стрельбы из орудий, слава богу, чтобы не сглазить, что-то не слышно.

Одиннадцать часов вечера. Снова два орудийных удара.

4 ноября. Вчера не мог писать, один из самых страшных дней всей моей жизни. Да, позавчера был подписан в пять часов "Мирный договор". Вчера часов в одиннадцать узнал, что большевики отбирают оружие у юнкеров. Пришли Юлий, Коля. Вломились молодые солдаты с винтовками в наш вестибюль – требовать оружие <...> Три раза приходили, вели себя нагло. Выйдя на улицу после этого отсидивания в крепости – страшное чувство свободы (идти) и рабства <...> Ходил по переулкам

возле Арбата. Разбитые стекла и т. д. Назад, по Поварской автомобиль взял белый гроб из госпиталя против нас.

Заснул около семи утра. Сильно плакал. Восемь месяцев страха, рабства, унижений, оскорблений! Этот день венец всего! <...>

Нынче встал в одиннадцать. Были Юлий, Митя, Коля, пошли в книгоиздательство. Заперто <...>

Командующий войсками Московского округа – солдат Муралов.¹³⁸ Комиссар театров – Е. К. Малиновская.¹³⁹ Старк¹⁴⁰ тоже комиссар <...>

11 ноября <...> Ленин сместил Духонина,¹⁴¹ назначил верховным главнокомандующим Крыленко¹⁴² <...>

21 ноября 12 ч. ночи. Сижу один, слегка пьян. Вино возвращает мне смелость, муть сладкую сна жизни, чувственность – ощущение запахов и пр.- это не так просто, в этом какая-то суть земного существования. Передо мной бутылка No 24 удельного. Печать, государственный герб. Была Россия! Где она теперь. <....> Убит Духонин, взята ставка и т. д.

Возведен патриарх "всея Руси" ¹⁴³на пре-

стол нынче – кому это нужно?!

1918

25 мая 1918 г. (старый стиль)
11 часов утра (по "нов [ому] времени"), Орша.

Вдоль полотна ж[елезной] д[ороги] дощатые шалаши, в них беженцы из России, возвращающиеся на родину, на Украину.

Мы третий день в пути. В Москве приехали на Савеловский вокзал в 3 ч. дня, 23-го, провожал Юлий, простившийся с нами на подъезде. В поезд сели только в 7 ч.- раньше отправляли "пролетарских" детей на каникулы в Саратовскую губ.затеи Луначарского. С Сав. вокзала мы тронулись только в час ночи, а с Александровского – в 3 ч. Спать пошли только в 4 – до того сидели с доктором этого санитарного поезда, пили тминную водку. В Вязьме были в 3 ч. 24 мая и стояли там до вечера. В Смоленск прибыли рано утром 25-го, откуда тронулись

* "Внемлите, прошло еще четверть часа вашей жизни" (ит.).

в 5 утра. В Орше стоим уже 3 часа, не зная,

когда поедем дальше.

26 мая.

Двинулись в 11 ч. 20 м. утра. В 12 ч. без 10 м. мы на "немецкой" Орше – за границей. Ян со слезами сказал:

"Никогда не переезжал с таким чувством границы! Весь дрожу! Неужели наконец я избавился от власти этого скотского народа!" Болезненно счастлив был, когда немец дал в морду какому-то большевику, вздумавшему что-то сделать еще по-большевицки.

Время здесь уже нормальное.

Немецкий пост, купил у немцев бутылочку кюммеля. За завтраком и обедом у нас в поезде был помощник коменданта станции, немец 23 лет.

Едем на Жлобин.

27 мая (9 июня). Воскресенье.

Утром Минск. Серо, скучно. Узнали, что поезд пойдет на Барановичи. Из поезда пришлось непосильно тащить вещи на другой. Александровский, вокзал больше версты. Помогли 2 больных солдата.

«б. д.»

Лето, восемнадцатый год, Киев.

Жаркий летний день на Днепре. На песчаных полях против Подола черно от купающихся. Их всё перевозят туда бойкие катерки. Крупные белые облака, блеск воды, немолчный визг, смех, крик женщин – бросаются в воду, бьют ногами, заголяясь в разноцветных рубашках, намокших и вздувающихся пузырями. Искупавшиеся жгут на песке у воды костры, едят привезенную с собой в сальной бумаге колбасу, ветчину. А дальше, у одной из этих мелей, тихо покачивается в воде, среди гнилой травы, раздувшийся труп в черном костюме. Туловище полулежит навзничь на бережку, нижняя часть тела, уходящая в воду, все качается – и все шевелится равномерно выплывающий и спадающий вялый белый бурак в расстегнутых штанах. И закусывающие женщины резко, с хохотом вскрикивают, глядя на него.

15/28 дача Шишкиной (под Одессой).

Пятый час, ветер прохладный и приятный, с моря. За воротами стоит ландо, пара вороных лошадей – приехал хозяин дачи, ему дал этих лошадей приятель, содержатель бюро похоронных процессов – кучер так и сказал –

"это ландо из погребальной конторы". Кучер с крашеной бородой.

Чуть не с детства я был под влиянием Юлия, попал в среду "радикалов" и чуть не всю жизнь прожил в ужасной предвзятости ко всяким классам.

Сегодня уехал Нилус. Завтра с нами селится Кипен.144

1919

«Б. Д.» [...] Часто теперь, читая какую-нибудь книгу, останавливаюсь и дико смотрю перед собой,- так оглушила, залипала [вероятно, залила.-М. Г.], все затмила низость человеческого слова и так дико вспоминать, на минуту выплывая из этого моря, что существовало и, может быть, где-нибудь еще существует прежнее человеческое слово!

4 ч. Гулял, дождя нет, пышная зелень, тепло, но без солнца. На столбах огромн [ые] афиши: "В зале пролеткульта грандиозный Абитур-спектакль-бал..." После спектакля "призы": 1) за маленькую изящн [ую] ножку, 2) за самые красивые глаза, киоски в стиле "мо-

дерн", "в пользу безработных спекулянтов", губки и ножки целовать в закрытом киоске, красный кабачек, шалости электричества, катильон, серпантин и т. д. 2 оркестра воен[ной] музыки, усиленная охрана, свет обеспечен, разъезд в 6 ч. по старому времени... Хозяйка вечера супруга командующего 3-й советской Армией Марфа Яковлевна Худякова".¹⁴⁵ Прибавьте к этому новую орфографию.

25 мая/7 июня.

Прочел "Знамя" и 1 Но "Советск. власти", орган одес [ского] Совдепа, долженствующ[ий], по-видимому, заменить собою "Голос красноарм [ейца] ", который уже давно не виден в городе, отправл [ен], как говорят, "на фронт". Все то же! Все "ликвидация григорьевских банд" и "разрастающаяся" во всем мире революц[ия],-между прочим крупно напечатано] сообщение] о большевистск [ом] восстании в Турции <...>

Вчера весь вечер дождь, настроение оч [ень] тяжкое. Дождь и ночью, льет и сейчас.

В "Советской] вл[асти]" две карикатуры; несомненно Минского. До содрогания, до тош-

ноты гнусно. [...]

28 мая/8 июня.

"Знамя борьбы" наполовину занято Марьяшем. "Проф [ессиональный] союз пекарей извещает о трагическ[ой] смерти стойкого борца за царство социализма..." И еще неск[олько] таких же объявлений; некрологи, заметки: "Ушел еще один... Не стало Марьяша... Стойкий, сильный, светлый..." и т. д. [...]

Затем идет смехотв [орное] известие о том, что приморские города вблизи Дарданелл заняты турецк[ими] коммунистами, которые принимают меры к закрытию Дард[анелльского] пролива, сообщение [...] что "на Галицию идет огромная польская сила с Петлюрой в авангарде" (я говорил, что Петлюра¹⁴⁶ вынырнет!) [...]

В полдень телефон из Сергиевск[ого] училища: приехал из Москвы Личкус, сообщил Вере, что у Мити Муромцева¹⁴⁷ тронуты верхушки легких и миокардит. Вера заплакала, оч [ень] расстроена. (...)

20. VI 1./2. VIII.

Вчера разрешили ходить до 8 ч. вечера – "в связи с выяснившимся положением" (?) [...]

Голодая, мучаясь, мы должны проживать теперь 200 р. в день. Ужас и подумать, что с нами будет, если продлится здесь эта власть. Вечером вчера пошли слухи, подтверждающие отход немцев. [...]

Был у Полыновых; Маргар. Ник. все восхищается моими рассказами, вспоминали с ней [...] о портсигаре из китового уса, который М. Н. подарила когда-то Горькому. [...]

Газеты, как всегда, тошнотворны. О Господи милостивый,- думаешь утром, опять [...] то же: "мы взяли... мы оставили... без перемен" – и конца этой стервотной драке [...] не видно! [...]

9 ч. веч. Опять наслушался уверений, что "вот-вот" [...] В порту все то же, до сих пор непонятное, за последнее время особенно, вследствие каких [вероятно, "каких-то".- М. Г.] непрерывных уходов, приходов,- контрминоносец и два маленьких, все бегающих и по рейду и куда-то в даль.

Купил – по случаю!- 11 яиц за 88 р. О, анафема, чтоб вам ни дна, ни крыши – кругом земля изнемогает от всяческого изобилия, колос чуть не в 1/2 аршина, в сто зерен, а хлеб

можно только за великое счастье достать за 70-80 р. фунт, картофель дошел до 20 р. фунт и т. д.! (...) Электричества почему-то нету. (Я таки жег за последнее время тайком,- "обнаглел".)

21. VI1./3. VIII.

В газетах хвастовство победами над Колчаком, в Алешках и над колонистами, на Урале "враг в панике, трофеи выясняются" – всегда не иначе, как "трофеи"! (...) А крестьяне будто бы говорят на великолепнейшем русском языке:

"Дайте нам коммуну, лишь бы избавьте нас от кадетов!" [...]

Отнес свои рассказы Туган-Барановской. Очень приятна, смесь либеральной интеллигентности с аристократизмом.

Погода отличная, но, хотя и спокоен сравнительно сегодня, все-таки, как всегда, отношение ко всему как во время болезни. Все чуждо, все не нужно, все не то... Многие говорят, что им кажется, что лето еще не начиналось.

Масло фунт уже 160 р., хлеб можно достать за 90 фунт. Сейчас 4 ч., как всегда, кто-то

играет, двор уже почти весь в тени, небо си-не-сероватое, акации темно-зеленые, за ними белизна стен в тени и в свете.

22. VII./4. VIII.

Почему-то выпустили газеты – "Известия" и "Сов. власть" – хотя сегодня понедельник. Ничего особенного. Махно будто бы убил Григорьева, 148 "война" с колонистами продолжается, красные "дерутся как львы", – так и сказано, – взяли Александровку [...] это напечатано жирным шрифтом, "трофеи выясняются", но между строк можно прочесть, что дело это еще далеко не потушено; говорят даже, что немцы уже перерезали ж. д. на Вознесенск. На базаре еще более пусто и еще более дорого. Прекрасное утро. Прочитав "Известия" на столбе, встретил Ив. Фед. Шмидта. Он зашел ко мне. – Кабачки нынче 50 р. десяток.

Матросы пудрят шеи, носят на голой груди бриллиант [овые] кулоны. Госуд. Межд. Красный Крест чрезвыч [айно] переводит деньги за границу, арестовывают членов этого креста для отвода глаз.

Как отвыкли все писать и получать письма!

Скучно ужасно, холера давит душу как туча. Ах, если бы хоть к черту на рога отсюда! [...]

25. VII./5. VIII.

Снова прекрасный летний день, каких было много,- то же серовато-синее чистое небо, зелень акаций, солнце, белизна стен,- и никакой видимой перемены, все буднично. А между тем вчера, как никогда, была уверенность, что нынче должна быть перемена непременно.

Вчера после трех пришел Кондаков,149 безнадежно говорил о будущем, не веря в прочность ни Колч[ака], ни Деникина, вспоминал жестокий отзыв Мишле150 и его пророчества о том, что должно быть в России и что вот уже осуществилось на наших глазах. Потом пришел Федоров и г-жа Розенталь,- принесла весть об эвакуации большев [иков] из Одессы. Кондаков не отрицает эвакуации, но говорит, что она делается для того, чтобы грабить город и куда-то вывозить, расхищать награбленное,- тянут, в самом деле, все, что только можно, не только ценности, мануфактуру, остатки продовольствия, но даже все

имущество ограбляемых домов, вплоть до мебели,- и для того, чтобы разворовать те 50 миллионов, которые, говорят, прислали из Киева на предмет этой эвакуации. Потом прибежал Коля: у них был (неразборчиво написанное слово, поставленное в кавычки), которому [неясно] официально заявил об этой эвакуации. Пошел к ним. "Одесса окружена повстанцами. Подвойский прислал телеграмму об эвакуации Одессы в 72 ч., перехвачено радио Саблина – сообщает Деник[ину], что взял Очаков, совершил десант в Коблеве и просит позволения занять Одессу". [...] Как было не верить? Но вот опять день, каких было много, вышли газеты, долбящие все то же, и ни звуком не намекающие на эту передачу... [...]

Вчера говорили о новых многочисл [енных] арестах и расстрелах. Нынче похороны "доблестных борцов" с немцами [...]

4 ч. дня в городе. Читал приказы. Уныние снова. О проклятая жизнь!

24. VII/6. VIII.

[...] Ночи прекрасные, почти половина луны. В одиннадцатом часу смотрел в открытое окно из окна Веры. Луна уже низко, за дома-

ми, ее не видно, сумрак, мертвая тишина, ни единого огня, ни души, только собака грызет кость,- откуда она могла взять теперь кость? [...] Совершенно мертвый город! На ночь опять читал "Обрыв". Как длинно, как умно нередко! А все-таки это головой сделано. Скучно читать. [...] Сколько томов культивировалось в подражание этому Марку! Даже и Горький из него.

Нынче опять такой прекрасный день, жаркий на солнце, с прохладным ветерком в тени. Были с Верой в Театральном кружке.

[...] Комендант печатает в газете свое вчерашнее объявление – о лживости слухов, что они уходят: "Эвакуация, правда, есть, но это мы вывозим из Одессы излишние запасы продовольствия" и еще чего-то. Бог мой, это в Одессе-то "излишние запасы"! [...] На базаре говорят, что мужики так ненавидят большевиков, что свиньям льют молоко, бросают кабачки, а в Одессу не хотят везти.

Слух: Бэла Кун151 расстрелян, прочие комиссары, пытавшиеся бежать из Венгрии, арестованы. [...]

25. VII./7. VIII.

Во всех газетах все то же, что вчера. [...] Возвращаясь, чувствовал головокружение и так тянуло из пустого желудка,- от голода. В магазин заходил – хоть шаром покати! "Нечего есть!" – Это я все-таки в первый раз в жизни чувствую. Весь город голоден. А все обычно, солнце светит, люди идут. Прошел на базар – сколько торгующих вещами. На камнях, на соре, навозе – кучка овощей, картошек – 23 р [убля] ф [унт]. Скрежетал зубами. "Революционеры, республиканцы, чтоб вам адово дно пробить, дикари проклятые!"

"Распаковываются",-говорит один. Да, м [ожет] б [ыть], сами ничего не знают и трусят омерзительно. Другие твердят – "все равно уйдут, положение их отчаянное, про победы все врут, путь до Вознесенска вовсе не свободен" и т. д.

[...]

Вечером. Опять! "Раковский привез нынче в 6 ч. вечера требование сколь можно скорее оставить Одессу". [...]

Какая зверская дичь! "Невмешательство"! Такая огромная и богатейшая страна в руках дерущихся дикарей – и никто не смирит это

животное!

Какая гнусность! Все горит, хлопает дерев [янными] сандалиями, залито водой – все с утра до вечера таскают воду, с утра до вечера только и разговору, как бы промыслить, что сожрать. Наука, искусство, техника, всякая мало-мальски человеческая трудовая, что-либо творящая жизнь – все прихлопнуто, все издохло. Да, даром это не пройдет! [...]

Грабеж продолжается – гомерический. Ломбард – один ломбард – ограблен в Одессе на 38 милл. ценностями, т. е. по-теперешнему чуть не на 1/2 миллиарда!

26.VII./8. VIII.

Слышал вчера, что будут статьи, подготовл [яющие] публику к падению Венгрии. И точно, нынче [...]

Ужас подумать, что мы вот уже почти 4 месяца ровно ничего не знаем об европейских делах – и в какое время!- благодаря этому готтентотскому пленению!

Вечером. Деникин взял, по слухам, Коростовку, приближается к Знаменке, взял Черкасы, Пирятин, Лубны, Хотов, Лохвацу, весь путь от Ромодан до Ромен. Народ говорит, что

немцы отбили Люстдорф. [...] У власти хватило ума отправлять по деревням труппы актеров – в какой [вероятно, "какой-то".-М. Г.] деревне, говорят, такая труппа вся перебита мужиками, из 30 музыкантов евреев, говорят, вернулось только 4.

Позавчера вечером, идя с Верой к Розенберг, я в первый раз в жизни увидел не на сцене, а на улице, человека с наклеенными усами и бородкой. Это так ударило по глазам, что я в ужасе остановился как пораженный молнией. Хлеб 150 р. фунт.

[Сбоку приписано:] Зажглось электричество,- топят костями.

27. VII. 19. VIII.

"Красная Венгрия пала под ударами империалистических хищников". [...] "Восстание кулаков" растет,- оказывается и под Николаем [вероятно, Николаевом] началось то же, что и под Одессой, хотя, конечно, и нынче то же, что читаю уже 3 месяца буквально каждый день: "восстание успешно ликвидируется". С одесск [ого] фронта тоже победоносные [следует неразборчиво написанное слово], но народ говорит, что немцы опять взяли Люст-

дорф. [...] Сейчас опять слышна музыка – опять "торжеств [енные] похороны героев". Из-за этого сделана какая-то дьявольская забава, от которой душу переворачивает.- Масло 275 р. фунт.

28. VII. /10. VIII.

"К оружию! Революция на Украине в опасности!" [...] "[...] Мы на Голгофе... Неумолимо сжимаются клещи Деникина и Петлюры..." На фронте, однако, везде "успехи", все восстания успешно ликвидируются (в том числе и новые – еще новые!- на левом берегу Буга), "красные привыкли побеждать", "Деникин рвет и мечет от своих последних неудач", "набеги остатков Петлюровщины уже совсем выдохлись". Все напечатано в одной и той же "Борьбе", почти рядом! [...]

3 ч. Гулял. Второй день прохладно, серо. Скука, снова будни и безнадежность. Глядел на мертвый порт [...] На ограде лежит красноармеец, курит. Обмотки.- И желтые башмаки, какие бывают от Питонэ, Дейса – отнятые, конечно, у буржуя. [...]

29. VI I./II. VIII.

Был в Театральном, чтобы решить с Оре-

стом Григор [ьевичем] Зеленюком (?) об издании моих книг. Он занят. Видел много знакомых. Погода чуть прохладная, превосходная, солнечный день. Море удивит [ельной] синевы, прелестные облака над противополож[ным] берегом.

Туча слухов. Взята Знаменка, Александрия, вчера в 12 ч. "взят Херсон" опять! "Эвакуация должна быть завершена к 15 авг.". [...] Поговаривают опять о Петлюре, будь он проклят [...] многому не верится, все это уже не возбуждает; но кажется, что-то есть похожее на правду. [...]

Бурный прилив слухов: взят Орел, Чернигов, Нежин, Белая Церковь, Киев! [...] Над Одессой летают аэропланы. [...]

30. VI 1.112. VIII.

Ничего подобного! [...] Издеваются над слухами. Да, я, м [ожет] б[ыть], прав-многое сами пускают.

"Чрезкомснаб, Свуз" – количество таких слов все растет!

4 ч. Был утром у Койранского.¹⁵² Он пессимистичен. Уходя, встретил 3. "Дайте сюда ваше ухо: 15-го!" И так твердо, что сбил меня с

толку.

1./14. VIII.

Дней шесть тому назад пустили слух о депеше Троцкого: "положение на фронте улучшилось. Одессу не эвакуировать". Затем об [этом.- М. Г.] не было ни слуху ни духу и власть открыто говорила об эвакуации. Но третьего дня депешу эту воскресили, а вчера уже сами правители совали ее в нос чуть не всякому желающему и уже говорили, что она только что получена вместе с известием, что с севера на Украину двинуто, по одной версии, 48 дивизий,- цифра вполне идиотская,- по другой двадцать дивизий, по третьей – 4 латышских полка и т. д. И цель была достигнута – буквально весь город пал духом, тем более, что частично эта "эвакуация" и впрямь была прекращена,- т. е. прекратили расформировывать советские] учреждения и служащим заявили диаметрально-противоположное тому, что заявляли позавчера-вчера. Соответственно с этим сильно подняли нынче тон и газеты: "Панике нет места!" "Прочь малодушие!" [...] "передают, что Троцкий двинул с Колчаковского фронта через Гомель",- како-

во! – "войска на Украину" [...] Все это, конечно, брехня, известно то, что позавчера состоялось очень таинств[енное] заседание коммунистов, на котором было констатировано, что положение отчаянное, что надо уходить в подполье, оставаться по мере возможности в Одессе с целью терроризма и разложения Деникинцев, когда они придут, а вместе с тем и твердо решено сделать наглую и дерзкую мину при плохой игре, "резко изменить настроение в городе", - однако факт тот, что они опять остаются!

Газеты нынче цитируют слова Троцкого, где-то на днях им сказанные: "Я бы был очень опечален, если бы мне сказали, что я плохой журналист; но когда мне говорят, что я плохой полководец, то я отвечу, что я учусь и, научившись, буду хорошим!" [...]

В Балте "белые звери устроили погром, душу леденящий: убито 1300 евреев, из них 500 малюток".

Немцев восстание действительно заглохло. Нынче газеты победоносно сообщают, что многие "селения восставших кулаков снесены красными до основания". И точно – по го-

роду ходят слухи о чудовищных разгромах, учиняемых красноармейцами в немецк[их] колониях. Казни в Одессе продолжаются с невероятной свирепостью. Позапрошлую ночь, говорят, расстреляли человек 60. Убивающий получает тысячу рублей за каждого убитого и его одежду. Матросы, говорят, совсем осатанели от пьянства, от кокаина, от безнаказанности:- теперь они часто врываются по ночам к заключенным уже без приказов [...] пьяные и убивают кого попало; недавно ворвались и кинулись убивать какую-то женщину, заключенную вместе с ребенком. Она закричала, чтобы ее пощадили ради ребенка, но матросы убили и ее, и ребенка, крикнув: "Дадим и ребеночку твоему маслинку!" Для потех выгоняют некоторых] заключенных во двор чрезвычайки и заставляют бегать, а сами стреляют, нарочно долго делая промахи.

Вчера ночью опять думал чуть не со слезами – "какие ночи, какая луна, а ты сиди, не смей шаг сделать – почему?" Да, дьявол не издевался бы так, попади ему в лапы!

Вечером. Слухи: взят Бобруйск, поляками. Гомель вот-вот возьмут [...] добровольцы буд-

то бы верстах в 30-и от Николаева. А про Херсон, кажется, соврали – теперь уж говорят, что взят будто бы только форштадт Херсона.

Нынче утром был деловой разговор с этим Зелюником, что ли. Хочет взять "Господ [ина] из Сан-Фр[анциско]", все рассказы этой книги за гроши. [...]

Репортер из "Рус [ского] Слова" – "инспектор Искусств" во всей России. Говорят, что сын Серафимовича вполне зверь. Сколько он убил! Отец одобряет, "что ж, это борьба!"

2./15. VIII.

В "Борьбе" передовая: "Человечество никогда еще не было свидетелем таких грандиозных событий... в последней отчаянной схватке бьются прихвостни контрреволюции с революцией на Украине... Наша победа близка, несмотря на наши частичные неудачи..." и т. д. [...] "Хищники хотят посадить на трон в Венгрии Фердинанда румынского..." но – "мировая революция надвигается... в Англии стачка хлебопек и полицейских... в Гамбурге тоже забастовка...", в Турине уличные бои, в городах Болгарии советская власть... Поляки издеваются в Вильне над социалистами... вы-

пороли раввина Рубинштейна, известн [ого] журналиста С. Ан-ского, известн[ого] поэта Иоффе, критика Пичета, писателя Байтера... В Одессе вчера важное заседание пленума Совдепа, ораторы громили контрреволюционеров, появившихся среди рабочих в Одессе. [...] Вообще тон всех газет необыкновенно наглый, вызывающий, победоносный – решение "резко изменить настроение Одессы" осуществляется. Цены падают, хлеб уже 15-13 р. ф., холера растет, воды по-прежнему нет, весь город продолжает таскать ее из [неразборчиво написанное слово] колодцев, что есть во дворах некот [орых] домов. Буржуазии приказывают нынче явиться на учет, - после учета она вся будет отправлена на полевые работы. Угрожают, что через несколько дней будет обход домов и расстреляют "на месте" тех буржуев, кои на этот учет не явились. [...]

Щепкин, который недавно закрыл Университетскую церковь и отправил в чрезвычайку список тех служителей, кои подали протест против этого закрытия, на днях говорил открыто, что надо "лампу прикрутить", т. е. уходить в подполье, а теперь снова поднял го-

лову.

4./17. VIII.

Вчера опять у всех уверенность, возбужденность – "скоро, скоро!", утверждения, что взят Херсон, Николаев. [...] Пошел слух по городу, что кто-то читал в Крымских газетах, что Колчак взял Самару, Казань (а по словам иных – и Нижний!). Вечером секретная сводка такова: Саратов обойден с с[еверо]-з[апада], взят район Глазуновки (под Орлом – и даже Орел!), взят Бахмач, поляки подошли к Гомелю, Киев обстреливается добровольцами. [...]

Нынче опять один из тех многочисл [енных] за последние месяцы дней, который хочется как-нибудь истратить поскорее на ерунду – на бритве, уборку стола, франц[узский] язык и т. д. Конечно, все время сидит где-то внутри надежда на что-то, а когда одолевает волна безнадежности и горя, ждешь, что, может быть, Бог чем-нибудь вознаградит за эту боль, но преобладающее – все же боль. Вчера зашли с Верой в архиерейск[ую] церковь – опять почти восторгом охватило пенье, поклоны друг другу священнослужителей,

мир всего того, м[ожет] б[ыть], младенческого, бедного с высшей точки зрения, но все же прекрасного, что отложилось в грязной и неизменно скотск [ой] человек [еской] жизни, мир, где [неразборчиво написанное слово] как будто кем-то всякое земное страдание, мир истовости, чистоты, пристойности... Вышли в архиерейск[ий] садик – на рейде два миноносца, а за молом 2 транспорта: опять привезли русских солдат из Фр[анции]. Значит, опять "две державы"-Франция и "советск[ая] власть" честь честью сносятся, ведут дело, переговоры – и свидетельство того, что Одесса далека от освобождения.

Встретили знакомых, все: "погодите еще судить, почем знать, м [ожет] б [ыть], это все не то" и т. д. Нынче это, конечно, в газетах подтверждается. А газета (читал только "Борьбу") ужасна – о как изболело сердце от этой скотской грубости! Опять свирепые угрозы – "Красный террор, массовое уничтожение всех подлых гадин, врагов революции должно стать фактом!" – точно этого факта еще нет! [...]

6. /19. VIII.

В субботу 3-го взял в "Днепро-Союзе" восемь тысяч авансом за право перевести некоторые мои рассказы на малорусский язык. Решение этого дела зависело от Алексея Павловича Марковского, с ним я и виделся по этому поводу.

Вчера твердый слух о взятии Херсона и Николаева. Красные перед бегством из Николаева будто бы грабили город и теперь, грабя по пути, идут на Одессу – уже против большевиков. Говорят, что С. и Калиниченко бежали в 2 ч. ночи с 4 на 5 на катере. [...] Там, где обычно святцы – перечисление убийств, совершенных революционерами. Хлеб 35 р., ветчина 280 р.

Нынче проснулся оч [ень] рано. Погода превосходная.

Когда у Чрезвычайки сменяют караул, играют каждый раз Интернационал. [...]

Был 2 раза в архиерейском саду. Вид порта все поражает – мертвая страна все в порту ободранное, ржавое, облупленное... торчат трубы давно [неразборчиво написано.- М. Г.] заводов... "Демократия!" Как ей-то не гадко! Лень, тунеядство. [...] Как все, кого вижу,

ненавидят большевиков, только и живут жаждой их ухода! Прибывшие из Франции все дивятся дороговизне, темному, голодному городу. [...] Говорят, что много красных прибежало из-под Николаева – больные, ободранные. [...]

9. /22. VIII.

В "Борьбе" опять – "последнее напряжение, еще удар – и победа за нами!" [...] Много учреждений "свернулось", т. е., как говорят, перевязали бумаги веревками и бросили, а служащих отпустили, не платя жалования даже за прежние месяцы; идут и разные "реквизиции": на складах реквизируют напр. перец, консервы. [...]

По перехвач [енному] радио белых они будто бы уже в 30-40 верстах от Одессы.. Господи, да неужели это наконец будет! [...]

Погода райская, с признаками осени. От скверного питания хую, живот пучит, по ночам просыпаюсь с бьющимся сердцем, со страхом и тоской. [...]

Грабеж идет чудовищный: раздают что попало служащим-коммунистам – чай, кофе, какао, кожи, вина и т. д. Вина, впрочем, говорят,

матросня и проч. товарищи почти все выпили ранее – Мартель особенно. [...]

"Я вам раньше предупреждаю" – слышу на улице. Да, и язык уже давно сломался, и у мужиков, и у рабочих.

Летал гидроаэроплан, разбрасывал прокламации Деникина. Некоторые читали, рассказывать не умеют. [...]

1920

Париж, 19 авг. 1920 г.

Прочел отрывок из дневника покойного Андреева. "Покойного"! Как этому поверить! Вижу его со страшной ясностью, - живого, сильного, дерзко уверенного в себе, все что-то про себя думающего, стискивающего зубы, с гривой синеватых волос, смуглого, с блеском умных, сметливых глаз, и строгих, и вместе с тем играющих тайным весельем; как легко и приятно было говорить с ним, когда он переставал мудрствовать, когда мы говорили о чем-нибудь простом, жизненном, как чувствовалось тогда, какая это талантливая натура, насколько он от природы умней своих произведений и что не по тому пути по-

шел он, сбитый с толку Горьким и всей этой лживой и напыщенной атмосферой, что дошла до России из Европы и что так импонировала ему, в некоторых отношениях так и не выросшему из орловского провинциализма и студенчества, из того Толстовского гимназиста, который так гениально определен был Толстым в одной черте: "Махин был гимназист с усами...".

1921

Понедельник 22 февр./7 марта, 1921 г. Париж.

Газета удивила: "На помощь!" Бурцева, "Спешите!" А. Яблоновского ("Хлеб в Кронштадте] должен быть не позже вторника или среды!") [...] Неужели правда это "революция"? [...] До сегодня я к этой "революции" относился тупо, недоверчиво, сегодня несколько поколебался. Но как и кем м. б. доставлено в Кронштадт] продовольствие "не позже среды"? Похоже опять на чушь, на русскую легкомысленность. [...]

Вечером Толстой. "Псков взят!". То же сказал и Брешко-Брешковский. Слава Богу, не

волнуюсь. Но все-таки – вдруг все это и правда "начало конца"!

23 февр./8 марта.

[...] С волнением (опять!) схватился нынче за газеты. Но ничего нового. В "падение" Петерб. не верю. Кр.- может быть, Псков тоже, но и только. [...]

Вечером заседание в "Общ. Деле",- все по поводу образования "Русского комитета национ. объединения". Как всегда, бестолочь, говорят, говорят... [...]

Возвращался с Кузьм [иным]-Караваевым. Он, как всегда, пессимист. "Какая там революция, какое Учр. Собр.! Это просто бунт матросни, лишенной советской властью прежней воли ездить по России и спекулировать!"

25 февр./10 марта.

По газетам судя, что-то все-таки идет, но не радуюсь, равнодушие, недоверие (м. б. потому, что я жил ожиданием всего этого – и каким!- целых четыре года.)

[...] Американский Кр. Кр. получил депешу (вчера днем), что "Петроград пал". Это главное известие. [...]

Вчера до 2-х дочитал "14 Декабря". Взволно-

вался, изменилось отношение к таланту Ме-
режковского, хотя, думаю, это не он, а тема та-
кая. (...]

28 фее р./13 марта.

Дело за эти дни, кажется, не двинулось с
места. Позавчера вечером у меня было собра-
ние-заседание Правления Союза Рус. Журна-
листов, слушали обвинение Бурцева против
Кагана-Семенова [...] Бурцев заявил, что он.
Каган, был агентом Рачковского. Были А. Яб-
лонов-ский, Мирский, С. Поляков, Гольд-
штейн, Толстой, Каган и Бурцев.- Яблонов-
ский сообщил, что получены сведения о мно-
гих восстаниях в России, о том, что в Царицы-
не распято 150 коммунистов. Толстой, прибе-
жавший от кн. Г. Е. Львова, закричал, что, по
сведениям князя, у большев. не осталось ни
одного города, кроме Москвы и Петерб. В об-
щем, все уже совсем уверены: "Начало кон-
ца". Я сомневался.

Вчерашний день не принес ничего нового.
Нигде нельзя было добиться толку даже на-
счет Красной Горки – чья она? [...]

Нынче проснулся, чувствуя себя особенно
резвым к Кронштадту. Что пока в самом де-

ле случилось? Да и лозунг их: "Да здравствуют советы!" Вот тебе и парижское торжество, говорили, будто там кричали: "Да здравствует Учр. Собр.!"-Нынче "Новости" опять-третий номер подряд – яростно рвут "претендентов на власть", монархистов. Делят, сукины дети, "еще не убитого медведя". [...]

1/14 марта.

[...] Прочел "Нов. Рус. Жизнь" (Гельсингфорс) – настроение несколько изменилось. Нет, оказывается, петерб. рабочие волновались довольно сильно. Но замечательно: главное, о чем кричали они – это "хлеба" и "долой коммунистов и жидов!" Евреи в Птб. попрятались, организовывали оборону против погрома... Были случаи пения "Боже, Царя храни".

У нас обедал Барятинский. Затем мы с Куприным и толстым были в Бул [онском] лесу на острове.

2/15 Марта.

[...] Савинков в "Свободе" все распинается, что он республиканец. А далеко не демократически говорил он, когда мы сидели с ним по вечерам прошлой весной, перед его отъез-

дом в Польшу!

1/14 Апр.

Вчера панихида по Корнилове. Как всегда, ужасно волновали молитвы, пение, плакал о России.

Савинков в Париже, был у Мережковских. Он убежден, что осенью большевикам конец. В этом убежден, по его словам, и Пилсудский, "который как никто осведомлен о русск. делах".

2/15 Апр.

[...] "Полудикие народы... их поминутные возмущения, непривычка к законам и гражд. жизни, легкомыслие и жестокость..." ("Капит. Дочка"). Это чудесное определение очень подходит ко всему рус. народу.

"Молодой человек! Если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких нравственных потрясений..."

"Те, которые замышляют у нас переворот, или молоды, или не знают нашего народа, или уже люди жестокосердые, которым и своя шейка – копейка и чужая головушка –

полушка..." ("Кап. Дочка") [...]

4/17 Апреля.

Опять идет снег, белый, хлопьями. Лежу со льдом,- опять кровь. Вчера приехал Манухин, мы хотели его устроить на квартире Куприных, которые уезжают в Севр. Говорит, что отношение к советской власти резко ухудшилось со стороны всех в России – он из Птб. всего полтора месяца,- убежден, что нынешним летом все кончится. Но настроение там у всех еще более подавленное, мало осталось надежд на иностр. или белую помощь.[...]

Читаю Соловьева-т. VI. [...] Бесперывная крамола, притязание на власть бояр и еще неконченных удельных князей, обманное "целование креста", бегство в Литву, в Крым, чтобы поднять врагов на Москву, ненасытное честолюбие, притворное раскаяние ("бьют тебе челом, холоп твой") и опять обман, взаимные укоры (хотя слова все-таки были не нынешние; "хочешь оставить благословение отца своего, гробы родительские, святое отечество..."), походы друг на друга, бесперывное сожжение городов, разорение их, "опустошение дотла" – вечные слова русской истории!-

и пожары, пожары... [...]

5/18 Апр.

Карташев¹⁵³ прислал несколько номеров советских газет. Уж, кажется, на что хорошо знаю советскую прессу – и все-таки опять поражен. Да, никогда еще в мире не было ничего подобного по гнусности и остервенелости повторения одного и того же в течение четырех лет буквально изо дня в день, из часа в час! [...]

6/19 Апреля.

Уехали на дачу в Севр Куприны. Мне очень грустно,- опять кончился один из периодов нашей жизни,- и очень больно – не вышла наша близость.¹⁵⁴ [...]

Была Гиппиус. О Савинкове¹⁵⁵: читал доклад о своей деят[ельности] у Чайковского,¹⁵⁶- грубое хвастовство – "я организовал 88 пунктов восстаний, в известный момент они все разом ударят..." Парижской интеллигенции грозил:

"Мы вам покажем, болтунам!" С языка не сходит "мужик" – "все через него и для него", "народ не хочет генералов". Я сказал Гиппиус: что же этот народ за ним не пошел,- ведь он

не генерал? Что значит "организовал"? Ведь тут легко что угодно врать! А насчет "мужика" совсем другое говорил он мне прошлым летом! – "Пора Михрютку в ежовые рукавицы взять!"

8/21 Апр.

[...] Герцен все повторял, что Россия еще не жила и потому у нее все в будущем и от нее свет миру. Отсюда и все эти Блоки!

6 мая (пятница) 21 года.

Был на похоронах Кедрина.¹⁵⁷ Видел его в последний раз в прошлую субботу, еще думал о нем: "Да, это все люди уже прошлого времени,- заседания, речи, протесты..." Он принес нам – это было заседание Парламентского Комитета – свой проект протеста на последнее французское офиц. сообщение о Врангеле. Опять протестовать? – говорили мы с Кузьм [иным]-Карав[аевым]. Да и все полагали, что это просто бесполезно. Однако он настаивал. Всем хотелось разойтись – из неловкости стали слушать. Волновался, извинялся – "это набросок" – путался, я слушал нетерпеливо и с неловкостью за него. Мог ли думать, что через неск. дней он будет в церкви?

Нынче прелестн. день, теплый – весна, волнующая, умиляющая радостью и печалью. И эти пасх[альные] напевы при погребении. Все вспоминалась молодость. Все как будто хоронил я – всю прежнюю жизнь, Россию...

6/19. VI. 21. Париж.

Собачонка брешет где-то, а я: "собачонка брешет на улице, а ее уже нет..." Ее – Чайковской. И вроде этого весь день. А ведь я видел ее три-четыре раза за всю жизнь, и она была мне всегда неприятна. Как действует на меня смерть! А тут еще и у нас в доме кто-то умер (против Карташевых). И вот уже весь дом изменился для меня, проникся чем-то особенным, темным.

Что так быстро (тотчас же, чуть не в первый же день) восстановило меня против революции ("мартовской")? Кишкин, залезший в генерал-губернаторский дом, его огромный "революционный" бант (красный с белым розан), страстно идиотические хлопоты этой психопатки К. П. Пешковой по снаряжению поездов в Сибирь за "борцами", своеволие, самозванство, ложь – словом, все то, что всю жизнь ненавидел.

8/21. VI. 21. Париж.

Прохладно, серо, накрапывает. Воротились из церкви – отпевали дочь Чайковского. Его, седого, семидесятилетнего, в старой визиточке, часто плакавшего и молившегося на коленях, так было жалко, что и я неск. раз плакал.

Страшна жизнь!

Сон, дикий сон! Давно ли все это было – сила, богатство, полнота жизни – и все это было наше, наш дом, Россия!

Полтава, городской сад. Екатер[инослав], Севастополь, залив. Графская пристань, блестящие морск. офицеры и матросы, длинная шлюпка в десять гребцов... Сибирь, Москва, меха, драгоценности, сиб[ирский] экспресс, монастыри, соборы, Астрахань, Баку [...] И всему конец! И все это было ведь и моя жизнь! И вот ничего, и даже посл. родных никогда не увидишь! А собственно я и не заметил как следует, как погибла моя жизнь... Впрочем, в этом-то и милость Божия...

27/14 июня.

Вчера были у "короля жемчугов" Розенталя. [...] Рыжий еврей. Живет [...] в чудеснейшем собств. отеле (какие гобелены, есть даже

церковные вещи из какого-то древн. монастыря). Чай пили в садике, который как бы сливается с парком (Monceau). [...] Сам-приятель Пьера Милля, недавно завтракал с А. Франсом. Говорят, что прошлый год "заработал" 40 миллионов фр. [...]

6 авг. (н. с.) 21 г. Dietenmuhle. Висбаден.

Сумрачно, прохладно, качание и шум деревьев. Был Кривошеин.158 Очень неглупый человек.

В газетах все то же. "На помощь!" Призывы к миру "спасти миллионы наших братьев, гибнущих от голода русских крестьян!" А вот когда миллионами гибли в городах от того же голода не крестьяне, никто не орал. [...] И как надоела всему миру своими гнустями и несчастьями эта подлая, жадная, нелепая сволочь Русь!

12/25 авг.

Получил "Жар-Птицу". Пошлейшая статья159 Алешки Толстого о Судейкине.160 Были Кривошеины и интервьюер голландец. После обеда, как всегда, у Гиппиус, говорили о поэтах. Ей все-таки можно прочистить мозги да и вообще вкус у нее ничего себе.

7/20 авг. 1921, Нероберг, над Висбаденом.

Юра Маклаков.161 Его рассказы. [...]

8/21 авг.

Прогулка с Мережковскими по лесу, "ку-
рятник". Лунная ночь. Пение в судомойне –
чисто немецкое,- как Зина и Саша когда-то в
Глотове. Звезда, играющая над лесом напра-
во,- смиренная, прелестная. Клеська, Глото-
во – все без возврата. Лесные долины вдали.
Думал о Кавказе,- как там они полны тайны!
Давно, давно не видал лунных ночей.- Луна за
домом (нашим) , Капелла налево, над самой
дальней и высокой горой. Как непередаваема
туманность над дальними долинами! Как
странно,- я в Германии!

9/22 Авг.

Были с Верой в Майнце. Есть очаров
[ательные] улицы. Четыре церкви (като-
лич.) – в двух из них натолкнулись на покой-
ников. Двери открыты – входи кто хочешь и
когда хочешь. И ни души. В последней церкви
посидели. Тишина такая, что вздохнешь по-
глубже – отзывается во всем верху. Сзади,
справа вечернее солнце в окна. И гроб, по-
крытый черным сукном. Кто в нем, тот, кого я

воеки не видел и не увижу? Послал из Майнца стихи в "Огни".

21. VIII. (3.IX.) 21 Висбаден.

Прогулка в лес. Мережковский читал свою статью по поводу письма 44 матерей. Сквозь лес воздушно-сизая гора на легком золоте заката.

⟨26.VIII. (8.IX.)⟩

Вчера был особенно чудесный день. Спал накануне мало, а бодрость, бойкость и уверенность ума. Прошли утром с Верой в город полем за санаторий. Город в долине грифельный, местами розоватый блеск крыш – и все в изумит, синеве, тонкой, блестящей, эфирной.

Вечером в лесу. Готические просеки. Вдали поют дети – растут в почтении к красоте и законам мира. Листва в лесу цвета гречневой шелухи.

В России едят грязь, нечистоты, топят голодных детей в речках. И опять литераторы в роли кормителей! Эти прокормят! "Горький при смерти" – как всегда, конечно. [...]

15 сент. н. с. 21 г.

Нынче в 3 уезжаем из Висбадена. А какая погода! Дрозды в лесу, в тишине как в России.

Быстрая начальственная походка начальников станций.

27 Окт.- 9 Ноября 1921 г.

Все дни, как и раньше часто и особенно эти последи. проклятые годы, м. б., уже погубившие меня,- мучения, порою отчаяние – бесплодные поиски в воображении, попытки выдумать рассказ,- хотя зачем это? – и попытки пренебречь этим, а сделать что-то новое, давным-давно желанное, и ни на что не хватает смелости, что ли, умения, силы (а м. б., и законных художеств, оснований?) начать книгу, о которой мечтал Флобер, "Книгу ни о чем", без всякой внешней связи где бы излить свою душу, рассказать свою жизнь, то, что довелось видеть в этом мире, чувствовать, думать, любить, ненавидеть. Дни все чудесные, солнечные, хотя уже оч. холодные, куда-то зовущие, а все сижу безвыходно дома. 17-го ноября (н. ст.) – мой вечер (с целью заработка) у Цетлиных, необходимо читать что-нибудь новое, а что? Решаюсь в крайности "Емелю" и "Безумн. художника". Нынче неожиданно начал "Косцов", хотя, пописав, после обеда, вдруг опять потух, опять показалось, что и

это ничтожно, слабо, что не скажешь того, что чувствуешь, и выйдет патока, да еще не в меру интимная, что уже спета моя песенка. Утешаю себя только тем, что и прежде это бывало, особенно перед "Госп [одином] из С. Фр [анциско] ", хотя можно ли сравнить мои теперешн. силы, и душевн. и физич. с силами того времени? Разве та теперь свежесть чувств, волнений! Как я страшно притупился, постарел даже с Одессы, с первой нашей осени у Буковецкого! Сколько я мог пить почти безнаказанно по вечерам (с ним и с Петром [П. А. Нилус.-М. Г.]), как вино переполняло, раскрывало душу, как говорилось, как все восхищало – и дружба, и осень, и обстановка чудесного дома!

[...] Вышел пройтись, внезапно зашел в кинематограф. Опять бандиты, похищение ребенка, погоня, бешенство автомобиля, несущийся и нарастающий поезд. Потом "Три мушк[етера]", король, королева... Публика задыхается от восторга, глядя на все это (королевское, знатное) – нет, никакие революции никогда не истребят этого! Возвращался почти бегом от холода – на синем небе луна точ-

но 3/4 маски с мертвого, белая, светящаяся, со-
всем почти лежащая на левое плечо.

28 ноября.

В тысячный раз пришло в голову: да, да, все это только комедия большевицкие деяния. Ни разу за все четыре года не потрудились даже видимости сделать серьезности – все с такой цинической топорностью, которая совершенно неправдоподобна [...]

1922

1/14 Янв. 1922 г.

Grand Hotel – получение билетов на мольеровские празднества. Знакомство с Бласко Ибаньесом. 162 Купил и занес ему свою книгу.

Вечером у Алек. Вас. Голштейн. Кто-то военный, в погонах, трогательно бедно одет. Как мало ценятся такие святые редкие люди!

Мальчик из России у Третьяковых. Никогда не видел масла, не знает слова фрукты.

Со страхом начал эти записи. Все страх своей непрочности. Проживешь ли этот год?

Новый год встречали у Ландау.

Да, вот мы и освободились от всего – от родины, дома, имущества... Как нельзя более

идет это нам и мне в частности! 2/15

Вечером снег, вышли пройтись – как в России.

Вчера, когда возвращались из города, толпы и фотографы у Hotel Grillon ждут выхода Ллойд Джорджа.¹⁶³ Чтоб его разорвало! Солнце было как королек в легкой сероватой мгле над закатом.

3/16

Легкое повышение температ. Все-таки были на завтраке в Кларидже. Какая дешевая роскошь по сравн. с тем, что было у нас в знаменитых ресторанах! Видел Марсея Прево.¹⁶⁴ Молодец еще на удивление. Мережковский так и не дождался своей очереди говорить. Даже финн говорил, а Мережк., как представитель России, все должен был ждать. Я скрипел зубами от обиды и боли.

4/17

Визит ко мне Пуанкарэ¹⁶⁵ – оставил карточку. Поздно засыпаю,- оч. волнуюсь, что не пишу, что, может, кончено мое писание, и отмыслей о своей промелькнувшей жизни.

5/18

Ездил с Мережковск. на мольеровский бан-

кет [...] Все во фраках, только мы нет, хуже всех. Речь Мережк. была лучше всех других, но не к месту серьезна. И плохо слушали,- что им мы, несчастн. русские!

6/19 января.

Письмо от Магеровского – зовут меня в Прагу читать лекции русским студентам или поселиться в Тшебове так, на иждивении правительства. Да, нищие мы!

7/20 января.

Вечер Мережковск. и Гипсиус у Цетлиной.¹⁶⁶ Девять десятых, взявших билеты, не пришли. Чуть не все бесплатные, да и то почти все женщины, еврейки. И опять он им о Египте, о религии! И все сплошь цитаты – плоско и элементарно донельзя. [...]

8/21 Января.

Кровь. Нельзя мне пить ни капли! Выпил вчера два стаканчика и все-таки болен, слаб. И все мысли о Юлии,¹⁶⁷ о том, как когда-то приезжал он, молодой, начинающий жизнь, в Озерки... И все как-то не верится, что больше я никогда его не увижу. Четыре года тому назад, прощаясь со мной на вокзале, он заплакал (конец мая 1918 г.). Вспомнить этого не

могу.

Люди спасаются только слабостью своих способностей,- слабостью воображения, недуманием, недодумыванием.

9/22 Января.

"Я как-то физически чувствую людей" (Толстой). Я всё физически чувствую. Я настоящего художественного естества. Я всегда мир воспринимал через запахи, краски, свет, ветер, вино, еду – и как остро, Боже мой, до чего остро, даже больно!

В газетах все та же грязь, мерзость, лукавство политиков, общая ложь, наглость, обман, все те же вести о большевицком воровстве, хищничестве, подлости, цинизме... "Цинизм, доходящий до грации", пишут своим гнусным жаргоном газеты. Царица Небесная! Как я устал!

10/23 Января.

Ночью вдруг думаю: исповедаться бы у какого-нибудь простого, жалкого монаха где-нибудь в глухом монастыре, под Вологдой! Затрепетать от власти его, унизиться перед ним, как перед Богом... почувствовать его как отца...

По ночам читаю биограф. Толстого, долго не засыпаю. Эти часы тяжелы и жутки.

Все мысль: "А я вот пропадаю, ничего не делаю". И потом: "А зачем? Все равно – смерть всех любимых и одиночество великое – и моя смерть!" Каждый день по 100 раз мысль вроде такой: "Вот я написал 3 новых рассказа, но теперь Юлий уже никогда не узнает их – он, знавший всегда каждую мою новую строчку, начиная с самых первых озерских!"

11/24 Января.

Я не страдаю о Юлии так отчаянно и сильно, как следовало бы, м. б. потому, что не додумываю значения этой смерти, не могу, боюсь... Ужасающая мысль о нем часто какая далекая, потрясающая молния... Да можно ли додумывать? Ведь это сказать себе уже совсем твердо: всему конец.

--

И весна, и соловьи, и Глотова – как все это далеко и навеки кончено! Если даже опять там буду, то какой это ужас! Могила всего прошлого! А первая весна с Юлием – Круглое, соловьи, вечера, прогулки по большой дороге! Первая зима с ним в Озерках, морозы, лун-

ные ночи... Первые Святки, Каменка, Эмилия Васильевна и это "ровно десять нас числом", что пел Юлий... А впрочем – зачем я пишу все это? Чему это помогает? Все обман, обман.

12/25 Января.

Христианство погибло и язычество восстановилось уже давным-давно, с Возрождения. И снова мир погибнет – и опять будет Средневековье, ужас, покаяние, отчаяние...

14/27 января.

Был секретарь Чешск [ого] посольства-5000 фр. от Бенеша168 и приглашение переехать в Тшебову. Деньги взял чуть не со слезами от стыда и горя. О Тшебове подумаю.

15/28 января.

Послал Гутману отказ от сотрудничества в качестве поставщика статей для "Утра", предложил 2 рассказа в месяц за 1600 фр. Гутман мое "Еще об итогах" сократил и местами извратил. Пишу "революция" – он прибавляет "коммунистическая". О Горьком все выкинул. [...]

У Карташевых был Струве. Тянет меня в Прагу неистово.

16/29 января.

Дождь, темно, заходил к Мережковским. Он спал (пять часов дня) – после завтрака у Клода Фарера.169 Фарер женат на актрисе Роджерс, когда-то игравшей в Петерб. Она только что получила письмо от Горького: "В Россию, верно, не вернусь, переселяюсь в горные селения... Советский минотавр стал нынче мирным быком..." Какой мерзавец-ни шагу без цели! Все это, конечно, чтобы пошла весть о его болезни, чтобы парализовать негодование (увы, немногих!) за его работу с большевиками и чтобы пустить слух, что советская власть "эволюционирует". И что же, Роджерс очень защищала его.

Мережк. признавался, что изо всех сил старается о рекламе себе.- "Во вторник обо мне [будет] статья в "Журналь"-добился-таки!"

18/31 января.

Послал письмо Магеровскому – запрос о Моравской Тшебове и на каких условиях приглашают туда.

20 ян./2 февраля.

Посылаю Дроздову170 "Восьмистишия": 1. Поэтесса, 2. В гавани, 3. Змея, 4. Листоп[ад], 5. Бред, 6. Ночной путь, 7. Звезды. [...]

Дождь, довольно холодно, но трава в соседнем саду уже яркая, воробьи, весна.

Вечером у нас гости [...] Провожал Савинкову: "Все-таки, если теперь бьет по морде мужика комиссар, то это – свой, Ванька". Конечно, повторяет мужа. А урядник был не Ванька? А Троцкий – "свой"?

21 ян./3 февраля.

Ходил к Шестовым. Дождь, пустые темные рабочие кварталы. Он говорит, что Белый ненавидит большевиков, только боится, как и Ремизов, стать эмигрантом, отрезать себе путь назад в Россию. "Жизнь в России,- говорит Белый,- дикий кошмар. Если собрались 5-6 человек родных, близких, страшно все осторожно, всегда может оказаться предателем кто-нибудь". А на лекциях этот мерзавец говорит, что "все-таки" ("несмотря на разрушение материальной культуры") из России воссияет на весь мир несказанный свет.

22 ян./4 февраля.

От 4 до 6 у Цетлиной "Concert" франц. артистов в пользу Тэффи¹⁷¹ [...] Все артисты одеты сугубо просто – чтобы подчеркнуть домашний характер концерта. Исполнения изу-

мит[ельные] по свободе, простоте, владению собой, дикцией; по естественности и спокойствию – не то что русские, которые всегда волнуются и всегда "нутром". М-ль Мустангетт похожа на двадцатилетнюю, а ей, говорят, около пятидесяти. Верх совершенства по изяществу и ловкости. Партнер – молодой человек нового типа молодых людей – вульгарного, американского. Танцы – тоже гнусные, американские. Так во всем – Америка затопляет старый свет. Новая цивилизация, плебейская идет. [...]

23 ян./5 февраля.

Видел во сне поезд, что-то вроде большой теплушки, в которой мы с Верой куда-то едем. И Юлий. Я плакал, чувствуя к нему великую нежность, говорил ему, каково мне без него. Он спокоен, прост и добр. [...]

25 янв./7 февраля.

Панихида по Колчаке.¹⁷² Служил Евлогий. Лиловая мантия, на ней белые с красным полосы. При пении я все время плакал. Связывалось со своим – с Юлием и почему-то с Ефремовым, солнечным утром каким-то, с жизнью нашей семьи, которой конец. И как всегда на

панихидах какое-то весеннее чувство. [...]

30 янв./12 февраля.

Прогулки с Ландау и его сестрой на Vinese, гнусная, узкая улочка, средневековая, вся из бардаков, где комнаты на ночь сдаются прямо с блядью. Палэ-Рояль (очень хорошо и пустынно), обед в ресторане Vefour, основанном в 1760 г., кафе "Ротонда" (стеклянная), где сиживал Тургенев. Вышли на Avenue de l'Opera, большая луна за переулком в быстро бегущих зеленоватых, лиловатых облаках, как старинная картина. Я говорил: "К черту демократию!", глядя на эту луну. Ландау не понимал – при чем тут демократия?

31 янв./13 февраля.

Завез в "Отель Континенталь" карточку и книгу "M. de S. Franc[isco]". Бенешу. Через два часа-его секретарь с карточкой,- ответный визит. Послал книгу (ту же) Пуанкарэ.

Прошлую ночь опять снился Юлий, даже не он, его, кажется, не было, а его пустая квартира, со связанными и уложенными газетами на столах. Вот уже без остроты вспоминаю о нем. Иногда опять мысль: "а он в Москве, где-то в могиле, сгнил уже!" – и уже не режет, а

только тупо давит, только умственно ужасает.

1/14 февраля.

Все едут в Берлин, падают духом, сдаются, разлагаются. Большевики этого ждали... Изумительные люди! Буквально во всем ставка на человеческую низость! Неужели "новая прекрасная жизнь" вся будет заключаться только в подлости и утробе? Да, к этому идет. Истинно мы лишние.

5/18 февраля.

Дождь. Стараюсь работать. И в отчаянии – всё не то!

Опять Юлий во сне. Как он должен был страдать, чувствуя, что уже никогда не увидится нам! Сколько мы пережили за эти четыре года – так и не расскажешь никогда другу другу пережитого!

Вдруг вспоминаю – пятый час, солнце, Арбат, толпа, идем к Юлию... Этому конец навеки!

Боже, какой океан горя низвергли большевики на всех нас! Это надо помнить до могилы.

Вечером у нас Злобин.173 Вышли прой-

тись, проводить его в 11 – в тихой темной улице старик, под шляпой повязанный платком, роется в мусорном ящике, что выставляют консьержки на ночь возле каждого дома, что-то выбирает и ест. И м. б.- очень счастливый человек!

7/20 февраля.

Солнце, облака, весна, хотя еще прохладно. Вышел на балкон – 5-ый час – в чистом, углубляющемся небе одно круглое белое облако висит. Вспомнил горы, Кавказ, небо синее, яркое и в нем такое же облако, только ярче, белее – за что лишил меня Бог молодости, того, теперь уже далекого времени, когда я ездил на юг, в Крым, молодой, беззаботный, люди – родины, близких? Юлий, наша поездка на Кавказ... Ах, как бесконечно больно и жаль того счастья!

11/24 февраля.

[...] Обедали у Цетлиных с Бакстом.174 Познакомился с Дионео [...] Понравился.

12/25 февраля.

[...] Все, что писал эти дни,- "Безымянные записки",- противно, чепуха.

16 ф.11 марта.

Репетиция "Любовь книга золотая" Алеши Толстого в театре "Vieux Colombier". Пошлая вещичка, да и стыдно показывать французам нашу старину в таком (главное, неправильном) виде. Обедали у Ландау с Куприным. Куприн жалок и нищенской одеждой и общим падением.

14 марта.

Бальмонтам пишут из Москвы: "Очень трудно, одному на прокормление хлебом и картошкой надо пять[десять] мил[лионов], а служащие получают два с половиной мил[лиона]". [...]

18 марта.

[...] В 5-лекция Жида¹⁷⁵ о Дост[оевском]. [...] Жид не похож на художника,- пастор какой-то. Познакомились [...] Заснул поздно, читал "Палату ном. 6". Волнение,- очень нравится,- мучительное желание и себе писать, и чувство, что ничего не могу, что я полный банкрот – и что вот-вот откроется эта тайна. И тоска, тоска, и мысль, что теперь каждый день дорог, что старость уже на пороге,- да, уже форм [енная] старость.

19 марта.

Погода опять чудесная, все то же за окном серое, чуть сиреневое, без единого облака небо (что-то вроде нашего севастопольского) и каменный красивый беспорядок домов.

Тоска до слез. Опять бесплодно посижу, почитаю "Посл. Нов.", от вестей и подлости которых плакать хочется, - и опять погибший день. Все, что ни вспомню о парижской жизни, отравлено тайной, непонятной тоской.

6 Апреля 22 г.

Вечер Куприна. Что-то нелепое, глубоко провинциальное, какой-то дивертисмент, в пользу застрявшего в Кременчуге старого актера. [...] Меня поразила хор, глаз отвык от России; еще раз с ужасом убедился, какая мы Азия, какие монголы! [...]

8 Апреля.

[...] На ночь читал Белого "Петербург".176 Ничтожно, претенциозно и гадко.

9 Апреля 22 г.

Ездил в Сен-Сир и в Версаль [...] мысль переселиться в В[ерсаль] на лето или на весь год. Поехал в окрестности, много прошел пешком. Прелестный день.

Вечером разговор с Карташевым. Он, как и

я, думает, что дело сделано, что Россия будет в иностр[анной] кабале, которая однако уничтожит большевиков и которую потом придется свергать. В тысячный раз дивились, до чего ошалел и оподдел мир. [...]

Кондукторша на трамвае по пути в Версаль: довольно полна, несколько ленивые масляные глаза, два-три верхних зуба видны, чуть прикусывают нижнюю губу. От этого губы всегда влажны, кажутся особ. приятными.

10 Апреля.

В посольстве доклад генерала Лохвицкого, приехавшего из Владивостока. Барская фигура Гирса.

Возвращался – пустые улицы и переулки после дождя блестят, текут, как реки, отражая длинные полосы (золотистые) от огней, среди которых иногда зеленые. Вдали что-то церковное – густо насыпанные белого блеска огни на Place Concorde. Огни в Сене – русск. национал, флаги.

11 Апреля.

Все дождь, дождь, к вечеру теплее, мягче, слаже. Не могу слышать без волнения черных дроздов.

В 5 у Мережковских с Розенталем. Розенталь предложил нам помощь: на год мне, Мережковскому, Куприну и Бальмонту по 1000 фр. в месяц. [...]

19 Апреля.

Все то же – безделье от беспокойства, необеспеченности, мука – куда ехать? Квартира зарезала!

23 Апреля.

Ездили с Верой через Maison Lafitte в С. Жермен. Чудесная погода, зеленеющий лес.

Вечер Шлецера и Шестова.¹⁷⁷ Шлецер, осыпая похвалами Гершензона и В. Иванова, излагал содержание их книжечки "Из двух углов". [...]

6 Мая.

Вечером курьер из М[инистерства] Ин[остранных] Дел-орден и диплом Of[fice] de l'Instr[uction] Pub[lique].

9 мая.

Вечером у Мережковских с Клодом Фарре-ром и его женой, Роджерс. Хвалили меня Фар-реры ужасно. Сам особенно: вскочил, уступая мне свое кресло, усаживал, "cher maitre"...

Большой, седой, волосы серебр., а местами

золотые, голос довольно тонкий, живость, жестикуляция чрезмерная (говорят, кокаинист). [...]

20 Сент./3 Окт. 22 г. Шато Нуарэ, Амбуаз.

[...] В Берлине опять неистовство перед "Художественным Театром". И началось это неистовство еще в прошлом столетии. Вся Россия провалилась с тех пор в тартарары — нам и горюшка мало, мы все те же восторженные кретины, все те же бешеные ценители искусства. А и театр-то, в сущности, с большой дозой пошлости, каким он и всегда был. И опять "На дне" и "Вишневый сад". И никому-то даже и в голову не приходит, что этот "Сад" самое плохое произведение Чехова, олеография, а "На дне" — верх стоеросовой примитивности, произведение семинариста или самоучки, и что вообще играть теперь Горького, если бы даже был и семи пядей во лбу, верх бесстыдства. Ну, актеры уж известная сволочь в полит[ическом] смысле. А как не стыдно публике? "Рулю"?

Поет колокол St. Denis. Какое очарование! Голос давний, древний, а ведь это главное: связующий с прошлым.

И на древние русские похож. Это большое счастье и мудрость пожертвовать драгоценный колокол на ту церковь, близ которой ляжешь навеки. Тебя не будет, а твой колокол, как бы часть твоя, все будет и будет петь – сто, двести, пятьсот лет.

Читаю Блока – какой утомительный, нудный, однообразный вздор, пошлый своей высокопарностью и какой-то кощунственный. [...] Да, таинственность, все какие-то "намекы темные на то, чего не ведает никто" – таинственность жулика или сумасшедшего. Пробивается же через все это мычанье нечто, в конце концов, оч. незамысловатое.

9/22 окт.

[...] В газетах пишут: "От холода и голода в России- паралич воли, вялость, уныние, навязчивые идеи, навязчивый страх умереть с голоду, быть убитым, ограбленным, распад высших чувств, животный эгоизм, мания запасаться, прятать и т. д."

Тот, кто называется "поэт", должен быть чувствуем, как человек редкий по уму, вкусу, стремлениям и т. д. Только в этом случае я могу слушать его интимное, любовное и

проч. На что же мне нужны изливания души дурака, плебея, лакея, даже физически представляющегося мне противным? Вообще раз писатель сделал так, что потерял мое уважение, что я ему не верю – он пропал для меня. И это делают иногда две-три строки. [...]

10/23 окт. 22 г.

День моего рождения. 52. И уже не особенно сильно чувствую ужас этого. Стал привыкать, притупился.

День чудесный. Ходил в парк. Солнечно, с шумом деревьев. Шел вверх, в озарении желто-красной листвы, шумящей под ногой. И как в Глотове – щеглы, их звенящий щебет. Что за очаровательное создание! Нарядное, с красненьким, веселое, легкое, беззаботное. И этот порхающий полет. Падает, сложив крылышки, летит без них и опять распускает. В спальне моей тоже прелестно и по-нашему, по-помещичьи. [...]

28. XI. (11. XII.) 22 г.

У Денисовой, потом обедал у Фондаминских. Опять спор, как отнестись к Блоку, Белому. Мережковские: "Это заблудшие дети". Да, да блудить разрешается, но только влево. Вот

Чехову 20 лет не могли забыть, что он печатался в "Нов. Вр."

Кафедру рус. литературы предлагают мне чехи. Откажусь. [...]

У Фонд[аминских] муж Л. С. Гавронской, Бор[ис] Осип[ович], доктор, только что из России: "жить в России невыносимо, вся Россия острог, вся поголовно больна, кроме главарей..." А в Париже все кричат о том, что большевики "в панике". Всё затем, чтобы сказать: "Всё обойдется и без Врангелей".

1923

1/14 янв. 1923.

Новый год встречали у кн. Пл. Ник. Аргутинского. Нувель, Зилотти. Позднее художн[ик] Пикассо с женой, которая по происжд. русская. 178 Маленький, довольно простонародного склада. [...]

Укус змеи нечто совсем особое, мистически странное, незапамятно древнее.

Летом 23 года мы с Моисеенко ехали в автомобиле из Грасса в Тулон. Моисеенко в какой-то долине остановил машину, чтобы что-то исправить в ней, я перескочил с шоссе че-

рез канаву, лег головой к ней в траву, хотел отдохнуть, покурить, как вдруг услышал, как что-то змеей мелькнуло возле меня и в то же мгновение я, от моего постоянного патологического ужаса к змеям, так дико взбросил ноги в воздух, что дугой перелетел через канаву назад и стал на ноги на шоссе – сделал то, что мог бы сделать лишь какой-нибудь знаменитый акробат или мой древний пращур, тигр, барс.-Мы не подозреваем, какие изумительные силы и способности еще таятся в нас с пещерных времен. [...]

5/75 Авг. 23 г.

Купанье в Восса. Вокзал, олеандры, их розы и голубая синева моря за ними. Три купальщицы, молоденькие девушки. Незабываемое зрелище. Очки цвета йода. [...]

5/18 Авг. 23 г.

После завтрака облака на западе. Скоро понял, что не облака. Говорят, что идет страшный лесной пожар [...] Часа в четыре все ближе докатывающийся до нас мистраль, хлопанье дверей по всему дому. Облака заняли треть неба. Густое гигантское рыжеватое-грязное руно – Апокалипсис! Ночью огонь.

6/19 Авг. 23 г.

Lassus maris et viarum – устав от моря и путей. Гораций. Как хорошо!

При воспоминании вспоминается и чувство, которое было в минуту того, о чем вспоминаешь.

7/20 Авг. 23 г.

Опять купался в Восса. Перед вечером перед домом, по саду спокойный, недвижимый, чуть розоватый свет. И запах гари. Август, август, любимое мое.

Gefuhl ist alles – чувство все. Гете.

Действительность – что такое действительность? Только то, что я чувствую. Остальное – вздор.

Несрочная весна.

Grau, lieber Freund, sind alle Theorien,
Doch ewig grün das goldene Baum des Lebens
Все умозрения, милый друг, серы,
Но вечно зелено золотое Древо Жизни.

Лаоцзы, написавший Тао-те-кин, родился с седыми волосами, старцем. Страшная гениальная легенда!179

"Мысль изреченная есть ложь..." А сколько самой обыкновенной лжи! Человеческий раз-

говор на три четверти всегда ложь, и невольной, и вольной, с большим старанием ввертываемой то туда, то сюда. И все хвастовство, хвастовство.

Ночью с 28 на 29 Авг. (с 9 на 10 Сет.) 23 г.

Проснулся в 4 часа, вышел на балкон – такое божественное великолепие сини неба и крупных звезд, Ориона, Сириуса, что перекрестился на них.

Конец сент. 1923 г., Грасс.

Раннее осеннее альпийское утро, и звонят, зовут к обедне в соседнем горном городке. Горная тишина и свежесть и этот певучий средневековый звон – все то же, что и тысячу, пятьсот лет тому назад, в дни рыцарей, пап, королей, монахов. И меня не было в те дни, хотя вся моя душа полна очарованием их древней жизни и чувством, что это часть и моей собственной давней, прошлой жизни. И меня опять не будет – и очень, очень скоро – а колокол все так же будет звать еще тысячу лет новых, неведомых мне людей.

1924

Понедельник, 3 марта, 24.

Станиславск[ий] и пр. сняли фотографию где-то в гостях вместе с Юсуповым. Немедленно стало известно в Москве. Немирович в ужасе, оправдывается: "Товарищи, это клевета, этого быть не может, я телеграфирую в Америку!" А из Америки в ответ: "Мы не виноваты, вышло случайно, мы страшно взволновались, когда узнали, что попали на один снимок с Юсуповым". О, так их, так! Ум за разум заходит, когда подумаешь, до чего может дойти и до чего может довести "социалистич. правительство"!

1 июня (н. с.) 24 г.

Первые дни по приезде в Mont Fleuri страшно было: до чего все то же, что в прошлом году!

Лежал, читал, потом посмотрел на Эстерель, на его хребты в солнечной дымке... Боже мой, ведь буквально, буквально было все это и при римлянах! Для этого Эстереля и еще тысячу лет ровно ничего, а для меня еще год долой со счета – истинный ужас.

И чувство это еще ужаснее от того, что я так бесконечно счастлив, что Бог дал мне жить среди этой красоты. Кто же знает, не последнее ли это мое лето не только здесь, но и вообще на земле!

1/14. VII. 24.

Цветет гранатов[ое] дерево-тугой бокальчик из красно-розов[ого] воска, откуда кудрявится красная бумажка. Листики мелкие, глянцевитые, темно-зелен [ые]. Цветут белые лилии – стоят на обрыве против моего окна и так и сияют насквозь своей белизной, полные солнечного] света. С неделю назад собрали апельсиновый цвет, флердоранж.

Очень, оч. часто, из года в год, вижу во сне мать, отца, теперь Юлия. И всегда живыми – и никогда ни малейш [его] удивления!

"Уныние, собран[ное], как зрелые плоды"-Верлэн. "Боевые знамена символизма... молодежь признала в В[ерлэне] своего вождя..." И ни одной анафеме не приходит в голову, какие это колоссальные пошлости!

"Генеральск[ий] бунт в Испании"... Ну, конечно, раз генералы, раз правые-бунт! "Остатки демократической] и социалистич [еской]

совести...".

4/17 Авг. 24 г.

У Пилкиных. Вдова Колчака, его сын. Большое впечатление – какие у него темные, грозные глаза!

10/23 Авг.

Когда Марс восходит, он красный. Потом оранжевый.

В 4-ом часу ночи проснулся. Истинно дивное небо! Все точно увешано золотыми цепями, созвездиями. Над горой направо, высоко – совершенно золотой серп месяца, ниже, под ним, грозное великолепие Ориона, а над ним, совсем в высоте, – столяр. Направо, почти над седловиной Наполеона, над горой крупной золотой звездой садится Марс.

Неклюдов.180 Совершенно не слушает собеседника, соверш. не интересуется им!

9 Сент. н. с. 24 г.

[...] Ах, если бы перестать странствовать с квартиры на квартиру! Когда всю жизнь ведешь так, как я, особенно чувствуешь эту жизнь, это земн[ое] существование как временное пребывание на какой-то узловой станции! [...]

11.1X.29.

Завтрак в Antibes у Сорина – с Глазуновым¹⁸¹ и его женой, Тэффи и Тикстоном. Глазунов вполне рамоли, тупой, равнодушный, даже сюртук как на покойнике. "Вернетесь в Россию?" – "Да-а... Там у меня много обязанностей... Относятся ко мне чрезвычайно хорошо..." И даже рассказал, как кто-то очень важный снял с себя и возложил на него цепь с красной звездой. Получает 200 р. пособия большевицкого.

?-X1-29.

Солнечный день, на пути в Cannes – обернулись: чисто, близко, четко видные полулележащие горы несказанно-прекрасного серого цвета, над ними эмалевое небо с белыми картинными облаками. Совершенно панно.

30-XI-29.

Если бы теплая, большая комната, с топящейся голландской печкой! Даже и этого никогда не будет. И уже прошла жизнь. [...]

9 декабря.

[...] Вечером долго разговаривали с Питомцем.¹⁸² Он рассказывал об Острове, об имени дяди, где он проводил лето (в 45 в. от Острова). Он знает помещиков, купцов, крестьян. Ян прочел его "Псковщину" – отдельные заметки, она еще не кончена. Ян сделал несколько замечаний.

12 декабря.

[...] З.Н., видимо, хочет видеть Зурова. [...] вероятно, и любопытно, и уже враждебно настроена. [...] Затем, оказывается, Ходасевич обижен на Яна, что он недоволен его статьей, что он называет его "символистом". Затем еще обижен за то, что Ян пишет о символистах. Затем, оказывается, что Яну платят монархисты. Вот до чего додумываются!

18 декабря.

[...] Гуляли вечером втроем: Ян, Скабарь [Зуров.- О. М.] и я. Говорили о литературе. У Скабаря хороший вкус – из Тургенева "Первая любовь" и природа. Ян сказал, что хороша "Поездка в Полесье", его думы о жизни. Оче-

нил Скабарь и "Семейное счастье" Толстого, о котором редко кто вспоминает. Ян похвалил его за это.

31 декабря.

[...] Он всему радуется, на все обращает внимание, и это утомляет Яна. Ян [...] очень не весел. Томит его мысль о Париже. Денег нет, вечер устраивать трудно, а без него не обойдешься. Но я как-то спокойно на все смотрю, полагаюсь на волю Божью. Он же мучается. [...] От этого и в доме тяжелее стало. Яна все стало раздражать, и смех, и лишние разговоры. [...]

31.X.31.

Без четверти пять, мой любимый час и вид из окна (на закат, туда, к Марселю). Лежал, читал "Письма" Мансфильд, 183 потом закрыл глаза и не то подумал (соверш. неизвестно, почему) о кукованье кукушки, о дали какого-то весеннего вечера, поля, леса, не то услышал это кукованье и тотчас же стал действительно слышать где-то в далекой и глухой глубине души, вспомнил вечер нынешней весной, похожий на русский, когда возвращались с Фондаминскими из С. Валье, вспомнил

его, этот вечер, уже как бесконечно-давний молодой и счастливо-грустный, и все это связалось с какими-то воспоминаньями и чувствами моей действительной молодости... Есть ли вообще голос птицы прелестней, грустней, нежней и юней голоса кукушки!

Третий день хорошая погода. Рука лучше.

1-XI-31.

"La Toussant". Были с Верой на музыке, потом пошли в собор. [...] Видел черепа: St. Honorat'a и St. Yeugoilf'a. В 3 началась служба – под торжественно-звучные звуки органа выход священнослужителей, предшествуемых мальчиками. Потом труба и песнопения – безнадежно-грустные, покорные (мужские голоса) под оч. тугие, кругло-катящиеся, опять-таки очень звучные звуки органа, с его звучным скрежетом и все более откуда-то освобождающимся рычанием, потом присоединение ко всему этому женских голосов, уже грустно-нежными, умиленными: "А все-таки, Господи, Ты единое прибежище!"

От Гали письмо. (Она в Париже.) Завтра "Jour des Morts" или "Les Morts".

3-XII-31.

Четыре с половиной. [...] Вошел в кабинет, уже почти темный. Удивительная огненная красота облачного заката над морем – особенно сквозь черный (как бы железный) узор черно-зеленого шара мандарина. Над той горой, за которой С. Рафаэль, желто-палевое. Эстерель уже стал синим туманом. Маленькое поле плоского зелено-сиреневого слабо видимого моря. В нашей долине и в городе все в темной синеве, в которой зажигаются огни. Когда зажег огонь у себя, облака над городом сделались цвета подсохших лиловых чернил (оч. мягкого). потушил огонь – лиловое превратилось в фиолетовое.

Чувство ясности, молодости, восприимчивости, дай Бог не сглазить.

10. III. 32. Grasse.

Темный вечер, ходили с Галей по городу, говорили об ужасах жизни. И вдруг – подвал пекарни, там топится печь, пекут хлебы – и такая сладость жизни.

Понед., 3. X. 32.

В городе ярмарка St. Michel, слышно, как режут коровы. И вдруг страшное чувство России, тоже ярмарка, рев, народ – и такая безвыходность жизни! Отчего чувствовал это с такой особ. силой в России? Ни на что непохожая страна.

Потом представилось ни с того, ни с сего: в Париж приехал англичанин, разумный, деловой, оч. будничный человек. Отель, номер, умылся, переоделся, вышел, пошел завтракать. Во всем что такое, что сам не узнает себя – чувство молодости, беспричинного счастья... Напился так восхитительно, что, выйдя из ресторана, стал бить всех встречных... Везли в полицию соверш. окровавл [енного].

18. X. 32.

Лежал в саду на скамье на коленях у Г.,

смотрел на вершину дерева в небе чувство восторга жизни. Написать бы про наш сад, что в нем. Ящерицы на ограде, кура на уступе верхнего сада...

1933

8. VI. 33.

7 1/2 вечера, подъезжаю к Марселю. Горы голые, мелового цвета, ужасные предместья. Мост, под ним улица, трамвай... Рабочие улицы, ужас существования в них. Всякие депо, шлак... Еще жарко, сухо. Зажженные алым глянцем стекла в домах на горе. Вдали Notre Dame de la Garde... К какому-нибудь рассказу: больной подъезжает к большому городу.

10. VII. 33.

Бальмонт прислал мне сонет, в котором сравнивает себя и меня с львом и тигром.

ДВА ПОЭТА

Ив. Бунину

Мы – тигр и лев, мы – два царя земные.

Кто лев, кто тигр, не знаю, право, я.

В обоих – блеск и роскошь бытия,

И наш наряд – узоры расписные.

Мы оба пред врагом не склоним выи,

И в нас не кровь, а пламенной струя.
Пусть в лвиной гриве молвь,- вся власть
моя,

В прыжке тигрином метче когти злые.
Не тигр и лев. Любой то лев, то тигр.
Но розны, от начала дней доныне,
Державы наши, царские пустыни.
И лучше, чем весь блеск звериных игр,
Что оба слышим зов мы благостыни,
Призыв Звезды Единой в бездне синей.
Кламар, 1933, 5 июня К. Бальмонт.]

Я написал в ответ:

Милый! Пусть мы только псы
Все равно: как много шавок,
У которых только навыв
Заменяет все красы.

21. VII. 33.

Вечер, шел через сад Montfleury, чувствовал снова молодость и великое одиночество. [...]

В молодости неприятности надолго не держались у меня в душе – она их защищаясь, выбрасывала.

Почти все сверстники были грз. [гораздо] взрослей меня. Vita scribi ne quit.

30. VII. 33. Grasse.

Проснулся в 41/2. Довольно сумрачно – рас- свет совсем как сумерки. В синеватых тучках небо над Эстерел[ем], над Антибск[им] мысом по тучкам красноватое, но солнца еще нет.

Вечером гроза. Лежал, читал – за окнами содрогающееся, голубое, яркое, мгновенное.

Ночью во мне пела "Лунная Соната". И по- думать только, что Бог все это самое прекрас- ное в мире и в человеческой душе (пропуск.- О. М.) с любовью к женщине, а что такое жен- щина в действительности?

17. XI. 33. Воскресенье.

Видел во сне Аню с таинственностью гото- вящейся близости.¹⁸⁴ Все вспоминаю, как бы- вал у нее в Одессе – и такая жалость, что... А теперь навеки непоправимо. И она уже ста- рая женщина, и я уже не тот.

Уехал Роцин.¹⁸⁵ Тихий сероватый день. И все напеваается внутри "Яблочко" истинно ро- ковая песня России. Какая в ней безнадежная тоска, гибельность!

Coitus – восторг чего? Самозарождения? На- пряжения жизни? Убийства смерти?

За последнее время опять – в который

раз! – перечитал "Анну К[аренину]" и "Войну и м[ир]". Нынче кончил почти четвертый том – осталась посл. часть "Эпилога". Про Наполеона неотразимо. Испытал просто ужас, и до сих пор обожествлен!

18. IX. 33. Понедельник.

Удивительно прекрасный день. Был в Cannes [...] Сидел на скамеечке перед портом, ел виноград. Был у Карташевых [...] Опять он поразил меня талантливостью. [...]

Читаю "М[ертвые] Души". Нельзя читать серьезно- оч[ень] талантл[ивый] шарж и только. А чего только не наплели! "Гениальн. изображение пошлости..." И чего только сам не вообразил! "Горьким словом моим посмеюся..." России почти не видал, от этого местами нелепое соедин[ение] Малороссии и Велико-россии.

Умер Осип Серг. Цетлин. И осталось Монте Карло, вечная праздничная синь моря.

1. X. 33

Вчера именины Веры. Отпраздновали тем, что Галя купила кусок колбасы. Недурно на-жился я за всю жизнь! [...]

Проснулся оч. рано, мучась определением

почерка подписи под какой-то открыткой ко мне: Сталин.

Прочел 2/3 "Воскресения" (вероятно, в десятый раз). Никогда так не ценил его достоинства (просто сверхъестественные в общем, несмотря на множество каких-то ожесточенных парадоксов, что ли). Известие в письме из Москвы о смерти Насти.186 Оказывается, умерла уже "года три тому назад". Какой маленький круг от начала до конца человеческой жизни! Как я помню, как я гимназистом ехал с ней, держа венч[альную] иконку, в карете в Знаменское! В жизни то и дело изумление, недоумение, а выражать это – наивность!

12. X. 33.

Прекрасный день, но ничего не мог писать. Кажется, серые, прохл., вернее, совсем свежие дни лучше для меня (для работы). Только теперь.

Проснулся часов в 5- уже не первый раз за последн. «время» под пение петухов.

Думал: что тут главное? Кажется, что очень горловое, ни чуточки груди. И напряженное. И еще думал: как хорошо так жить – живу с природой, с петухами, с чистым возду-

хом горным (сплю все еще внизу, отворяя дверь в столовую, где открываю балконную дверь).

13. X. 33.

Ездил в Cannes. Хороший день, что-то пододесское осеннее. Море похоже на Черное. Купание кончилось. Пляж пустой и стал маленький, главное – маленький.

15. X. 33.

По утрам, проснувшись, слышу, как лают собаки на соседней дачке уже совсем новым, зимним лаем: за этим лаем зима (южная), глушь, свежесть (та, что у нас в октябре).

20. X. 9 ч. утра.

16-го послал avion Полонскому в Холливуд. 18-го еще.

Нынче проснулся в 61/2. Лежал до 8, немного задремал. Сумрачно, тихо, испещрено чуть-чуть дождем возле дома.

Вчера и нынче невольное думанье и стремление не думать. Все-таки ожидание, иногда чувство несмелой надежды – и тотчас удивление: нет, этого не м. б.! Главное – предвкушение обиды, горечи. И правда непонятно! За всю жизнь ни одного события, успеха

(а сколько у других, у какого-нибудь Шалапина, напр!) Только один раз – Академия. И как неожиданно! А их ждешь...

Да будет воля Божия – вот что надо твердить. И, подтянувшись, жить, работать, смириться мужественно.

〈10. XII. 1933〉

В день получения prix Nobel.

Был готов к выезду в 41/2. Заехали в Гранд-отель за прочими лауреатами. Толпа едущих и идущих на улице. Очень большое здание – "концертное". Лауреатов провели отдельным входом. Все три молодые. ... который должен был произнести обо мне речь (Секр. академии?).

В зале фанфары – входит король с семьей и придворные. Выходим на эстраду король стоит, весь зал стоит.

Эстрада, кафедра. Для нас 4 стула с высокими спинками. Эстрада огромная, украшена мелкими бегониями, шведскими флагами (только шведскими, благодаря мне) и в глубине и по сторонам. Сели. Первые два ряда золоченые вышитые кресла и стулья – король в центре. Двор и родные короля. Король во фра-

ке (?). Ордена, ленты, звезды, светлые туалеты дам – король не любит черного цвета, при дворе не носят темного. За королем и Двором, которые в первом ряду, во втором дипломаты. В следующем семья Нобель, Олейниковы. В четвертом ряду Вера, Галя, старушка-мать физика-лауреата. Первым говорил С. об Альфреде Нобеле.

Затем опять тишина, опять все встают, и я иду к королю. Шел я медленно. Спускаюсь по лестнице, подхожу к королю, который меня поражает в этот момент своим ростом. Он протягивает мне картон и футляр, где лежит медаль, затем пожимает мне руку и говорит несколько слов. Вспыхивает магний, нас снимают. Я отвечаю ему.

Аплодисменты прерывают наш разговор. Я делаю поклон и поднимаюсь снова на эстраду, где все продолжают стоять. Бросаются в глаза огромные вазы, высоко стоящие с огромными букетами белых цветов где-то очень высоко. Затем начинаются поздравления. Король уходит, и мы все в том же порядке уходим с эстрады в артистическую, где уже нас ждут друзья, знакомые, журналисты. Я не

успеваю даже взглянуть на то, что у меня в руках. Кто-то выхватывает у меня папку и медаль и говорит, что это нужно где-то выставить. Затем мы уезжаем, еду я с этой милой старушкой-матерью. Она большая поклонница русской литературы, читала в подлиннике наших лучших писателей. Нас везут в Гранд-отель, откуда мы перейдем на банкет, даваемый Нобелевским Комитетом, на котором будет присутствовать кронпринц, многие принцы и принцессы, и перед которым нас и наших близких будут представлять королевской семье, и на котором каждый лауреат должен будет произнести речь.

Мой диплом отличался от других. Во-первых тем, что папка была не синяя, а светло-коричневая, а во-вторых, что в ней в красках написаны в русском билибинском стиле две картины,- особое внимание со стороны Нобелевского Комитета. Никогда, никому этого еще не делалось.

«Б. Д.»

Летом в Грассе со мной случился у калитки "Бельведера" совершенно неожиданный внезапный обморок (первый раз в жизни): ездил с Зайцевым¹⁸⁷ к художнику Стеллецкому, очень устал за день, ничего не ел с утра до вечера и вот, возвратясь в Грасс из Канн в автокаре и поднявшись на гору к этой калитке, вдруг исчез, совершенно не заметив этого,- исчез весь в мгновение ока – меня вдруг не стало – настолько вдруг и молниеносно, что я даже не поймал этой секунды. Потом так же вдруг увидел и понял, что лежу в кабинете на диване, грудь облита водой, которую мне бесчувственному давали пить... Внезапная смерть, вероятно, то же самое.

1935

8. III. 35. Grasse.

Уже пятый час, а все непрерывно идет мягкий снег – почти с утра. Бело сереющее небо (впрочем, не похоже на небо) и плавно, плавно – до головокружения, если смотреть пристально – текущая вниз белизна белых мух, хлопьев.

План ехать нам всем трем в Париж.

Разговор с Г. Я ей: "Наша душевная близость кончена". И ухом не повела.

6. VII. 35. Grasse.

Бетховен говорил, что достиг мастерства тогда, когда перестал вкладывать в сонату содержание десяти сонат.

Вчера были в Ницце – я, Роцин, Марга и Г. Мы с Р. съездили еще в М. Карло. Жара, поразит, прекрасно.

Без конца длится страшно тяжелое для меня время.

15. VIII. 35. Grasse.

Вчера Cannes, купанье в новой купальне, все англичане, тучи, ветер. В кафе встретил их. Выпил 2 рюмки коньяку. В Грассе купил

Тавель и еще 1/4 коньяку. За обедом 1/2 б. вина, хлебнул еще коньяку, после обеда был очень говорлив, но не чувствовал себя во хмелю, лег полежать- и заснул. Проспал одетый до 4 утра, пил кофе и опять заснул до 10. Состояние странное, гибельное, но спокойное.

Так вот и умру когда-н.- заснув,- делаю над собой нечто непостижимое.

Успенье – весь день этот грасский звон колоколов – как на Пасху. [...]

Вчера был у Веры Маан (доктор). Ужасные мысли о ней. Если буду жив, вдруг могу остаться совсем один в мире.

Позавчера, в лунную ночь, М. устроила в саду скандал В.

У нас уже дней 5 Каллаш.

Любить значит верить.

22. IV. 36. Grasse.

Был в Cannes, взял билет в Париж на пятницу (нынче среда), в 10 ч. 37 утра (поезд Пульман). Шел по набережн., вдруг остановился: "Да к чему же вся эта непрерывная, двух-летняя мука? все равно ничему не поможешь! К черту, распрямись, забудь и не думай!" А как не думать? "Счастья, здоровья, много лет прожить и меня любить!" Все боль, нежность. Особенно когда слушаешь радио, что-нибудь прекрасное. [...]

23. IV. 36.

Заснул вчера около двух часов ночи, нынче проснулся около 8. Живу не по годам. Надо опомниться. Иначе год, два- и старость.

Первый день хорошая погода.

Когда-то в этот день- 10 апр. 1907 г. уехал с В. в Палестину, соединил с нею свою жизнь.

26. IV. 36. Париж.

Приехал позавчера (в пятницу) в половине одиннадцатого. Тотчас наделал глупостей: тотчас поехал на вечер Бальмонта. Но вечер уже кончился – с rue Las-Cases помчался в safe

Murat, потом в Les Fontaines, 2 больших рюмки мару, ужасная ночь.

Вчера серо, яркая молодая зелень и свинцовый тон неба – мрачное впечатление.

Вечером дома. Потом Rotond de la'Muette, Цетлины, Алданов188 и Керенский со своей австралийкой (не первой молодости, в хороших мехах, еврейка, кажется).

Нынче дождь. Безднадежная тоска, грусть. Верно, пора сдаваться.

Выборы. Блюм.189

8. V. 36. Grasse.

Вернулся из Парижа позавчера.

В Польше читать мне не разрешили: "Просили писатели других держав", очевидно, русские, советские,- "мы не разрешили, так что разрешить Бунину было бы не куртуазно".

О чувстве божественного – ночь, звезды, ходил в саду.

9. V. 36. Grasse.

Весь день дождь. Убираю вещи – м. б., из Грасса, благодаря Блюму, придется бежать.

Дай Б. не сглазить – эти дни спокойнее. М. б., потому, что в Париже принимал 2 недели Rankrinol-Elixir.

Она в Берлине.

Чудовищно провел 2 года! И разорился от этой страшной и гадкой жизни.

Радио, джазы, фокстроты. Оч. мучит. Вспоминаю то ужасное время в J. les-Pins, балы в Париже,- как она шла под них. Под радио все хочется простить.

10. V. 36.

Заснул в 3, проснулся в 8. Дождь.

Да, что я наделал за эти 2 года. [...] агенты, которые вечно будут получать с меня проценты, отдача Собрания Сочин. бесплатно – был вполне сумасшедший. С денег ни копейки доходу... И впереди старость, выход в тираж. [...]

7. VI. 36. Grasse.

Главное – тяжкое чувство обиды, подлого оскорбления-и собственного постыдного поведения. Собственно, уже два года болен душевно,-душевнобольной. [...]

Вчера Блюм начал свое правление. Забастовки, захваты заводов. [...]

14. VI. 36. Grasse.

[...] Был в Ницце-"День рус. культуру". Постыдное убожество. Когда уезжал (поехал на Cannes), за казино (в Ницце) огромная толпа...

Все честь честью, как у нас когда-то – плакаты, красные флаги, митинги.

В Grasse тоже "праздник". Над нашим "Бельведером", на городской площадке, тоже толпа, мальчишки, бляди, молодые хулиганы, "Марсельеза", и "Интернационал", на бархатных красных флагах (один из которых держали мальчик и девочка лет по 6, по 7) – серп и молот. [...]

Надо серьезно думать бежать отсюда. [...]

Видел в Ницце Зайцевых.190 [...] – грустные, подавленные тем, что происходит в Париже.

Душевно чувствую себя особенно тяжело. Все одно к одному!

1. VII. 36. Grasse.

Все занят "Освобождением Толстого".

Ночь с 7 на 8. VII.

Изумительные белые облака над садом и из-за гор. Луна в озере барашков.

16. VIII. 36.

Иногда страшно ясно сознание: до чего я пал! Чуть ни каждый шаг был глупостью, унижением! И все время полное безделье, безволие – чудовищно бездарное существова-

ние!

Опомниться, опомниться!

1 XII. Париж.

Светлая погода. И опять – решение жить здоровее, достойнее. [...]

1937

19. VIII. 37. Венеция.

Вчера приехал сюда в 5 ч. вечера с Rome Express. Еду в Югославию. Остановился в Hotel Britannia.

Нынче был на Лидо. Огромно, гадко, скучно. Обедал у Бауэра.

Лунная ночь, 9 часов – всюду музыкально бьют часы на башнях. [...]

«Б. Д.» "Труднее этого заработка – чтениями – кажется, ничего нет.

Вагоны, отели, встречи, банкеты – и чтения – актерская игра, среди кулис, уходящих к чертовой матери вверх, откуда несет холодным сквозняком. [...]

После чтения был банкет. Множество речей, – искренно восторженных и необыкновенных по неумеренности похвал: кажется, вполне убежден, что я по крайней мере Шекспир..."]

5. XI. 38. Beausoleil.

Лун. ночь. Великолепие неб. [есной] синевы, объемлющей своей куполообразностью, глубиной и высотой все – горы, море, город внизу. И таинств., темно мерцающая над самой Собачьей Горой звезда (вправо от нас).

Лихорадочный взгляд...

1939

17. VII. 39.

Вчера с Маркюсами, Верой и Лялей осмотр виллы и Cannet-La Palmeraie. Нынче еду с Г. и М. в Juan-les-Pins посмотреть другие виллы.

21 июля записал на клочке ночью: "Еще летают лючиоли". [...]

1940

1940 г. Villa Jeannette, Grasse, a- m.
1. III.

Вчера ездил в Ниццу. Как всегда, грусть – солнце, море, множество как бы праздничного народа – и ни души знакомой, нужной.

Не застал Цакни, 191 оставил ему записку, что буду в понед. в 2 1/2 ч. [...]

Нынче послал открытку-avion Гребенцову, 192 чтобы написал в америк. газетах о писательской нужде в эмиграции. [...]

Погода как будто на весну, но все холодный ветер. Финнам плохо.

6.III.40

[...] Нынче холодно, с утра было серо, туман, крупа, шел с полчаса снег. А вчера, гуляя с Верой ночью по саду, услышал первую лягушку – думал, начинается, значит, весна.

Прочел книжечку (изд. Суворина) гр. Соллогуба – Аптекарьша, Метель, Неоконченные повести. Довольно ловко все, но ненужно. Герои и героини, как всегда писали прежде, умирают от несч. любви.

Хорошо для рассказа, донской казак Харулин.

Хорошо бы написать рассказ, действие которого в Бахчисарае. Татарин Осламбей. Татары говорят: "тютюн ичмен!" т. е. надо "попить дыму" (покурить). Еще: "шишлык" (а не шашлык; шиш по-татарски вертел, палочка). Хорош Бахчисарай.

Овцы Божья стада.

Темно-желтая бабочка в черных узорах на крыльях. Задние крылья – с длинными черными косицами. (Все это нынче ночью почему-то приходило в голову.) [...]

11.III.40.

[...] Все еще оч. холодно-всю зиму мучение-одна из причин, почему только лежу и

читаю.

Переговоры о мире Сталина и финнов.
Ужас! (...]

Читаю "Отеч. Зап." за 84-й год. Там стихи Мережковского, столь опытные, что, верно, было ему тогда не меньше 20 лет, и стихи Надсона: "Горячо наше солнце безоблачным днем" – одни из немногих, которые мне нравились когда-то семнадцатилетнему – и теперь до чего-то чудесного воскресили всего меня той поры. Называется "В глуши". Вижу и чувствую эту "глушь" соверш. так же, как тогда – в той же картине (и теперь такой же поэтической, несмотря на то, что это Надсон). [...]

14.III.40.

Вчера страшная весть – финны сдались – согласились на тяжкий и позорный мир. Даже ночью, сквозь сон, все мучился, что-то во сне думал, выдумывал.

Первый почти летний день. Ночью туман, слышны были лягушки.

Позавчера обварил себе правую руку кипятком. Горит, вспухла. [...]

Кончил перечитывание двух рассказов Тургенева. Мастерство изумительное, но в об-

цем читал равнодушно – исключение некот. страницы. Кое-что (почти все, вернее) читал как новое – так забывается Тургенев. Одно "Полесье" почти все по-настоящему прекрасно. Почти во всех рассказах, – да, кажется, даже во всех, редкое богатство совершенно своих, удивительных по меткости определений чувств и мыслей, лиц и предметов.

17. III. 40.

[...] Перечитал "Что такое искусство"-Толст[ого]. Скучно, – кроме нескольких страниц, – неубедительно. Давно не читал, думал, что лучше. Привел сотни определений того, что такое красота и что такое искусство, – сколько прочел, какой труд проделал! – все эти определения, действительно, гроша настоящего не стоят, но сам не сказал ничего путного.

29. III. 40.

Лежу, читаю, порой смотрю в солнечн. окна и думаю, – о том своем я, которое живет и сознает себя уже лет 60- и это я думает, что лет через 5, много 10, его не будет. И не будет оно ничего видеть и думать. Странно!

30. III. 40. Суббота.

Приехал из Ниццы Цакни. Почти весь день очень светлый, но холодный. Ужасная весна. Неск. дней тому назад дня два лил ледяной дождь. [...]

Стал присаживаться к письм. столу.

В Париж я уехал 29 янв., вернулся в Grasse в субботу 16-го февраля.

За последние дни просмотрел за год "Отеч. Записки" (1883 г.) [...] Гаршин, если бы не погиб, стал бы замечательным писателем.

1.IV.40.

Цакни ночевал 2 ночи, уехал нынче утром, когда я еще спал.

Все еще холодно, но так же светло.

Нынче послал в Париж заказным declaration своих доходов (которых нет надо выдумывать, чтобы не подумали, что вру. И показал 14000).

Прочел роман Ясинского 193 "Старый друг". Скучно. Женщина, как всегда у него, написана не плохо.

3. IV. 40.

На вид из окон дни все светоносное,- кажется, что уже лето. Но еще прохладно.

Вчера Марга пела у маркизы. Человек 30

народу. [...] Мы туда и назад с англичанкой Херст из имения возле Маганьоска. На обратн. пути Оля¹⁹⁴ пела и кричала всю дорогу, не умолкая. Я вел себя глупо – рюмка виски и три джину в баре у маркизы. [...] Нельзя пить. [...]

Переписываю дневниковые клочки предыдущих лет. Многое рву и жгу. [...]

4.1 V.40.

[...] Купил 2 рубашки и белый картуз в Old England. Давно знакомый приказчик уже совсем не тот, что когда-то – потолстел, слегка поседел. На глазах меняются, гибнут люди. А Лантельмы! Марсель толстый мужчина, а давно ли был мальчиком! Старик же прямо страшен, ногти, пальцы уже совсем гробовые. Весь как во сне, но когда садится за кассу, видно, что счастлив получать и сдавать сдачу. Думает ли, что вот-вот отвезут его страшный труп на кладбище в St. Jacques?

5.IV.40.

Ночью мистраль. Есть и днем. За Эстерелем (да и Э.) горы бархатно-синие. Расчистил воздух.

Думаю, что "Фальш. Купон" возник, м. б., у

Толстого в связи с когда-то прочтенным им рассказом Даля "Серенькая" (так назывались бумажки в 50 рубл.). [...]

Отец говорил вместо Белинский – Бельинский. Прочитал на днях у Тургенева, что многие так называли Белинского при его жизни – пустили слух, что он "полячишка".

Прежде часто писали: "возразил". Герои прежних романов не сразу понимали, что они влюблены. "И вдруг с восторгом, с ужасом сказал себе: я люблю ее!"

6. IV. (Суббота). 1940.

[...] Проснулся в 81/2. Погода все та же и тот же холодноватый ветер среди солнечн. тепла, все увеличивающегося. Скоро зазеленеют деревья – уже как будто что-то начинается – смотрел из окна в сторону Марсея – у нас в саду уже зазеленел молодой каштан. Будет удивит, прекрасно. Короткая, несказ[анно] прекрасная пора первой зелени.

Вспомнил, как я всю жизнь одинаково представлял себе год:

ДЕК.

НОЯБ.

ОКТ.

СЕНТ. ЯНВ.

АВГ. МАЙ АПР. ФЕВР.

ИЮЛЬ ИЮНЬ МАРТ

Понед., 8. IV. 40.

А. К. Толстой писал жене (в 55 г.): "Сипягин-хороший, добрый, благородный малый, который обожает свою роту и чрезвычайно ею любим..." Этот Сипягин крестил меня. Был тогда уже генералом.

10. IV. 40.

Позавчера проснулся в 9, чувствуя (как всегда чувствую с паучиной чуткостью) близкое изменение погоды: после полудня день замутился, пошли облака над горами к Ницце и к вечеру пошел дождь. Вчера в газетах хвостовство – союзники "в один час!" положили мины вдоль берегов Норвегии. С утра шел дождь. После завтрака – нынче – открыл радио – ошеломляющая весть: немцы захватили Данию и ворвались в Норвегию – вот тебе и мины! [...]

12. IV. 40.

Неожиданная новость: письмо Серова и Зурова – у Зурова туберкулез. [...] Вера сперва залилась розовым огнем и заплакала, потом

успокоилась,- верно оттого, что я согласился на ее поездку в Париж и что теперь З. не возьмут в солдаты. Ходил с ней в город, она подавала просьбу о пропуске в П. Едет, вероятно, во вторник. А мне опять вынимать тысячу, полторы! Мало того, что у меня почему-то на шее Л[яля] с девочкой и М[арга] и Г[алина]!

Особых вестей из Норвегии нынче нет. Боюсь, что опять дело замрет.

Продолжаю просматривать "От. Записки" за 82 г. [...] – все это читал тысячу лет тому назад в Озерках, 15, 16 лет, с Юлием – все забыл, а оказалось, что помню кое-что чуть не наизусть.

Дремучие снежн. сумерки, Цвилленевская усадьба, где жил Евгений, эта девка (уже не помню ее имени)...

Весна, а все еще холодно, еще топим. Пересматриваю опять письма и дневники А. К. Толстого. Соверш. очароват. человек! Начал "Головлевых" – не плохо, но мне скучно, ненужно.

Переписываю с клочков дневниковые заметки. Много рву. А зачем кое-что оставляю и переписываю – неизвестно.

13.IV.40.

Серо, холодно, деревцо за окном на Ниццу все зазеленело ярко-светлой зеленью и все дрожит под ветром. [...]

14-15-16. IV. 40.

Немцы заперты новыми минами, потеряли 1/3 флота, отдали Нарвик – разгром!

17. IV. 40.

Вчера уехала Вера. Отвез ее в Cannes в такси. [...]

Часов в 10 вечера ходил с М. и Г. запирать часовню. Лунная ночь, дивился, среди чего приходится жить – эти ночи, кипарисы, чейто английский дом, горы, долина, море... А когда-то Озерки!

Прошелся: из-за вершин пиний выглядывает, перемещается, блещет огромная Венера (не высоко над горой, на северо-западе) – ярко-блестящая, неподвижная, стеклянно-золотая, совсем как те, что рисуют на мундирах. [...]

Ужасная была беллетристика в "Отеч. Зап." и т. п. журналах. [...]

17.IV.40.

[...] Вот, кажется, теперь уже несомненно:

никогда мне не быть, напр., на Таити, в Гималаях, никогда не видеть японских роцц и храмов и никогда не увидеть вновь Нила, Фив, Карпана, его руин, пальм, буйвола в грязи, затянутого илом пруда... Никогда! Все это будет существовать во веки веков, а для меня все это кончено навсегда. Непостижимо.

Пятница 18. IV. 40.

Вчера весь день просидел в доме, вышел всего минут на десять вечером.

Нынче то же - вышел в 10, ходил по саду 35 м. Луна высоко (как и предыдущ. месяцы), кучевые белые облака... Как страшно-одиоко живу! И как дико – 3 бабы на плечах! [...]

Вчера ночью шум жаб уже несметных. Теплеет.

Кончил "Господ Головлевых". Умный, талантливый, сильный, знающий, но литератор. [...]

Что вышло из Г.! Какая тупость, какое бездушие, какая бессм. жизнь!

Вдруг вспомнилось – "бал писателей" в январе 27 года, приревновала к Одо-евц[евой].195 Как была трогательна, детски прелестна! Возвращались на рассвете, ушла в

бальных башмачках одна в свой отельчик...

20. IV. 40.

Проснулся в 9, зачитался до 121/2 "Le Reve" Зола.196 [...] Ходил с Олечкой смотреть в бассейне лягушку – не оказалось. [...]

Вчера ночью открыл окно в ванной комнате – широкое – на площадке под ним лунный свет как бы меловой.

21. IV. 40.

Прекрасный, уже совсем теплый день. Дубы возле chaumière уже сплошь в бледно-зеленых мушках. Все меняется с каждым днем. Уже распускается листва на безобразн. кулаках 2 деревьев на площадке. Цветет сирень, глицинии... (Ялта, Пасха...).

Письмо от Веры.

21/2 ч. Ходил по саду – заросла уже высокой травой вторая (от нижней дороги) площадка. Все еще цветет бледно-розовыми, легкими, нежными, оч. женств. цветами какого-то особого сорта вишня, цветут 2 корявых яблонки белыми (в бутонах тоже розоватыми) цветами. Ирисы цветут, нашел ветку шиповника цветущую (легкий алый цвет с желтой пыльцой в середине), какие-то цветы,

вроде мака – легчайшие, но яркого оранжево-го цвета... Сидел на плетеном разрушающемся кресле, смотрел на легкие и смутные как дым горы за Ниццей... Райский край! И уже сколько лет я его вижу, чувствую! Одиноко, неудобно, но переселиться под Париж... ничтожество природы, мерзкий климат!

Как всегда почти, точно один во всем доме.
[...]

Светлый день, праздник, в море как будто пустее – и звонят, звонят в городе... Не умею выразить, что за всем этим.

Множество мотыльков вьется вокруг цвета сирени – белых с зеленоватым оттенком, прозрачных. И опять пчелы, шмели, мухи нарождаются...

Кончил перечитывать 12-й т. Тургенева (изд. Маркса) – "Лит. и жит. восп.", "Критич. речи и статьи" и т. д. Соверш. замечат. человек и писатель. Особенно "Казнь Тропмана", "Человек в серых очках", неск. слов о наружности Пушкина, Лерм[онтова], Кольцова.

Этот апрельск. расцвет деревьев, трав, цветов, вообще эти первые весенние дни – более тонко-прекрасного, чистого, праздничного

нет в мире.

Во многих смыслах я все-таки могу сказать, как Фауст о себе: "И псу не жить, как я живу". [...]

Вчера день рожд. Гитлера. Нынче радио: Муссол [ини] в поздравит, телеграмме желает ему "победоносно выйти из той героич. борьбы, которую ведет он и германский народ". И несчастный итальянок, король тоже поздравляет "горячо" – вынуждены к соучастию в дружбе. [...]

27.IV.40.

Был в Ницце – ни Цакни, ни Михайлова (а Вера писала, что он выезжает в пятн.) [...] Дождь. Возвращался через Cannes. Встретил там Г. [...] Вести из Норвегии не радуют.

28. IV. 40. Светлое Воскресенье.

Завтракали у Самойлова. Взял туда такси, уехал через час. Дорогой дождь, пыльно-дымные тучи с хоботами. Потом все потонуло в дожде и тумане. Обедал у Маркюс.

Наш бедный пасх. стол.

Был поэт Аполлон Коринфский. Точно плохим писателем в насмешку выдуманно.

30. IV. 40. Вторник.

Серо, холодно, дождь.

И так всегда: спрячешь зонт, калоши – на другой день дождь. Прячу, верно, потому, что перед переменной погоды внутренне волнуюсь и от этого, напр., начинаю уборку. Вчера очистил от замазки окна, содрал с их пазов войлочные ленты – и вот нынче холод и ветер, так сильно дующий в эти пазы, что вечером ходит занавес, который отделяет от моей спальни ее "фонарь" из пяти окон и на ночь задергивается.

Сейчас вспомнил почему-то Майнц (соединенный с Висбаденом, где мы жили с Мережковскими в отеле на Neroberg).- Почему? – непостижима эта жизнь воспоминаний, это "почему-то", "ни с того, ни с сего"! Поехали туда с Верой на трамвае, ходили по городу, заходили в церкви. [...] Потом вдруг вспомнил церковь на rue Daug, гроб дочери Н.В. Чайковского... До сих пор пронзает сердце, как он, со своей белой бородой, в старенькой визитке, плакал, молился на коленях. [...]

Ночь, темная полоса леса вдали и над ним звезда – смиренная, прелестная. Это где-то, когда-то на всю жизнь поразило в детстве... Бо-

же мой, Боже мой! Было и у меня когда-то детство, первые дни моей жизни на земле! Просто не верится! Теперь только мысль, что они были. И вот идут уже последние. [...]

Убежден, что Г[оголь] никогда не жег "М[ертвых] Д[уш]".

Не знаю, кого больше ненавижу, как человека – Гоголя или Достоевского.

2. V. 40. Четверг. Вознесение (католическое).

[...] Вчера должен был уехать в санаторию Зуров.

4 часа. Был в полиции, заказал *sauf conduit* в Париж. Все еще колеблюсь, ехать ли. Но предполагаю выехать 6-го или 7-го.

Нашел клочок из моих писем: [...] "16-X-26. Вчера Рахманинов прислал за нами свой удивительный автомобиль, мы обедали у него, и он, между прочим, рассказал об известном музыканте Танееве¹⁹⁷: был в Москве концерт Дебюсси, и вот, в антракте, один музыкальный критик, по профессии учитель географии, спрашивает его: "Ну, что скажете?" Танеев отвечает, что ему не нравится. И критик ласково треплет его по плечу и говорит: "Ну,

что ж, дорогой мой, вы этого просто не понимаете, не можете понять". А Танеев в ответ ему еще ласковее: "Да, да, я не знал до сих пор, что для понимания музыки не нужно быть 30 лет музыкантом, а нужно быть учителем географии".

3. V. 40.

Был в Cannes, к Куку за билетом в Париж. [...]

Из Норвегии всю посл. неделю вести почти ужасные. Тяжело читать газеты. [...]

7. V. 40.

Собираюсь, завтра еду в Париж в 6 ч. 24 м. вечера. Как всегда, тревожно, грустно. Жаль покидать дом, комнату, сад. Вчера и нынче совсем лето. Сейчас 5, над Ниццей тучи, гремел гром.

"Жизнь Арс." ("Истоки дней") вся написана в Грассе. Начал 22.VI.27. Кончил 17/30.VII.29. "Первая книга" кончена 21.IX.27. Вторая начата 27.IX.27, кончена в февр. 28 г. Третья начата 14.VI.28, кончена 17/30.IX.28. Четвертая – начата ?, кончена, как записано выше, 17/30.VII.29.

Вчера взял из сейфа 10 000 фр.

"Человек и его тело-двое... Когда тело желает чего-нибудь, подумай, правда ли Ты желаешь этого. Ибо Ты – Бог... Проникни в себя, чтобы найти в себе Бога... Не принимай своего тела за себя... Не поддавайся беспрестанной тревоге о мелочах, в которой многие проводят большую часть своего времени..."

"Один из тех, которым нет покоя.

От жажды счастья..."

Кажется, похоже на меня, на всю мою жизнь (даже и доныне). [...]

Перечитал свои рассказы для новой книги. 198 Лучше всего "Поздний час", потом, м. б., "Степа", "Баллада".

Как-то мне,- как бывает у меня чаще всего ни с того, ни с сего, представилось: вечер после грозы и ливня на дороге к ст. Баборыкиной. И небо и земля – все уже угрюмо темнеет. Вдали над темной полосой леса еще вспыхивает. Кто-то на крыльце постоянного двора возле шоссе стоит, очищая с голенищ кнутовищем грязь. Возле него собака... Отсюда и вышла "Степа".

"Поздний час" написан после окончательного просмотра того, что я так нехорошо на-

звал "Ликой".

"Музу" выдумал, вспоминая мои зимы в Москве на Арбате и то время, когда однажды гостил летом на даче Телешова под Москвой.

В феврале 1938 г. в Париже проснулся однажды с мыслью, что надо дать что-нибудь в "Посл. Н." в покрытие долга, вспомнил вдруг давние зимы в Васильевском и мгновенно в уме мелькнула суть "Баллады" – опять-таки ни с того, ни с сего.

1. VI. 40. Grasse.

Вчера был Михайлов [...] Они приехали в Ниццу, едут в По – тревожны, как все,- вот-вот выступит Италия.

Бегство ("героическое!") французов и англичан из Dunquerque продолжается.

8. VI.

Начал сборы на случай бегства из Грасса. Куда бежать? Вера и Г. и М. говорят: "На ферму Жировых – там все-таки есть убежище, между тем как найти его где-нибудь в другом месте надежд почти нет". Я не верю, что там можно жить,- ни огня, ни воды, ни постелей... Не знаю, как быть.

Страшные, решительные дни – идут на Па-

риж, с каждым днем продвигаются. [...]

9. VI.

Мы все отступаем.

Зацвели лилии, люциолы летают уже давно – с самых первых дней июня.

Страшно подумать- 17 лет прошло с тех пор, как мы поселились в Грассе, в этом удивительном поместье Villa Montfleuri, где тогда как раз вскоре расцвели лилии! Думал ли я, что в каком-то Грассе протечет чуть не четверть всей моей жизни! И как я тогда был еще молод! И вот исчезла и эта часть моей жизни -точно ее и не бывало. [...]

Не мало было французов, которые начали ждать войны чуть не 10 лет тому назад (как мировой катастрофы). И вот Франция оказалась совсем не готовой к ней!

Да, а по привычке все еще идет в голову Бог знает что. Вот вдруг подумал сейчас: имена, отчества, фамилии должны звучать в рассказах очень ладно, свободно,- например: Марья Викентьевна, Борис Петрович...

22. VII. 40, понедельник.

Ничего не записывал с отъезда в Париж в мае. Приехал туда в одиннадцатом часу вече-

ра 9-го (выехал 8-го, ночевал в Марселе, из М. утром). Вера была в Париже уже с месяц, встретила меня на Лионск. вокзале. Когда ехали с вокзала на квартиру, меня поразило то, что по всему черному небу непрерывно ходили перекрещивающиеся полосы прожекторов – "что-то будет!" подумал я. И точно: утром Вера ушла на базар, когда я еще спал, и вернулась домой с "Paris-Midi": немцы ворвались ночью в Люкс[ембург], Голландию и Бельгию. Отсюда и пошло, покатилося...

Сидели в Париже, потому что молодой Гавр[онский] работал над моими нижними передними зубами. А алерты становились все чаще и страшней (хотя не производили на меня почти ник. впечатления). Наконец, уехали – на автомобиле с Жировым, в 6 ч. вечера 22-го мая. Автом. был не его, а другого шофера, его приятеля Бразоля, сына полтавского губерnsk. предводителя дворянства: это ли не изумительно!-того самого, что председательствовал на губ. земск. собраниях в Полтаве, когда я служил там библиотекарем в губ. земск. управе. [...]

[...] И в Париже все поражены, не понимают, как могло это случиться (это чудовищное поражение Франции). [...]

24. VII. 40.

Утром (не выспавшись) с Г. в Ниццу. [...] Завтрак с Алдановым в Эльзасской таверне. [...] В Ниццу съезжаются кинематографы – Алданов надеется на работу у них, как консультант.

25. VII. 40.

[...] устал вчера в Ницце. Верно, старею, все слабость.

С Жировым доехали 23 мая до Макона. Оттуда ночью (в 31/2) на поезде в Cannes – ехали 12 часов (от Макона до Лиона в третьем классе – влезли в темноте – стоя, среди спящих в коридоре солдат, их мешков и т. п.)

По приезде домой с неделю мучились, хлопотали, отбивая Маргу от конц. лагеря (у нее немецкий паспорт).

10 июня вечером Италия вступила в войну. Не спал до часу. В час открыл окно, высунулся – один соловей в пустоте, в неподвижности, в несуществовании никакой жизни. Нигде ни единого огня.

Дальше – неделя тревожных сборов к выезду из Грасса – думали, что, м. б., на неск. месяцев – я убрал все наше жалкое имущество. Боялся ехать – кинуться в море беженцев, куда-то в Вандею, в Пиренеи, куда бежит вся Франция, вшестером, с 30 местами багажа... Уехали больше всего из-за Марги – ей в жандармерии приказали уехать из Alpes Mar. "в 24 часа!" Помогли и алерты, и мысль, что, возможно, попадешь под итальянцев. (Первый алерт был у нас в воскр. 2-го июня, в 9-ом часу утра.)

3 июня Марга мне крикнула из своего окна, прослушав радио: "Страшный налет на Париж, сброшено больше 1000 бомб". 5-го июня прочитал в "Ed.", что убитых в Париже оказалось 254 ч., раненых 652. Утром узнал и по радио, что началось огромн. сражение. [...] 6-го был в Ницце у Неклюдовых для знакомства с Еленой Александр. Розен-Мейер, родной внучкой Пушкина – крепкая, невысокая женщина, на вид не больше 45, лицо, его костяк, овал – что-то напоминающее пушкинскую посмертную маску. По дороге в Н.- барьеры, баррикады. [...]

Выехали мы (я, Вера, М., Г., Ляля и Оля) 16-го июня, в 10 ч. утра, на наемном, из Нима, автомобиле (2000 фр. до Нима). Прекрасный день. Завтрак в каком-то городке тотчас за Бриньолем. В Ним приехали на закате, с час ездили по отелям – нигде ни одного места! Потом вокзал [...] – думали уехать дальше на поезде – невозможно, тьма народу – а как влезть с 30 вещами! Ходили в буфет, ели. Полное отчаяние – ночевать на мостовой возле вокзала! М. и Г. пошли искать такси, чтобы ехать дальше в ночь, – и наткнулись на рус. еврея таксиста. Ночевали у него. 17-го выехали опять в такси в Тулузу и дальше, в Монтобан, надеясь там ночевать, а потом опять на Lafrançaise, возле которого ферма Жирова. Думали: в крайнем случае поселимся там, хотя знали, что там ни воды, ни огня, ни постелей. Плата до Lafr., – 2300 фр. Сперва широкая дорога в платанах, тень и солнце, веселое утро. Милый городок Люпель. Остановки по дороге военными стражами, проверки документов. Море виноградников, вдали горы. Около часу в каком-то городишке остановка [...], подошел крестьянин лет 50 и со слезами сказал: "Вы

можете ехать назад – армистис!" Но назад ехать было нельзя, не имея проходного свидетельства. Завтрак под с. Этьен (?). Опять виноградники, виноградн. степь. За Нарбоном – Иудея, камни, опять виногр., ряды кипарисов, насажен, от ветра. [...] Мерзкая Тулуза, огромная, вульгарная, множество польских офицеров... (По всему пути – сотни мчащихся в автом. беженцев.) В Монтобане – ни единого места. В сумерки – Lafrançaise – тоже. И попали к Грязновым...

28. VII. Воскресенье.

Читаю роман Краснова 199 "С нами Бог". Не ожидал, что он так способен, так много знает и так занятен. [...]

2 часа. Да, живу в раю. До сих пор не могу привыкнуть к таким дням, к такому виду. Нынче особенно великолепный день. Смотрел в окна своего фонаря. Все долины и горы кругом в солнечно-голубой дымке. В сторону Ниццы над горами чудесные грозовые облака. Правее, в сосновом лесу над ними, красота зноя, сухости, сквозящего в вершинах неба. Справа, вдоль нашей каменной лестницы зацветают небольшими розовыми цветами два

олеандра с их мелкими острыми листьями. И одиночество, одиночество, как всегда! И томительное ожидание разрешения судьбы Англии. По утрам боюсь раскрыть газету.

Евреям с древности предписано: всегда (и особенно в счастливые дни) думать о смерти.

"Belligerants". Можно перевести старинным русским словом: противоборники.

Зажгли маяки. В первый раз увидел отсюда (с "Jeannette") Антибский: взметывается и исчезает большая лучистая золотая звезда.

29. VII. 40.

Вчера еще читал "Вечерние огни" 200 Фета – в который раз! (Теперь, верно, уже в последний в жизни.) Почти все из рук вон плохо. Много даже противно его старческая любовь. То есть, то, как он ее выражает. Хорошая тема: написать всю красоту и боль такой поздней любви, ее чувств и мыслей при всей гадкой внешности старика, подобного Фету, губастого, с серо-седой бородой, с запухшими глазами, с большими холодными ушами, с брюшком, в отличном сером костюме (лето), в чудесном белье, – но чувств и мыслей тайных, глубоко ото всех скрытых.

А у меня все одно, одно в глубине души: тысячу лет вот так же будут сиять эти дни, а меня не будет. Вот-вот не будет.

Был в Cannes, хотел купаться и не купался – еще только начали ставить кабинки. [...]

30. VII. 40.

Все то же – бьют друг друга авионы. И немцы все пугают, пускают слухи, что они делают "гигантские приготовления" к решительной атаке.

Весть из Лозанны – о возможности выступления Америки. Нет, не выступит!

Прочел о том опыте, который сделали несколько лет тому назад два венских студента: решили удавиться, чтобы их вынули из петли за мгновение до смерти и они могли рассказать, что испытали. Оказалось, что испытали ослепит, свет и грохот грома.

Смерть Алексея Ивановича Пушешникова (мужа моей двоюродной сестры Софьи Николаевны Буниной) весной 1885 г. Так помню эти дни, точно в прошлом году были (написаны в "Жизни Арсеньева"). Замечательней всего то, что мне и в голову не приходило, что и я умру. Вернее – м. б., приходило, но все-таки

ничуть не касалось меня.

Вдруг вспомнилось: Москва, Малый театр, лестницы – и то очень теплые, то ледяные сквозняки. [...]

1. VIII. 40. Grasse, a. m.

[...] Carlotti прописал постоянно носить очки (для дали, для чтения оставил те, что дал Pollac) и прикладывать утром и вечером очень горячие компрессы из чая: левый глаз слезится от утомления зрения. Постоянно носить очки не могу – буду чувствовать себя неестественно, поглупевшим. [...]

7. VIII. 40.

Были с Верой в Ницце в американок, консульстве. В кафе Casino с Цетлиными и минутой с Алдановыми (они пришли поздно).

9. VIII. 40. Пятница.

[...] Алданов с самого приезда своего все твердит, что будет "гражданок, война". Твердо решив уехать в Америку [...]

Цетлины тоже собираются. [...]

Ни риса, ни макарон, ни huile, ни мыла для стирки.

10. VIII. 40.

Продолжается разграбление Румынии – ру-

мыны должны дать что-то еще и Венгрии.

8-го была огромная битва нем. и англ. авио-
онов над берегами Англии.

Японцы, пользуясь случаем, придираются
к Англии. Сталин – к Финляндии, Испания – к
Англии (отдай Гибралтар) .

Все растет юдофобство – в Рум. новые меры
против евреев. Начинает юдофобствовать и
Франция.

Олеандры густо покрылись алыми цвета-
ми.

15. VII. 40. Католич. Успенье.

Немцы стреляют по Англии из тяж[елых]
орудий. Англ. бомбардировали Милан и Ту-
рин. Болгарск. и венгерские требования к Ру-
мынии. Рум. король будто бы намерен от-
речься и скрыться в Турции.

Сталин устраивает ком. манифестации в
Гельсингфорсе и Або – и грозит финнам, кото-
рые эти маниф. разгоняют. Верно, вот-вот
возьмет всю Финл. [...]

17. VIII. 40.

Проснулся в 6 1/2 (значит, по-настоящему в
5 1/2). Выпил кофе, прочитал в "Вест. Европы"
(за 1881 г., взял в библиот. канской церкви) "Ли-

пяги" Эртеля.201 Ужасно. Люба должна выйти за "господина Карамышева", камер-юнкера, богача, пошляка, проповедующего "верховенство" дворянства в России надо всем, его опеку над народом – "на благо народу". Лунной ночью автор подслушивает разговор его и Любы из своего окна. [...]

Все утро все долины и горы в светлом паре. Неясное, слабо пригревающее солнце, чуть слышный горьковатый запах воздуха – уже осенний.

[...] огромный налет немцев (avec une precision admirable"!* на Лондон, на берега Темзы – "все в дыму, в пламени..." Кажется, и впрямь начинается.

Погода разгулялась, тишина, зной, торопливо, без усталости, без перерыва точат-точат цикады у нас в саду.

Сейчас около 7 вечера. Были в городе за покупками. [...] Магазины почти пусты-все

* с великолепной точностью! (фр.)

раскупалось последний месяц бешено. Уже исчезло и сало (масла нет давным-давно). Мыло для стирки выдают по карточкам маленькими кусочками, весят, как драгоценность. Осенью,

когда исчезнут овощи и фрукты, есть будет нечего.

Днем начал перечитывать "Песнь торжествующей] любви"-ноябрь 1881 г., "Вести. Евр." Сейчас кончил. Удивительно написано. Но опять то же чувство: мертво, слишком "великолепно", "слишком хорошо". Вечер тихий, прекрасный. И опять все долины и горы в дымке.

Наши летчики во время прошлой "великой" войны: синяя куртка, серебр. погоны с чер

ными орлами, черн. широк. шаровары с красным кантом, узкие щегольск. сапоги. Двое таких (молодых, красивых, страшно любезных) встретили в Киеве на вокзале Каменскую, с которой я ехал весной 16-го г. из Москвы в Одессу (в маленьк. отдельном купе международн. вагона).

18. VIII. 40. Воскр.

[...] Анг[личане] сообщают, что за 2 последних дня немцы потеряли 255 авионоов. Так что "великое нападение" кончилось неважно. И вот, вчера решено покончить с Англ. "L'All. veut obtenir le blocus total des îles britanniques".

Так и объявил вчера Берлин – официально: "il faut terminer cette guerre!"* -ни более, ни менее. [...]

Ночи лунные, не яркие. Вчера было полнолуние.

19. VIII. 40.

Вчера после полудня немцы опять бросали бомбы с авионо в окрестн. Лондона. Англич. сообщают, что до 7 ч. вечера немцы потеряли 36 авионо в. [...]

Итальянцы стараются – их газеты, кричат, грозят: "Larmee All[emande] est prete! LAngl[eterre] brulera!"**

Шведск. министр внутр. д. произнес речь насчет притязаний России на ост. часть Финляндии – "Швеция окажет Фин[ляндии] военную помощь". Окажет ли? Не верится.

Пухлая облачность, прохладно. Ночью на меня сильно дуло из раскрывающихся полотнищ занавеса – уже недели две сплю с открытым (в сторону Марсея) окном.

Ждем к завтраку Самойловых.

Разговор с Сам[ойловыми], шел точно в советской России – все насчет того, как мы будем кормиться осень и зиму.

20. VIII. 40.

Проснулся в 8, читал А.- вероятно, в десятый раз – удивительно! Можно перечитывать каждый год.

Как всегда, втайне болит сердце. Молился на собор (как каждое утро) – он виден далеко внизу – Божьей Матери и Маленькой Терезе (Б. М. над порталом, Т. в соборе, недалеко от входа, справа). Развернул Библию-погадать, что выйдет; вышло: "Вот Я на тебя, гордыня, говорит Господь, Господь Саваоф; ибо наступит день твой, время, когда

Я посету тебя" (Иер. 50, 31).

Вчера в "Ed. du Soir": англ. офиц. сообщение: вчера (в воскр.) вечером над Англией пролетело 600 нем. авионоов, мы сбили всего за воскресенье более ста. Неужели правда? Дальше [...] : блокада Англии есть наказание за ее бесчеловечное ведение войны... Анг. должна быть уничтожена как можно скорее это она одна мешает установлению долгого и прочного мира в Европе...

10 ч. Принесли "Ed.". Англ. отступили из Сомалии. Речь Булита, америк. посла во Франции,- говорил в Вашингтоне,- что надо ока-

зять помощь Англии, что, после победы над ней, немцы с Японией нападут на Америку. Канада и Соед. Шт. заключили союз для защиты Сев. Америки. Утка,- думаю, что утка,- будто возможно, что Черчиля заменит этот старый неутомный подлец Ллойд Джордж. [...]

21. VIII. Вчера был в Cannes, хотел купаться, но встретил вдруг Адамовича – только несколько дней как в Ницце (т. е. демобилизован) – и просидел часа 1 1/2 с ним и Кантором в safe "под платанами". Пригласил их к себе на завтрак во вторник 27-го.

Сейчас один в доме – "nos dames" уехали вчера к маркизе на ночевку. [...] Вера нынче тоже в Cannes [...]

Итальянцы трубят победу в Сомалии, она, по словам "Ed.", будто бы очень важна. Черчиль вчера сказал devant les communes***, что Англ. должна готовиться к "a une campagne

* Германия хочет добиться полной блокады британских островов... надо кончать эту войну (фр.).

** Немецкая армия превратит в пепел Англию! (фр.)

*** публично (фр.).

1941-42". Соглашение Рузвельта с Канадой вызвало "inquietude au Japon",* и последствием этого соглашения будет то, что теперь америк. Destroyers** будут направляться в Канаду, а из К.- в Англию. Так что косвенно Ам. Вступили в войну против немцев? [...]

В вечерней газете: Рузвельт опровергает слухи о посылке истребителей через Канаду в Англию; известие, что Троцкий умирает — кто-то проломил ему череп железн. брусом в его собств. доме в Мексике. Прежде был бы потрясен злым восторгом, что наконец-то эта кровавая гадина дождалась окончательного возмездия. Теперь отнесся к этому довольно безразлично.

22. VIII. 40. Ночью сильный и оч. прохладный ветер. Сейчас (14 ч.) солнце, но все еще шумит. В долине под Кабризом пожар в лесах-гигант[ский] дым серо-молочно-рыжеватый медленно идет, поднимаясь, над долинами под Эстерелем. [...]

Убийца Троцкого какой-то Jacques Morton Vandembrecht, родился в Тегеране и натурализованный бельгиец; он арестован; череп у Тр. так проломлен, что виден мозг; Jacques слыл

другом Тр. и часто навещал его.

12 ч. 45 м. Слушал радио. Троцкий умер.

23. VIII. 40. Газета: итальянск, газеты него-
дуют, что газеты швейцарск. непочтительны
к фашизму, к Германии, к итало-нем. союзу,
тон угрожающий: эту моду требовать к себе
почтения от всех стран и обуздываний свобо-
ды их печати ввела Германия.

Томаты, которые стоили в Ницце в про-
шлом году 40, 60 сант. кило, стоят теперь от 4
до 5 фр. [...]

Некролог Троцкого (Leiba Bronstein) писал
кто-то очень осведомленный кем? немцами?

Письмо из Ниццы [...]: Цакни посадили в
острог за неимением carte d'id. и еще за ка-
кие-то "небылицы" – просит моей помощи,
как "родного" его (а какой же я ему родной,
разведенный с его сестрой уже чуть не 20 лет
тому назад?) поручительства за него и еще
чего-то, говоря о моем "добром сердце" оче-
видно, денег, которых у меня нет.

Солнечно – и уже августовск. и сент. су-
хость в этом блеске. Все еще доносится ми-
страль.

Прочитал Лескова "Захудалый род" – очень

скучно, ненужно. В той же книге "Овцебык" – оч. хорошо.

В "В. Евр." еще три очерка из "Зап. Степняка" Эртеля – все очень плохи. Лучше других "Поплёшка", но и тот нудный, на вечную тему тех времен о народной нищете, о мироедах и т. д. Впервые я читал этого "Попл." больше полвека тому назад и навсегда запомнил отлично начало этого рассказа. [...] Молочный блеск – особенно хорошо. [...]

Лесн. пожары возле Ниццы, под Тулоном. Вчерашний, недалеко от нас, еще не совсем потух.

Да, да, а прежней Франции, которую я знал 20 лет, свободной, богатой, с Палатой, с Президентом Р[еспублики], уже нет! То и дело мелькает это в голове и в сердце – с болью, страхом – и удивлением: да как же это рушилось все в 2 недели! И немцы – хозяева в Париже!

24. VIII. 40.

Немцы стреляли в четверг (позавчера) из орудий с франц. берегов по Лондону.[...]

Тело Троцкого будет сожжено и "прах" будет брошен в море – по его завещанию. [...]

25. VIII. 40. Воскресенье.

[...] Франц. радио все чаще за посл. время клонит к тому, что необходим блок Герм.-Италия – Франция. Нынче прямо сказано: "Без канц[лера] Гитлера невозможно устройство новой Европы и прочного мира". Что должен чувствовать П.!202 А может, он ничего не чувствует...

Вчерашнее письмо Алданова: "Я получил вызов к америк. консулу в Марселе и предполагаю, что получена для меня виза в С. Штаты. Пока ее не было, мы плакали, что нет; теперь плачем (Т. М.-буквально), что есть..." [...]

Поехал в Cannes. Нашел Цетлину в кафе. [...] Уговаривала, чтобы я серьезно подумал об Америке – "жить тут вы все равно не сможете". Сказала, что Авксентьев203 уже уехал. Вишняк и Руднев тоже уже получили визы. "Почему так скоро?" – "Американск. Социалисты ходили к самому Рузвельту, просили за социалистов во Франции..." Итак, наш второй исход, вторая эмиграция!

* тревогу в Японии (фр.).

** вид на жительство (фр.).

Погода все та же – горячее солнце и холодный ветер в тени. Олеандры с их мелкими,

острыми, бледно-зелеными листьями, сплошь осыпан, розовыми цветами, уже скоро потеряют эти цветы – они стали подсыхать, кое-где чернеть, умирать.

Весь день сижу за своими набросками, заметками. [...]

27. VIII. 40. Вторник.

Вчера завтракал в Cannes с Цетлиными и Алдановым. Цетлины и Алданов приехали к нам со мною к вечеру на обед и ночевку. Нынче у нас завтракали Адамович, Кантор, Цетлины и Алдановы.

Все уехали в 5 ч.

Офицеры бежали больше всего. "Лучше Гитлер, чем Блюм".

29. VIII. 40. Четверг.

Немцы бомбард. "sans repit"* порты и заводы англ.

Из Виши: Запрещение в свободн. зоне спектаклей, galas, festivals.

М. А. говорил за завтраком у нас, что читал три тома генерала de Gaul²⁰⁴ (кот. сейчас в Англии и заочно присужден франц. правительством – нынешним – к смертн. казни) и был соверш. поражен как его литер, талант-

том, так и знанием Германии и предсказаниями насчет будущей войны Франции с Герм.

Кофе будут выдавать тоже по карточкам – 100 грамм в месяц на человека. Похоже и это на издевательство.

Как-то на днях ахнул, вдруг подумав: в первый раз в жизни я живу в завоеванной стране!

Читал эти дни в "Сев. В." (1897 г.) "Дневник бр. Гонкуров". Очень хорошо кроме посл. лет, когда Эдмон стал писать сущий вздор (напр., о русской литературе) и придавать до наивности большое значение тому перевороту во фр. литературе, который будто он с братом совершил.

В одном месте говорит: "Книги никогда не выходят такими, какими задуманы". Правда, правда.

Следовало бы написать мой нелепейший роман с Кат. Мих. [Лопатиной.-О.М.]. Новодевичий монастырь, Ново-Иерусалим. Еще – историю моих стихов и рассказов.

Суб. 31. VIII. 40.

[...] Вчера был в Ницце. Завтракал, как всегда, в Эльзасск. таверне, с безнадежной тос-

кой в душе: вот еще год жизни прошел, и уже далекой кажется грустная прошлая зима и нет несчастной, всегда бодро усмехающейся Ирины, и Цакни сидит в остроге (это с ними бывал я в этой таверне).

На днях в "Ed. de Nice" было большое пустое место – зачеркнута цензурой целая статья. Оказывается, [...] в Ницце было такое событие: стояла толпа в очереди, дожидаясь выдачи горсточка кофе, а мимо проходил итальянский офицер с денщиком (очевидно, из оккупир. части Ментоны); из толпы стали кричать злобно и насмешливо: "эй, вы, макароны!", офицер ответил толпе тоже каким-то оскорблением, а кто-то из толпы дал ему пощечину, а его денщик застрелил этого кого-то...

День облачный. К вечеру так прохладно, что я надел теплую куртку.

Александр III умер в Ливадии в 2 ч. 15 мин. 20 Окт. 1894 г. (стар. стиль). В тот же день на площадке перед церковью Малого дворца присягнула Николаю вся царская фамилия. Думал ли он, какой смертью погибнет он сам и вся его семья! И вообще, что может быть

страшной судьбы всех Романовых и особенно старой царицы, воротившейся после всего пережитого опять в Данию, старухой, почти нищей, и умершей там! И чего только не пережил на своем веку я! И вот опять переживаю.

1. IX. 40. Воскресенье.

Все увеличивающая [ся] "воздушная дуэль" Германии и Англ. [...] Налеты на Лондон и на Берлин, алерты и там и тут по 2, по 3 часа. Немцы подводят итоги воздушной войны за год: "мы уничтожили 7000 вражеск. авионов, сами потеряли всего 1050". Довольно странно! [...]

Все-таки это правда-наступают самые решительные дни.

В прошлом году первое сентября было в пятницу. После завтрака все внезапно полетело к черту – радио известило, что немцы ворвались в Польшу и что завтра начнется всеобщая мобилизация во Фр. Г. и М. сошли с ума, кинулись собираться в Париж, и через час мы отвезли их в такси в Cannes на вокзал.

* без перерыва (фр.).

3. IX. 40.

Были с В. у Мте Жако – просили ее напи-

сать нашей хозяйке – эта старая дура надеется кому-то сдать "Jeannette", соверш. не представляет себе жизнь во Франции.

Облачно, у нас почти холодно, внизу было душно как перед грозой. Ночи совсем свежие. [...] Годовщина объявления войны!

4.IX.40.

[...] Письмо от Гребенщикова об Америке. [...] На днях прочитал (перечитал, давным-давно не перечитывал) "Мальву" и "Озорника" Горького. Вполне лубок. И хитрый, преднамеренный.

6. IX. 40.

Отличный тихий солнечный день, хорошо выспался, неплохо себя чувствую, только втайне тревожусь, как всегда утром,- жду газету.

Часто думаю: как незаметно прошло такое огромное событие – исчезновение целых трех государств – Литвы, Латвии, Эстонии! Давно ли я видел их со всей их национальной гордостью, их президентами, их "процветанием" и т. д.! Поиграли больше 20 лет во все это – и вот точно ничего этого никогда не было! От Карамзиной²⁰⁵ уже давным-давно ни слуху

ни духу – и, верно, навсегда.... А Чехия, Польша, Бессарабия, Дания, Голландия, Норвегия, Бельгия, прежняя Франция? Уму непостижимо! И изо дня в день, самыми последними словами, поносят в газетах и по радио сами себя французы – эту прежнюю, вчерашнюю Францию.

Пишу и гляжу в солнечный "фонарь" своей комнаты, на его пять окон, за которыми легкий туман всего того, что с такой красотой и просторностью лежит вокруг под нами, и огромное белесо-солнечное небо. И среди всего этого – мое одинокое, вечно грустное Я.

Принесли газету. [...] Речь Черчиля *devant la chambre des communes**. За 2 посл. месяца Англия потеряла 558 авионосов. За август погибло смертью среди гражданск. населения 1075 человек, 800 домов разрушено. Атаки немцев в сентябре еще усилятся [...]

Радио в 121/2: нынче ночью большие демонстрации в Букаресте против евреев и с требованием отречения короля; король ночью отрекся и намерен переселиться в Швейц. Все теперь во власти "Железн. гвардии", т. е. немецких ставленников. На престол

вступил Михаил.

7. IX. 1940.

Вчера в три часа поехал в Cannes,- автобус, как всегда, был набит народом до ужаса,- купался на пляже Grand Hotel'я; кабинка стоит теперь уже 8 франков! Возвратясь, поднимался пешком,- такси уже совсем исчезли,- тяжкий труд! [...]

Декреты, декреты, декреты... Вчера особенно замечательный: запрещается пить кофе в кафе с 3 ч. дня. Да, если бы не немцы, уже давным-давно все летело бы к черту,- "грабь награбленное!".

Дневник братьев Гонкур206: почему Тургенев "милый варвар"? Какая французская тугодупость, какое самомнение! [...]

Радио в 121/2: Антонеску послал телеграммы "великому фюреру" и "великому дуче". Так прямо и адресовался. Еще одно дельце Гитлер обделал. Какие они все дьявольски неустанные, двужильные – Ленины, Троцкие, Сталины, фюреры, дуче!

Нынче ночью проснулся с мыслью, которая со сна показалась ужасной: "Жизнь Арс[еньева]" может остаться не конченной!

Но тотчас с облегчением подумал, что не только "Евг. Онегин", но не мало и других вещей Пушк. не кончены, и заснул.

Уже давным-давно не могу видеть без отворачивания бород и вообще волосатых людей.

За мной 70 лет. Нет, за мной ничего нет.

8. IX. 40. Воскресенье.

[...] Еще раз просматриваю "Красную лилию" Франса. Нет, это редкий роман, во многих отношениях прекрасный.

9 ч. вечера. Восьмичасовое радио: [...] "гигантская битва" немцев с англ.,- тысяча авианов над Лондоном, сброшено миллион пудов бомб, сотни убитых и раненых, а англичане громят Берлин и сев. побережье Франции. Уже два часа идет дождь и через кажд. пять секунд тяжело, со стуком потрясает небо гром. Открывал окно: ежесекундно озаряется все небо дрожащим голубым светом, дождь летит на голову. Осенью мы будем сидеть здесь как на "Фраме" Нансена. И что будем есть? Оливкового масла осталось у нас 5 бутылок – очевидно, на всю осень, а может, и зиму. И чем будем топить?

* в парламенте (фр.).

9. IX. 40. Понедельник.

И в газете то же, что вчера говорили по радио – вчера после полудня был страшный налет на Лондон. [...]

Дым от пожаров в Англии виден с северных берегов Франции.

Вечерн. радио: немцы продолжают свое дело. Англ. три часа бомбардировали Гамбург. В какой-то америк. газете говорят: "Это истинный ад на земле!"

Опять думал о том необычное, одиночестве, в котором я живу уже столько лет. Достойно написания.

10. IX. 40. Вторник.

Вчера свежая лунная ночь (уже половина луны). Прошлись с В. По Route Nap. [...] Раздумал ехать прощаться с Алдановым. М. б., уже уехал. Посылаю письмо.

На олеандрах еще осталось много цветов.

11. IX. 40. Среда.

[...] Нынче с утра вся долина как на ладони, черная, маленькая. Но день ясный, солнечный, только очень прохладный ветер в окна (с Италии). Беспокойство, хочется ехать на море – зачем, однако? Да и очень трудны

теперь поездки. В. Уехала в Cannes. [...]

Вечером: в ночь со вторн. на среду алерт над Лонд. длился более 8 часов; англ. в эту ночь бомбардиров. Берлин [...]

Слушали Москву в 91/2 вечера (по-московски в 111/2).

12. IX. 40.

Вчера в 6 ч. вечера Черчилль говорил перед радио: немцы всячески приготовились к высадке в Англии-нападение может произойти каждую минуту – и мы готовы к нему; каждая пядь земли, каждая деревня, каждая улица будет защищаться нами. (...)

Леонардо да Винчи, переселившись в Милан, предлагал свои услуги Людовику Моро207 – между прочим, в качестве скульптора и живописца: "во всем этом, светлейший государь, я могу делать все, что только можно сделать,- по сравнению с кем угодно". Вот это я понимаю!

Пушкин незадолго до смерти писал: "Моя душа расширилась: я чувствую, что могу творить".

16. IX. 40. Понед.

Итальянцы, в количестве 260 000 человек,

вторглись в Египет. Англо-немецкая "дуэль" продолжается с большой силой. Леон Блюм посажен в chateau de Chazeron. За что? Я его всегда терпеть не мог, но сейчас все-таки возмущен чрезвычайно. Ведь он был избран и правил "волею народа".

17. IX. 40.

Все то же, непрекращающееся. Вчера вечером пятый алерт над Лондоном за день. В ночь на понедельник алерт длился 91/2 часов. (...) В Риме пишут, что главное наступление на Англию будет только весной.

Франц. правительство обращается к стране с советом есть сыры, зелень и фрукты – в них есть все нужные витамины. Беда только в том, что сыров почти нет. Чудесный день.

19. IX. 40. Четверг.

Позавчера ездил с М. и Г. в Cannes, бегали по городу, там и сям накупая сыры (дают по кусочку, все бросились их покупать, прочитав в "Ed.", что в сырах много всяких витаминов).

Вчера, как и предыдущие дни,- уже дней пять теперь,- пишу заметки в серой тетради. [...]

20. IX. 40. Начал "Русю". 22. IX. 40. Написал "Мамин сундук" и "По улице мостовой". 27. IX. 40. Дописал "Русю". 29. IX. 40. Набросал "Волки". 2. X. 40. Написал "Антигону". 3.X.40. Написал "Пашу" и "Смарагд". 5.X.40. Вчера и сегодня писал "Визитные карточки". 7.X.40. Переписал и исправил "Волки". 10, 11, 12, 13. X. 40. Писал и кончил (в 3 ч. 15 м.) "Зойку и Валерию". 14, 17, 18, 20, 21, 22. X. 40. Писал и кончил (в 5 ч.) "Таню". 25 и 26. X. 40. Написал "В Париже" (первые страницы-24. X. 40). 27 и 28 X. 40. Написал "Галю Ганскую" (кончил в 4 часа 40 м. дня 28. X.).

23.X.40. (10.X.40 по старому стилю), 111/2 ч. вечера.

Шум дождя по крыше, шум и постукивание капель. Иногда все сотрясающие раскаты грома. Лежал, читал "Несмертельного Голована" Лескова, потом выпил пол стаканчика водки.

70 лет тому назад на рассвете этого дня (по словам покойной матери) я родился в Воронеже на Дворянск, улице. Сколько лет еще осталось мне? Во всяком случае немного и пройдут они очень быстро,- давно ли, напр., была

осень в Beausoleil, где мы жили на этой горе, в этом высоком доме (Villa Dominante)! А прошло уже 2 года.

Проснулся поздно (в 9 ч.), с утра было серо и прохладно, потом весь день шел дождь. Все-таки мое рождение немного праздновалось – баранье плечо, вино (Марга подарила Понте-Канэ). Галина переписывала "Таню", которую я кончил вчера в 5 ч. вечера.

30. X. 40.

С утра солнце, но из-за Альп над Вансом дожд[евые] облака. К полудню распогодилось, прохладно. [...] Перетащил сейчас (три часа дня) к себе письм. стол из кабинета внизу. Тотчас после того началась ужасная кровь.

Все посл. время то дожди, то хорошая погода. 14 (1 окт., на Покров) Вера ездила в Cannes к обедне (в страшный дождь) – ее рождение. Жалко ее, больную, слабую, нервную, утешающуюся чем Бог даст, - жалко нестерпимо.

С месяц почти пишу не вставая, даже иногда поздно ночью, перед сном.

18 Окт. ездил с Бахраком (он живет у нас) в Ниццу – прощальное свидание в кафе под Ка-

зино с Алдановым (опять вернувшись).

26 Окт. получена была от Зайцева открытка: 17-го Окт. умер Н.К. Кульман (19 похоронен в St. Gen. du Bois) – кончается, кончается наша прежняя, долгая и сравнит, благополучная эмигр. жизнь. Да, 20 лет, треть человеч. Жизни мы в эмиграции.

28 Окт., вечером, узнал: началась еще одна война

Италия напала на Грецию, придралась к чему-то, о чем сама солгала, и напала.

9. XI. 40.

Семь лет тому назад весть о Ноб. премии. Был счастлив – и, как ни странно сказать, молод. Все прошло, невозвратимо (и с тяжкими, тяжкими днями, месяцами, годами).

10. XI. 40.

Были чудесные, солн. дни. Липа под моим окном стояла вся уже сквозная, светло-канареечная, небо в ней было яркое, бирюзовое. (Другая липа все еще густая, зеленая.) Нынче ливень, холод.

11. XI.40.

Вчера поздно вечером кончил "Генриха" (начал 6, писал 7 и 9). Опять хороший, теплый

день. В 2 ч. ходил в город, в банк, меняю посл. тысячи. [...]

"Генриха" перечитал, кое-что черкая и вставляя, нынче утром. Кажется, так удалось, что побегал в волнении по площадке перед домом, когда кончил. Одно осталось – помощи и спаси, Господи.

За прошлую неделю оч. много потерял крови, слабость и боль в темени.

14. XI. 40.

Позавчера был в Ницце у доктора Карлотти – все слезится левый глаз. Прописал новые капли, сказал, что зрение у меня хорошее и что все-таки я должен постоянно носить очки (для дали, а работать в прежних).

Весь день перечитывал написанные за эту осень рассказы и клал их в две папки – одну надо положить в сейф.

Молотов был два дня в Берлине: решают новое устройство Европы "на развалинах старой", - как пишут итальянцы.

Умер и похоронен, как самый обыкнов. человек, забытый уже всеми Чемберлен.208

Итальянцы пока напоролись на греков.

17. XI. 40.

Все добываем пропитание, [...] добыли 1/2 бут. прованского масла, 2 кило картошек, 30 яиц- и счастливы! Серо, дождь.

Среда, 20. XI. 40. [...] Прошу устроить мне денежн. помощь у богатых шведов. Ничего, конечно, из этого не выйдет.

Пятн. 22. XI. 40.

Письмо от Алданова из По: умер В. В. Руднев. Рак желудка. Очень жалко. Алдановы уезжают в Америку 25-го. Кончатся, кончатся наши эмигрантские годы!

Воскр. 24. XI. 40.

[...] После захода-там, к Марселю: внизу темнеющее оранжево-красное, выше зеленоватое, прозрачное, еще выше – бесцветная синева.

Среда, 27. XI. 40.

[...] Хочется писать, но чувствую себя тревожно, мысленно хватаюсь то за одно, то за другое.

4. XII, 5. XII и 9. XII. 40.

Написал "Три рубля".

13. XII. 40. Пятница.

[...] Италия объявила о своем вступлении в войну 10 июня в 6 часов вечера – уже отлично

зная, что немцы разбили Францию, спускаются в долину Роны и угрожают "de 'prendre a revers"* французск. Альпийскую армию. [...]

Нынче сообщение англичан, что они взяли в Африке 20 тысяч итальянцев в плен.

Греки бьют их (итальянцев) все время.

Статья в "Candide" о Блюме. При выборах все эти Блюмы делали черт знает что.

Перечитываю Чехова. Очень хороша "Жена". Какая была всяческая опытность у него уже в те годы! Всегда этому дивился, и опять дивлюсь. Удивительны и "Скучн. история" и "Дуэль".

С 28 ноября приказали опять полное затемнение. Ночи стоят лунные, прекрасные и очень холодные.

В конце ноября зверства в Румынии.

15. XII. 40. Воскр.

Позавчера поразила ночь,- оч. мало звезд, на юге невысоко лучистый, не очень ясно видный голубыми брил[лиантами] играющий (только он один) Сириус, луна оч. высоко почти над головой как золотое солнце (шаром), высоко на западе (оч. высоко) золотой Юпитер, каменная неподвижность вершин

деревьев.

Вчера завтракал в Carlton'e у Гукасова. 209 Богатство вестибюля, рестор. зала, много богатых американцев и англичан. Меню, как будто нет войны. Две бутылки бордо – рара Clement. Солнечно, прекрасно. Оптимизм Гукасова.

Нынче погода портилась.

Ничего не могу писать. [...]

Разгром итальянцев в Африке и в Албании продолжается. 26 000 пленных в Африке.

Вчера был у доктора Charlet насчет глаз. И он приказывает носить очки (для дали) постоянно.

Живем очень холодно и очень голодно.

Нынче неожид. новость: выкинут Лаваль. Путаное, непонятное обращение к Франции в связи с этим маршала. Что-то случилось. Что?

18. XII. 40. Среда.

Дня два было сыро и очень холодно. Вчера опять солнечно, тихо, свежо. Нынче тоже. И от этого, как часто, еще грустней. Страшное одиночество.

Уехал в Ниццу Бахрак.

Англичане и греки продолжают бить ита-

льянцев – в Албании и в Африке. Позавчера московск. радио сообщало вечером, что англ. взяли в Африке в плен 50 тысяч итальян.

20. XII. 40.

Серо, очень холодно. В доме от холода просто невыносимо. Все утро сидел, не отдергивая занавеса в фонаре, при электричестве.

Едим очень скудно. Весь день хочется есть. И нечего – что кажется очень странно: никогда еще не переживал этого. Разве только в июне, в июле 19 г. в Одессе, при большевиках.

22. XII. 40. Было солнце и облака. Прочел "Исполнение желаний" Каверина²¹⁰ ("советский"). В общем плохо.

Письмо от Алданова из Лисабона (послано 13 Дек.). Цетлины тоже в Лисабоне, визу в Америку еще не получили. Алдановы уезжают 28 Дек.

30. XII. 40.

Почти все время солнечно и морозно. Дня три лежал снег (с полвершка), в тени до сих пор. не совсем стаял. В доме страшный холод, несмотря на горячее солнце (особенно у меня в фонаре). Голодно. [...] Ничего не могу пи-

сать. [...]

Рождество было нищее, грустное,- несчастная Франция!

Читал последние дни "Василия Теркина" Боборыкина.211 Скука адова, длинно, надумано. Продолжал перечитывать Чехова. За некоторыми исключениями, все совершенно замечательно по уму и таланту. "Иванов" совершенно никуда.

31.XII.40.

Гораздо теплее, даже некоторое весеннее тепло.

* ударить с тыла (фр.).

1941

1. 1. 41. Среда.

"Встречали" Новый год: по кусочку колбаски, серо-сиреневой, мерзкой, блюдечко слюнявых грибков с луком, по два кусочка жареного, страшно жестка мяса, немножко жареного картофеля (привез от N. N.), две бутылки красного вина и бутылка самого дешевого асти. Слушали московское радио – как всегда хвастовство всяческим счастьем и трудолюбием "Советского Союза" и танцулька без конца.

Позавчера речь Рузвельта, необыкновенно решительная [...] Нынче в газетах вчерашнее новогоднее послание Гитлера: "Провидение за нас... накажем преступников, вызвавших и делящих войну... поразим в 41-м году весь мир нашими победами..."

Небольшой мистраль. Красота гор над Ниццей.

3. I. 41.

С утра дождь и туман. После завтрака проглядывало солнце. К вечеру белые туманы в проходах Эстереля, море серо-свинцового ту-

мана в долинах и горах в сторону Марселя.

Перечитывал "Петра" А. Толстого вчера на ночь. Очень талантлив!

6. I. 41. Понедельник.

Дождь, сыро, серо, холодно, опять сижу при огне – "фонарь" с закрытыми ставнями, задернутой занавеской и ширмами. [...]

Англо-немецкая война все в том же положении – бьют друг друга, как каждый день всю осень. Осточертело читать и слушать все одно и то же.

Японский м. внутр. дел произнес речь на весь мир – "41 год будет самый трагический для человечества, если продолжится война и не будет возможности для Яп., Ит. и Германии организовать новый мир ко всеобщему благополучию". Последнее особенно замечательно. [...]

21. I. 41.

Были по всей Европе страшные холода, снега. У нас тоже. Холод в доме ужасный, топить вволю нельзя, нечем: запасы наши угля и дров на исходе, дальше будут давать только 100 кило в месяц- насмешка! Все время ищем что купить! Но нечего! Находим кое-где

скверный, сморщенный горох (и торговец и мы врем "для посева"), ржавые рыбки, род stet. селедочек и сардинок – и все. Питаемся скверно [...]

Ждали, что немцы пройдут через Болгарию в Грецию. В Средиз. море их авиация работает уже – помогает итальянцам.

Гитлер виделся с Мус[солини] – "приняты важнейшие решения".

Нынче вечером советск. и швейц. радио: англич. взяли Тобрук. Междоусоб. война в Румынии.

25. I. 41. Суббота.

Солнечный и уже теплый день. Вчера послал ав.-гесом. Цетлиным в Америку. Нынче – открытку Тане Муравьевой. Сходил опустить ее после завтрака в ящик возле женской обители (под Helios'ом). Сидел на подъеме к "Chaumiere". Припекало. Тишина и грусть на душе.

При взятии Тобрука захвачено около 20 000 пленных. Англичане идут дальше к западу. [...]

Нападения на Англию притихли. "Затишье перед бурей"?

Хитлер, верно, уже понимает, что влез в опасную историю. Муссолини усрался – чем бы там дело ни кончилось. Возможно, что и Абиссинию потеряет.

9 Янв. были на именинах у Самойлова. Прекрасный день. "Альпийский" вечер, когда не дали автоб[уса].

Вечер 11 янв.: выделились белые дома внизу, в окрестности, потемнела зелень камен[ного] дуба у ворот, желтая луна на бесцветно-синем небе; ночью: луна оч. высоко. небо пустое, огромн., на юго-в. лучисто играет чистый голубой брил [лиант] Сириуса.

26. I. 41. Воскр.

Солнечный и теплый день. Ездил в Cannes на концерт Барсукова (с оркестром). Моцарт, Метнер. Потом пили чай в англ. кофейне. [...]

28.I. 41.

Дождь, сыро, холодно. Вера чем свет уехала за яйцами. Был о. Николай, святил дом. Зуров подпевал при службе.

29.1.41.

Последние деньги утекают. [...]

В Норвегии голод. В Финляндии – голод, во Франции голод. Вся Европа ввержена в смер-

тоносные битвы, голод, холод, рабство, муки.

30. 1. 41.

Холод, дождь, туман. 889 фр. из Швеции – там читали что-то мое для радио.

31. I. 41. Пятница.

Всю ночь проливн. дождь и буря. И днем дождь. Ходили в город, истратили на покупки, - на всяческую дрянь, - больше 100 фр.

Чрезвыч. бодрое английск. радио вечером.

1. 2. 41.

Непрерменно изменить жизнь, - не пить на ночь, гулять днем и перед сном видел нынче в 2 часа, когда пошли с Бах[раком] в город, тонкий серп нов. месяца, будут, значит, светлые ночи и м. б. теплее, а то все был мрак и холод.

С утра было сумрачно, к десяти разгулялось – солнце и тепло. Груды кремовых курчавых облаков (снизу серых), навалившихся на собачью гору над М. Карло.

И в Африке и в Греции продвижение англ. и греков.

Гитлер в своей речи 30 Янв. признал "неуспехи" итальянцев. Но это не важно, - все равно, сказал он, "en 1941 l'histoire connaitra un

ordre nouveau il n'y aura plus de privilèges, plus de tyrannie... le monde aura le dernier mot..."*.

6 ч. вечера. Полчаса тому назад над М. К., над горами, было нечто гигантское, состоящее из белых клубов, по клубам озаренное красным. Что там, в северн. Италии? Сейчас завешивал окна – высоко, высоко мутный серп месяца – и "синие тучи весны на западе будут видны (Андреевский)"²¹² – синие тучи на закате. Да, это уже весна. И сердце вдруг сжалось, – молодо, нежно и грустно, вспомнилось почему-то время моей любви, несчастной, обманутой – и все-таки а ту пору правильной: все-таки в ту пору было в ней, тогдашней, удивит, прелесть, очарование, трогательность, чистота, горячность... Впрочем, все это очень плохо говорю.

3.2.41.

Мрачно, холод, дождь, Эстерель пегий от снега.

Был в городе. Каждое возвращение оттуда с тяжелой сумой через плечо (бут. вина, фрукты, овощи) на нашу крутую гору – великая мука.

По франц. радио из Америки: вот-вот

немецкое наступл. на Англ., у немцев десятки тысяч авионов, в первый налет пойдет 10 тысяч, во второй 18...

Перенесена ко мне сверху печка угольная, а моя, дровяная наверх. Читаю Шаховского²¹³ (о. Иоанна) "Толстой и церковь". Смесь неглупого и глупого.

Часто думаю с удивлением и горем, даже ужасом (ибо – не воротишь!) о той тупости, невнимательности, что была у меня в первые годы жизни во Франции (да и раньше), к женщинам.

То дивное, несказанно-прекрасное, нечто совершенно особенное во всем земном, что есть тело женщины, никогда не написано никем. Да и не только тело. Надо, надо попытаться. Пытался – выходит гадость, пошлость. Надо найти какие-то другие слова.

7.2.41.

С. Бахр. в Cannes, завтракали там [...] жареный кролик с зел. бобами, компот (с сахаром) из апельсинов, хорошее кофе-давно так не ел! Счет-150 фр. После завтрака дантист [...] вырвал мне зуб. Выпил флягу коньяку – опять!

Солнечный день. Англичане взяли Бенгази

(6-го вечером).

8. 2. 41.

Солнечный и совсем теплый день. В городе купили еще 3 кило гороху (да Г. с М. 2) – боимся, что будет полный голод [...]

Вечером радио: разгром англичанами итальянок, армии, отступавшей из Бенгази.

6-го видели на Cours итальянцев. Щеголи до блядства.

Завтракали и обедали мы "роскошно", - съели по кусочку свинины (одно жесткое сало), ели салат.

9. 2. 41. Воскр.

Полдня тепло и солнечно, потом замутилось. [...] Вечером слушали английское радио – речь Черчиля. Предостерегал Болгарию, через которую немцы, м. б., вот-вот прорвутся в Грецию.

* в 1941 году история обрела новый порядок – никаких преимуществ, никакой тирании – это последнее слово миру (фр.).

11.2.41.

Адмирал Дарлан назначен Петэном "наследником". Почему адмирал, главнокомандующий фр. флотом?

Теплый день. С утра весь небосклон к югу и западу, под солнцем, был закрыт дымно-туман. тучей. Ходили в город – пустыня во всех лавках! Только вялый жесткий сельдерей. Сонливость – много потерял за посл. дни крови.

12. 2. 41. Среда.

Вчера вечером англ. радио: Франко проехал по франц. Ривьере к Муссолини. Петэн выехал из Виши в свое поместье (близ нас) и будет иметь свидание с Франко на его возвр. пути. В чем дело? Нынче в газетах ничего нет об этом, но сказано, что Испания решила примкнуть к "Оси" в "мировой политике". Итальянок, сообщение: "итальянский народ в страшном гневе на подлость англичан, бомбардировавших Геную, и "накажет" их жестоко". [...]

23. 2. 41. Воскресенье.

[...] Открытки от Веры Зайцевой и Каллаш. Вера: "Jisn gavno" (жизнь гавно). "Va bien".

Кал.: "Jrem brukvou va bien" ("жрем брюкву"). [...]

61/2 вечера. Никогда за всю жизнь не испытывал этого: нечего есть, нет нигде ничего,

кроме фиников или капусты, – хоть шаром покати!

24. 2. 41. Понед.

Был в Cannes. Пошел в порт, в ресторанчик-бистро, прославившийся своей кухней среди богатых людей. Бедно, 4 столика, за конторкой седенькая жена хозяина, седой небритый хозяин, оба жили в России, вспоминают ее с восторгом и грустью, говорили (плохенько) по-русски. Жаловались: ни провизии, ни газа. Дали мне 1/2 б. оч. хорош, красного вина, салат из свеклы и рубл. кусочки курицы (кости гл. образом) и скверного "safe national". Счет 44 фр. [...]

Ждал час билета и посадки в автобус (на горячем солнце). Дома гороховый суп и по 2 ломтика колбасы, сделанной из черт его знает чего. [...]

Кончил "Даму с кам[елиями]".²¹⁴ Ничуть не трогает, длинно, фальшиво.

25. 2. 41.

Солнце, но холодно. [...]

Комментарии к речи (воскресной) Муссолини и к речи (вчерашней) Гитлера. [...] Оба вождя выразили "уверенность в их конечной

победе". Гитлер говорил, что ni le general "hiver", ni le general "Fain"* не страшны Германии и что с помощью Провидения англичане будут разбиты повсюду.

26. 2. 41. Среда.

Проснулся в 8, не доспал, но решил встать, начать раньше ложиться и вставать раньше. Очень тосковал вчера перед сном. Дикая моя жизнь, дикие сожители. М., Г.- что-то невообразимое. Утром туман, дождь. Так холодно, что мерзнут руки. [...].

Вечером. Синяя муть (грядой) на западе, над ней муть красно-оранж. неба, выше небо зеленоватое.

1.3. 41. Ровно год тому назад начал записывать более или менее правильно события дней. Целый год тому назад! И мог ли думать, в каком положении буду писать через год!

Проснулся в 8, выпил ту бурду, которая называется теперь кофеем, и опять заснул часа на полтора.

Серенький, сравнительно теплый день. Больна Вера,- насморк, кашель, легкий жар, а все-таки бегала нынче на базар.

В первом часу радио: Болгария присоеди-

нилась к Германии, Италии и Японии! Очевидно, немцы пойдут через нее на Грецию.

2. 3. 41. Воскр. [...] Присоединение Болгарии к "тройственному пакту" подписано вчера в Вене в половине второго. [...] Серьезный денек был вчера!

4. 3. 41. Вторник. Немцы на границе Греции. Вечером англ. радио: разрыв дипломатических отношений Англии с Болгарией, объявление Англией ей войны.

Ночь, молодая луна, мистраль.

6. 3. 41. Четверг. Вчера завтракал в Cannes. [...] Очень глупо кое-что болтал, выпил почти бут. красн. вина. Потом в англ. кафе джин за кофеем, потом в кафе против вокзала vieux porto. Приехав, накупил вина, опять пил. Проснулся ночью, лежал в страхе, что могу умереть.

День был солнечный и свежий. Нынче такой же. Опять думал, посидев минут пять в саду и слушая какую весенн. птичку, что иного представления о Боге, кроме Толстовского (его

* ни генерал "зима", ни генерал "голод" (фр.).

посл. лет), не выдумаешь. Божественность этой птички, ее песенки, ума, чувств.

За посл. дни уже много цветущ. мимозы.

8. 3.41. Вчера весь день холод, дождь, туман, вечером долго гремел гром.

Переписал кое-что с истлевших, чудом уцелевших клочков моих записей конца 1885, начала 1886 и конца 1887 гг. и с болью сердца, поцеловав, порвал и сжег их. Продолжал вспоминать и записывать дни и годы своей жизни.

Нынче с утра тоже дождь, тучи, туман, сейчас (к вечеру) распогодилось. [...]

Принца Павла вызвал к себе Гитлер. Хозяин Европы вызывает! Что-то выйдет из этого вызова?

Англию, конечно, бомбардируют,- изо дня в день, восьмой месяц! Англичане отвечают тем же. Быстро продвигаются в Абиссинии. [...]

9. 3. 41. Воскр. Так холодно, что затопил с утра. Облака, тучи, просветы, иногда дождь.

В газете ничего особенного. Бьют итальянцев в Албании и в Африке. Вчера в 10 ч. 50 вечера через Ниццу провезли в Испанию гроб

Альфонса. Несколько дней тому назад бывший румынск. король бежал на автомобиле из Испании в Португалию ("avec M-me Loupesku"). Короли бегают!

Три раза в жизни был я тяжело болен по 2, по 3 года подряд, душевно, умственно и нервно. В молодые годы оттого так плохо и писал. А нищета, а бесприютность почти всю жизнь! А несчастные жизни отца, матери, сестры! Вообще, чего только я не пережил! Революция, война, опять революция, опять война – и все с неслыханными зверствами, несказанными низостями, чудовищной ложью и т. д.! И вот старость – и опять нищета и страшное одиночество – и что впереди!

10. 3. 41.

С утра ужасный холод, дождь. Сейчас (4 ч. дня) с запада расчистило, солнце. Но ветер все еще с Италии и, если не повернет, не пойдет с Марсея, не жди ничего хорошего.

Очень грустное впечатление осталось и все еще держится от переписки с клочков моих полудетских записей (1885, 86, 87 гг.). Очень жалко себя.

11.3.41.

Солнечное утро, безоблачн. небо. Сейчас десять минут двенадцатого, а Г. и М. и Бахрак только что проснулись. И так почти каждый день. Замечательные мои нахлебники. Бесплатно содержу троих, четвертый, Зуров, платит в сутки 10 фр. [...]

Газеты: Франц. правительство решило ни в коем случае не дать Англии захватить франц. флот и охранять торгов. корабли военными. Значит, Англия намеревается захватить флот? "Лихорадочно" укрепляется Гибралтар.

Греческий премьер заявил, что Греция не уступит ни метра своей "священной земли". Значит, немцы готовятся вторгнуться в Грецию?

Югославия подписала с Германией пакт о ненападении и экономический. Рузвельт через югославского посла обратился к Принцу Павлу, чтобы тот держался, ибо он, Р., уверен в победе Англии: это последнее сказано в швейц. газете – во французских об этом ни слова.

После завтра[ка] по саду. Довольно жаркое солнце. Две ящерицы. Птичка сладко поет,

уже по-весеннему. За домом цветет большое старое миндальное дерево – издали кажется, будто бумажными бело-розовыми цветами. Зеленые подушки из мелкой зелени в мелких ярких фиолетовых цветах. [...]

12.3.41.

Вчера вечером был с Бахр. в городе, в том синема, где не был целых 7 лет с лишком,- после того дня, когда сидел в нем с Г[алиной] и вдруг в темноте вошел Зуров и сказал: "телефон из Стокгольма, Ноб. премия дана вам..." Вчера там пели, играли и плясали испанцы. Заснул в час, выпив – опять! – рюмок пять водки. Нынче проснулся в 8 1/2. но довольно хорошо себя чувствуя. Солнечно не яркий день, довольно тепло – уже по-весеннему. [...]

Газета: опять о том, что Франция будет защищать франц. Африку (офиц., из Виши). От кого защищать? [...] Возобновление греческой активности в Албании.

16. 3. 41. Воскр.

Все дни почти сплошь солнечные, но с прохл. ветром. Нынче теплее всего. Все дни ничего не делал – верно, от потери крови. Читал "Р. Мысль" за 904 и 905 г. [...] Рассказы в "Р.

М." ужасны. Даже не ожидал, что это такое было. Вера уехала к Самойловым. Насчет питания совсем скверно. Я очень похудел. Что будет с Югосл., до сих пор неизвестно.

17. 3.41.

Солнечно, облака, почти совсем тепло. Утром прогулка через лес.

Греки сообщают о провале итальянок, наступления в Албании. Англичане продвигаются к Аддис-Абебе. [...] Гитлер опять говорил – "в день героев" (вчера). Опять обрисовал положение Германии после Версаля, опять сказал, что Германия "все-таки" не хотела войны, что ответствен. за нее падает на таких господ как Churchill и на масонов и на евреев, затем "выразил веру" в победу Германии, в новое, прекрасное устройство Европы после победы [...] Говорил вчера вечером и Рузвельт о помощи Англии, Греции и Китаю, - с необыкн. твердо сказал, что Америка даст им "все, все": "корабли, авионы, продовольствие, пушки, танки и т. д." и что эта дача уже началась.

19. 3. 41.

Солнечный холодный день.

Вчера перед [пропущено слово.- О. М.] начал писать "Натали Станкевич", писал и после обеда до часу, пил в то же время коньяк, спал мало, нынче еще не выходил на воздух (а сейчас уже почти пять), все писал-словом, веду себя очень глупо, но, дай Бог не сглазить, чувствую себя не плохо: верно оттого, что принимаю уже дней пять "Rancinol", по три ампулы в день.

Вечер. Обед: голый гороховый суп, по две ложки шпинату, варенного в одной воде и ничем не приправленного, по одной кудре таковой же цветной капусты, по 5 фиников. [...]

В каких страстных родах двух чувств – ненависти к врагам и любви к друзьям – живу я почти непрерывно уже более четверти века,- начиная с 14-го года!

24. 3. 41. Сейчас, в 10 вечера, проветривал в темноте комнату, стоял возле открытого окна – дружно орут первые лягушки.

Весна. Все посл. дни солнечно, но все еще прохладно не на припеке. Все дни сидел почти не вставая, писал "Натали". 4. IV. 41. Пятница.

В шесть вечера кончил "Натали". Серо, хо-

лодный ветер, то и дело по стеклам дождь.

Переворот в Югославии, взошел на престол Петр II, Павел бежал в Афины. Озлобление против немцев (по газетам) – страшное [...]

31 марта послал заказное в Виши насчет денег мне из Белграда и такое же грасскому сборщику податей о своих доходах за 40-й год – не показал, разумеется, ничего. [...]

7. IV. 41. Понедельник.

Вчера в 121/2 дня радио: немцы ночью вторглись в Югославию и объявили войну Греции. Начало страшных событий. Сопротивление сербов будет, думаю, чудовищное. И у них 7 границ и побережье!

В 4 поехал в Cannes, отвез Барсукову, едущему в Америку, пакет с рукописями всей своей новой книги – кроме "Натали", для передачи Алданову. Второй отдел кончается 185-ой стр. [...]

Забыл: вчера же другая огромная весть: англичане взяли в субботу вечером Аддис-Абебу. [...]

11. IV. 41. Пятница. (Католич. Страстная)

Проснувшись около 8, лежал, покорно ду-

мая: ну, что ж, если даст Бог веку, надо жить, смирившись. [...]

В 10 прошелся по Route Napoleon. Полнолуние, вся долина в тонком тумане, во впадинах полосы бело-голубого тумана.

Еще раз (кажется, окончательно) перечитал (днем) "Натали", немного почеркал, исправил конец последней главы. [...]

Пишу в первом часу ночи, очень усталый и грустный, в ожидании, что скажет англ. радио (слушает Бахр.).

12. IV. 41.

Солнечное утро, но не яркое, не ясное, облака.

Австрия, Чехия, Польша, Норвегия, Дания, Голландия, Бельгия, Люксембург, Франция, теперь на очереди Сербия и Греция – если Германия победит, что с ней будет при той ненависти, которой будут одержимы к ней все эти страны? А если не победит, то дальше и думать страшно за немецкий народ. В Белграде, пишут газеты, сейчас тысячи трупов под развалинами – простят это сербы? Да, еще Румыния, Венгрия – 13 стран! [...]

18. IV. 41.

[...] Избегаю читать газеты и слушать радио. [...]

По огородам уже давно висят подушки мелких фиолет. цветочков; зацвела сирень, иудино дерево, каштанчик весь в нежнейшей зелени, рядом деревцо все в зеленовато-коричн. листве и розовых цветах – нарядно удивительно.

В полдень радио: югославск. армия сдалась "sans conditions".

20. IV. 41. Св. Христово Воскресение.

Христос Воскресе, помоги Господи!

С утра пухлые облака, солнце, сейчас (полдень) серо, тихо, неподвижно. Дубы уже дымчато засерели зеленью.

Тобрук еще держится, греческий флот тоже. [...]

23. IV. 41. Среда.

[...] 34 года тому назад уехали в этот день с Верой в Палестину. Боже, как все изменилось! И жизни осталось на донышке.

Радио, вальс, который играли в Орле на балах и в городском саду. [...]

27. IV. 41. Воскресенье.

В шестом часу вернулись с Верой от Самой-

ловых – завтракали (курица под белым соусом). С утра солнечно, но дуло холодным ветром, вроде мистраля.

Г. сказала: слушали радио – на Акрополе немецкий флаг. Вот тебе и Англия. Сейчас (около шести) тихо, слабое закатное солнце по равнине, все неподвижно. И также неподвижно, грустно-покорно на душе.

Слух, что умер Шмелев.

Нет больше ни Югославии, ни Греции. Все погибло в один месяц.

2. V. 41.

Солнце, довольно слабое, облака.

Начал еще раз перечитывать "Темные аллеи". Перечитал и кое-где почеркал весь первый отдел.

В пятом часу чуть не час гроза: фиолетовое с белым полированным блеском мелькание, затем, через неск. секунд, удары с затяжкой, разрывы, тяжкий стук, дребезг стекол и раскаты с одной стороны неба на другую, отходящее шипение.

12 тысяч немцев с танками в пр. в Финляндии – это в швейц. газете – будто бы идут на отдых из Норвегии. Предостережение Стали-

ну? В пять минут возьмем Птб., ежели ты...?

13 Мая 41.

[...] Ночью вчера англ. радио: улетел, сбежал Hess, 215 упал на парашюте в Англии, сломал себе ногу. Непонятная история. [...]

Был дождь и гроза. Серо, влажно. Птицы, соловей.

Мой вес 10 июня 40 г.: 72-71. [...]

Ходили в город, добывали папиросы. Очередь, хвосты. Серый табак стоит уже 6 фр.

14. V. 41. Среда.

[...] Вечерн. русское радио: в Швеции скоро не будет мяса. Да, через полгода вся Европа – и Германия в том числе – будет околевать с голоду. "Nouvelle Europe"!

Америка, очевидно, вот-вот войдет в войну.

Жалкая посылка (нынче утром) из Португалии: колбаса, пакетик картофельной муки, 2 маленьких плитки шоколада, пакетик чаю – все самого дрянного качества. Но и то праздник!

16. V. 41.

Был вчера с Бахр. в Cannes, сидели с Кантором в "Clarige'e", потом в кафе "Пикадилли".

Съели с радостью и удивлением по 2 бутерброда – с яйцом и с сардинкой. Красавица в платье с маргаритками – маргаритки по красной блузке и марг. по синей юбке. [...]

101/2 часов вечера. Зуров слушает русское радио. Слушал начало и я. Какой-то "народный певец" живет в каком-то "чудном уголке" и поет: "Слово Сталина в народе золотой течет струей..." Ехать в такую подлую, изолгавшуюся страну!

Прочел еще одну книжку Marcel Prevost "Lettres de femmes". Пошное ничтожество. И был славен. [...]

17. V. 41. Суббота.

Мутный день с ветром. Письмо от П. Б. Струве из Белграда – от 1 Апреля. [...]

Скучно – и все дивишься: в каком небывало позорном положении и в каком голоде Франция!

22. V. 41. Четв. Католич. Вознесение.

[...] С Ривьеры высылают куда попало 2 тысячи евреев. Перед завтраком заходил к Полонским в Hotel Victoria на Victor Hugo. Когда-то жил тут Боборыкин, жил в ту зиму, когда мы с Найденовым были в Ницце. [...] Кон-

чил перечитывать "Madame Bovary", начал перечитывать "Былое и думы". У Герцена многое очень скучно. Перечитываю, скорее всего, в последний раз в жизни немного мне осталось лет. (...)

Почти 12 ч. ночи (по новому времени). Днем было голодно, хочется спать, но м. б., дождусь англ. полночного радио.

Лягушки, сыро, облака и звезды. Вот уже скоро 2 года – ни одного немецкого поражения!

25. V. 41. Воскресенье.

Будто бы потоплено в Средиз. море много англ. военных судов и в Атлант, океане самое большое. На Крите бои еще идут.

"День матерей". Чуть не весь день этот грасский колок[ольный] звон (как часто в мае). Погода к вечеру немного портится – ветер пошел с Италии. Множество роз у нас в саду – белых, розовых, темно-красных.

В. принесла утром кусок белого хлеба – выдавали бесплатно, по карточкам хлеб из белой муки, подаренной Франции Америкой. Чудесный хлеб! Мы едим отвратит., кислый, желто-серый.

5. VI. 41.

[...] Слабость, сонливость, подавленность.

Все гадают: что дальше? Кипр?

Маки вдоль стены тисов перед нашей часовней – яркий огненный цвет (на солнце с оранжевым), их легкость. В саду много роз: чайные (палевые), белые с зеленоватым оттенком. Палевые, высыхая, желтеют (цвет желтка).

12. VI. 41.

Ездил в Ниццу, завтракал с Еленой Александровной фон Розен-Мейер, рожденной Пушкиной – дочь А. А. Пушкина, родная внучка Александра Сергеевича.

15. VI. 41.

Вчера у нас завтракала и пробыла до 7 вечера Е.А., эта внучка Пушкина.

Неделю тому назад англичане начали наступление на Сирию.

16. VI. 41. Понед., вечер.

Прошлый год мы в этот вечер были в Ниме, по пути куда-то к черту на рога.

Презрение первых христиан к жизни, их отвращение от нее, от ее жесткости, грубости, животности. Потом варвары. И уход в пеще-

ры, в крипты, основание монастырей... Будет ли так и в 20, в 21 веке? [...]

21. VI. 41. Суббота.

Везде тревога: Германия хочет напасть на Россию? Финляндия эвакуирует из городов женщин и детей... Фронт против России от Мурманска до Черного моря? Не верю, чтобы Германия пошла на такую страшную авантюру. Хотя черт его знает. Для Германии или теперь или никогда – Россия бешено готовится.

Послал телеграмму Алданову: "Pas nouvelles ni argent"*. 12 слов, 77 фр.

В городе купили швейцарские газеты: "отношения между Герм. и Россией вступили в особенно острую фазу". Неужели дело идет всерьез?

С некоторых пор каждый день где-то в Грассе ревет корова. Вспоминается Россия, ярмарки. Что может быть скучнее коровьего рева!

Одиннадцатый час вечера: швейцарское радио о падении Дамаска.

Туманный вечер, еще не совсем стемнело (ведь наши часы на 2 часа вперед), множество лючиолей: плывут вверх, вниз, вспыхивают

желто-зеленовато, гаснут и опять вспыхивают;

от них в деревьях, в тени темнее, таинственнее.

22. VI. 41. 2 часа дня.

С новой страницы пишу продолжение этого дня – великое событие – Германия нынче утром объявила войну России – и финны и румыны уже "вторглись" в "пределы" ее.

После завтрака (голый суп из протертого гороха и салат) лег продолжать читать письма Флобера (письмо из Рима к матери от 8 апр. 1851 г.), как вдруг крик Зурова: "И. А., Герм. объявила войну России!" Думал, шутит, но то же закричал снизу и Бахр. Побежал в столовую к радио-да! Взволнованы мы ужасно. [...]

Тихий, мутный день, вся долина в беловатом легком тумане.

Да, теперь действительно так: или пан или пропал.

* ни новостей, ни денег (фр.).

23. VI. 41. Понедельник.

В газетах новость пока одна, заявление наступающих на Россию: это "la guerre sainte

pour préserver la civilisation mondiale du danger mortel di bolchevisme".*

Радио в 121/2 дня: Англия вступила в военный союз с Россией. А что же Турция? Пишут, что она останется только "зрительницей событий". [...]

Мутный, неподвижный день.

24. VI. 41.

Ночью болела голова и горло. Прекрасное тихое утро. И позавчера и вчера Россию в 101/2 вечера уже не слышно.

Письма Флобера из Египта (1850 г.) превосходны. Вообще, совершенно замечательный был человек.

Весь день лежу и читаю. 37 и 2.

Начал читать (с конца) рассказы Левитова, 216 прочел (вернее, просмотрел) уже страниц 300- совершенно нестерпимо, пошло и бездарно до тошноты. Но среди всего этого "Горбун" писал точно другой человек. И теперь я опять испытал некоторое очарование. И замечательно: с изумлением увидел, что много мест и фраз я помню с тех пор чуть не наизусть.

Утром в газетах первое русское военное со-

общение: будто бы русские уже бьют немцев.
Но и немцы говорят, что бьют русских.

Опять весь день думал и чувствовал: да
что же это такое – жизнь Г. и М. у нас, их зло-
ба к нам, их вечное затворничество у себя! И
вот уже третий год так живут!

29. VI. 41.

*Послал Олечке открытку:
С постели рано я вскочил:
Письмо от Оли получил!
Я не читал и не молчал,
А целый день скакал, кричал:
"Как наша Оля подросла!
Переросла она осла!
А ведь не маленький осел
Он ростом выше, чем козел.
Потом, смотрите, как она
Ужасно сделалась умна!
Должно быть, очень хорошо
Сдала экзамен на башо
У кур и кроликов своих,
Когда зимой кормила их!"
Но оказалось, что во сне
Вся эта глупость снилась мне,
Что я письма не получал
И не скакал и не кричал...
И так обиделся я вдруг,*

Что посинел и весь распух.

30. VI. 41.

[...] И вообще становлюсь все грустнее и грустнее: все, все давит мысль о старости. [...]

Итак, пошли на войну с Россией: немцы, финны, итальянцы, словаки, венгры, албанцы (!) и румыны. И все говорят, что это священная война против коммунизма. Как поздно опомнились! Почти 23 года терпели его!

Швейцарские газеты уже неинтересно читать.

В двенадцатом часу полиция. Рустан с каким-то другим. Опрос насчет нас трех мужчин, кто мы такие, т. е. какие именно мы русские. Всем трем арест при полиции на сутки – меня освободили по болезни, Зурова взяли; Бахрак в Cannes, его, верно, там арестовали. Произвели осмотр моей комнаты.

Рустан вел (себя) удив. благородно.

Во втором часу радио: Франция прервала дипломат. отношения с Россией ввиду ее мировой коммунистич. опасности.

8 часов вечера.

Был др. Deville, осматривал меня. Веру и Маргу.

Часа в три приехал из Cannes Бахр., пошел в полицию и должен провести там ночь, как

* святая война во имя спасения мировой цивилизации от смертельной угрозы большевизма (фр.).

и Зуров. А, м. б., еще и день и ночь?

На душе гадко до тошноты.

Слухи из Парижа, что арестован Маклаков (как и все, думаю).

Радио – немцы сообщают, что взят Львов и что вообще идет разгром "красных".

Поздно вечером вернулись М. и Г., ходившие в полицию на свидание с З. и Б., которым отнесли кое-что из еды и для спанья. Оказалось, что всех арестован, русских (вероятно, человек 200-300) отвезли за город в казармы; М. и Г. пошли туда и видели во дворе казармы длинную вереницу несчастных, пришибленных (и в большинстве оборванных) людей под охраной жандармов. Видели Самойлова, Федорова, Тюкова, взятых с их ферм, брошенных у некоторых, несемейных, на полный произвол судьбы со всеми курами, свиньями,

со всем хозяйством. Жестокое и, главное, бессмысленное дело.

1. VII. 41. Вторник.

С горя вчера все тянул коньяк, ночь провел скверно, утром кровь. Вера бегала в город покупать кое-что для наших узников, потом была в казарме (это километров 5, 6 от города туда и назад). Видела З. и Б. Они ночевали на полу, вповалку со множеством прочих.

Вчера перед вечером и весь вечер грохотало громом. Нынче с утра солнечно, с полудня тучки, редкий дождь изредка. На душе тупая тошнота. Валяюсь и читаю Флобера (его письма 70-го года).

В Эстонии уже горят леса. Думаю, русские будут жечь леса везде.

Вечер, 91/2, т. е. по-настоящему 71/2. Мутно, серо, мягко, все впадины долины в полосах белесого дыма – оч. тихо, дым от вечерних топок не поднялся.

Не запомню такой тупой, тяжелой, гадливой тоски, которая меня давит весь день. Вспомнилась весна 19-го года, Одесса, большевики – оч. похоже на то, что тогда давило.

Наши все еще в казарме. Г. и М. были там

вечером, видели Б., З., Самойлова, Федорова – этот о своей собаке: "нынче моего сукина сына еще покормят, а завтра? Издохнет сукин сын!" Город прислал в казармы кровати, будет кормить этих узников. Большое возмущение среди французских обывателей тем, что делается.

Как нарочно, читаю самые горькие письма Флобера (1870 г., осень, и начало 1871 г.).

Страшные бои русских и немцев. Минск еще держится. Желтоватая, уже светящаяся половина молодого месяца. Да, опять "Окаянные дни"!

2 VII. 41.

Проснулся в 6, оч. плохо себя чувствуя. В. встала еще раньше и ушла – в казарму, очевидно. Заснул до 8 1/2, сладостр. сны. В 9 телеграмма М. от кого-то. Г. вошла, прося 5 фр. для телеграфн. мальчишки и сказала, что сами русские только что объявили, что они сдали Ригу и Мурманск. Верно, царству Сталина скоро конец. Киев, вероятно, возьмут через неделю, через две.

Приезд в Париж 28 марта 20 г., каштаны, новизна и прелесть всего (вплоть до колбас-

ных лавок...). Какая была еще молодость! Праздничные дни были для всех нас.

3. VII. 41. Часов в 8 вечера вернулись из казарм Бахр. и Зуров. Там было все-таки тяжело – грязь, клопы; спали в одной камере (правда, большой) человек 30. Сидели и ждали опросов. Но никто ничего не спрашивал. А нынче вдруг приехала какая-то комиссия, на паспортах у всех поставила (пропуск.- О. М.) и распустила всех. Глупо и безобразно на редкость.

5.VII.41. Суб.

С утра довольно мутно и прохладный ветерок. Сейчас – одиннадцатый час идет на погоду. И опять, опять, как каждое утро, ожидание почты. И за всем в душе тайная боль – ожидание неприятностей. Изумительно! Чуть не тридцать лет (за исключением десяти, сравнит, спокойных в этом смысле) живешь в ожидании и всегда в поражении своих надежд!

Пришла газета. Немцы: "сотни тысяч трупов красных на полях сражений..." Русские: "тысячи трупов немцев на полях сражений..."

"Блажен, кто посетил сей мир". На мою до-

лю этого блаженства выпало немножко много! J'en ai assez!

6. VII. 41.

Неподвижный день с пухлым облачным небом. Вчера письмо от Andre Gide (он в Gabris've), беспокоится за меня в связи с арестами русских. Очень меня тронул.

Нынче ответил ему.

Ожидания! Жизнь вообще есть почти постоянное ожидание чего-то.

Читаю "Моя жизнь дома и в Ясной Поляне" Т. А. Кузминской. Очень много пустяков, интересных только ей.

Противно – ничего не знаешь толком, как идет война в России.

Англ. радио: Иден217 сказал, что через 2 недели произойдет нечто такое, что поразит весь мир.

Новая мудрая мера: высылают,- вернее, рассылают, куда попало и неизвестно зачем, англичан. М-те Жако, прожившая в Грассе всю жизнь, должна уехать с детьми (и бросить весь свой дом) в какое-нибудь глухое место из тех шести, что ей предложили на выбор – в горах выше Грасса и еще где-то.

8. VII. 41. Понедельник.

[...] Ездил один в Cannes. Купался. Жара, когда вышел из дому на автобус, страшная. На берегу песок как огонь.

Сидел в "Клэридже" – пустота, скука. Послал Олечке открытку:

Пишу тебе два mots, Целую за письмо, За чудную картинку, Где Ваня кормит свинку.

В сумерки началась гроза, все увеличиваясь, все больше трепеща, дергаясь и вслед за тем на мгновение все открывая и заливая бледно-сиреневым светом; все усиливались и учащались удары грома, иногда соверш. оглушительные. Так и заснул под эти удары (около 12). Уже шумел ливень, точно заливая огонь молний (необъятных полетов, при которых иногда над Cannes в полнеба сверкала, извиваясь, огненно-золотистая змея).

9. VII. 41. Среда.

С утра серо и прохладно. Потом только серо, стало теплей. Сбежал в город, купил бутылку джину (франц.) и 4 полбутылки коньяку. Сейчас около 5 часов. В газетах о том, как бешено, свирепо бьются русские.[...]

11 ч. вечера. Мутная невысокая луна, кусо-

чек розового моря вдали за Cannes. Лягушки, серо, прохладно.

13. VII. 41. Воскресенье.

Прохладно, слабое солнце (утро).

Взят Витебск.. Больно. [...] Как взяли Витебск? В каком виде? Ничего не знаем! Все сообщения – с обеих сторон – довольно лживы, хвастливы, русские даются нам в извращенном и сокращенном виде.

М. и Г. были на "Казбеке". Генер. Свечин говорил, что многие из Общевоинского Союза предложили себя на службу в окуп. немцами места в России. Народу- полно. Страстн. аплодисм. при словах о гибели большевиков.

14. VII. 41. Понедельник.

Немцы говорят, что уже совсем разгромили врага, что взятие Киева – "вопрос нескольких часов". Идут и на Петербург.

Отличная погода, чувствую себя, слава Богу, не плохо. В городе все закрыто – праздник, "взятие Бастилии". Но ни танцев, ни процессий...

Вчера еще сообщено о подписании военного союза между Россией и Англией. В газетах об этом только нынче. Немецкие сообщения

оглушительны.

17. VII. 41. Четверг.

[...] купил "Ed. du Soir": "Смоленск, пал".

Правда ли?

21.VII.41. Понедельник.

[...] Кто-то писал месяца 11/2 тому назад, что умер В. В. Барятинский. Вспоминаю, как он приехал в Париж лет 20 тому назад. Слухи, что арестованы Деникин и Евлогий.218

24. VII. 41. Четверг.

Мутный день. Ночью много спал.

Третий раз бомбардировали Москву. Это совсем ново для нее!

Газеты, радио – все брехня. Одно ясно – пока "не так склалось, як ждалось".

29. VII. 41. Вторник.

Вчера купался. Зеленая, чистая, довольно крупная волна. И опять, опять изумление: ничего нигде во всем городе – куска хлеба не купишь. Выпил на голодный желудок крохотную бутылочку лимонного сока.

Вчера и сегодня все время читал первый том рассказов Алешки Толстого. Талантлив и в них, но часто городит чепуху как пьяный. [...]

2. VIII. 41.

Серо, ветер, после полудня дождь от времени до времени. [...]

Вере, с которой вчера дошел до Грасса, после Cannes было плохо. Худеет и стареет ужасно.

Опять, опять перечитал за последние 3 дня 1-й том "Войны и мира". Кажется, особенно удивительна первая часть этого тома.

3. VIII. 41. Воскр.

Был с М. и Г. у Самойловых. Очень сытный завтрак.

Ел с дикарской мыслью побольше наесться.

Читал I книгу "Тихого Дона" Шолохова. Талантлив, но нет словечка в простоте. И очень груб в реализме. Очень трудно читать от этого с вывертами языка с множеством местных слов.

С утра хмурилось. Потом солнце, но с тучами. Было душно, чувствовал себя тупым и слабым.

В газетах все то же и вся та же брехня. (...)

6. VII. 41.

Сейчас 3 часа, очень горячее солнце. Юг

неба в белесой дымке, над горами на востоке кремовые, розоватые облака, красивые и неясные, тоже в мути. Там всегда моя сладкая мука. [...]

7. VIII. 41. Четверг.

С утра нечто похожее на утро начала русской осени – небольшая свежесть в воздухе, горьковатый запах дыма, легкий туман в долине.

Днем совсем распогодилось, но прохладн. ветер.

Немецкая большая сводка: чудовищные потери русских людьми и воен. материалом. "Полная победа" немцев.

10. VIII. 41.

Был с Б. в J. les Pins. Взял 1000 фр. у Левина.

На солнце зной, в тени почти холодн. ветер. Опять дивился красоте залива, цветистости всего.

По немецк. сообщениям положение русских без меры ужасно.

Уже 2 воскресенья нет почты по утрам: воскресная доставка запрещена правительством.

3. был у Тюкова. Вернулся в восторге, в

страшной бодрости. Ничего не поймешь!

Русские уже второй раз бомбардировали Берлин.

Что-то оч. важное решается в Виши.

12. 8. 41.

Погода все последнее время все-таки неважная. Солнце, облака, ветер с востока. Печет – и прохладный ветер. "Politique Bulgare. Mot d'ordre: lutter contre le bolchevisme!"*

Страна за страной отличается в лживости, в холопстве. Двадцать четыре года не "боролись" – наконец-то продрали глаза. А когда ко мне прибежал на Belvedere сумасшедший Раскольников²¹⁹ с беременной женой (бывший большевицкий посланник в Болгарии), она с восторгом рассказывала, как колыбель их первенца тонула в цветах от царя Бориса. [...]

Вести с русских фронтов продолжаю вырывать и собирать.

Кончил "La porte étroite". Gide'a.** Начало понравилось, дальше пошло что-то удивительно длинное, скучнейшее, совершенно невразумительное. [...]

"Москва под ударом" Белого²²⁰:

– За сквером просером пылел тротуар...- Там алашали...- Пхамкал, и пхымкал...- Протух в мерзи...- Рукач и глупач... И так написана вся книга.

Да, не оглядывайся назад – превратишься в соляной столп! Не засматривайся в прошлое!

Шестой (т. е. четвертый) час, ровно шумит дождь, сплошь серое небо уже слилось вдали с затуманенной долиной. И будто близки сумерки.

Семь часов, за окнами уже сплошное, ровное серое, тихо и ровно шумит дождь. Уже надо было зажечь электричество.

22. 8. 41. Пятница.

В прошлую пятницу (15, католическое Успенье) был в Cannes. Уже не помню, купался ли. Возвратясь, шел домой, сидел, смотрел на горы над Ниццей – был прекраснейший вечер, горы были неясны, в своей вечной неподвижности и будто бы молчаливости, задумчивости,

* Политика Болгарии. Лозунг: бороться против большевизма! (фр.).

** "За закрытой дверью" Жида (фр.).

будто бы таящей в себе сон, воспоминания всего прошлого человеческой средиземной истории.

Прочел в этот вечер русское сообщение: "мы оставили Николаев". [...]

Рузвельт сказал, что, если будет нужно, война будет и в 44 году.

Сейчас (около полудня) газета; итальянок, газеты пишут, что война будет длиться 10 лет! Идиотизм или запугивание? Да, Херсон взят (по нем. сообщению), Гомель тоже (рус. сообщение).

Война в России длится уже 62-ой день (нынче).

Олеандры в нынеш. году цветут у нас (да и всюду) беднее – цвет мельче, реже. И уже множество цветов почернело, пожухло и свалилось.

Как нарочно, перечитываю 3-й т. "В[ойны] и м[ира]", - Бородино, оставление Москвы.

Ветер с востока, за горами облака, дует, довольно прохл. в приоткр. окна. Но в общем солнечно.

24.8.41. Воскр.

Вчера Cannes, купался. Никого не видал.

Юбочки, легкие, коротенькие, цветистые, по-старинному простые, женств., которые носят нынешнее лето. Стучат дерев. сандалиями.

Немцы пишут, что убили русских уже более 5 миллионов.

С неделю тому назад немцы объясняли невероятно ожесточенное сопротивление русских тем, что эта война не то, что во Франции, в Бельгии и т. д., где имелось дело с людьми, имеющими "intelligence", - что в России война идет с дикарями, не дорожащими жизнью, бесчувственными к смерти. Румыны вчера объяснили иначе - тем, что "красные" идут на смерть "под револьверами жидов-комиссаров". Нынче румыны говорят, что, несмотря на все их победы, война будет "непредвиденно долгая и жестокая".

Днем нынче было соверш. палящее солнце - настоящий провансальский день.

28. 8. 41. Четверг.

Был Andre Gide. Оч. приятное впечатл. Тонко, умен - и вдруг: Tolstoy asiatique. В восторге от Пастернака (как от человека - "это он мне открыл глаза на настоящ. положение в

России"), восхищ. Сологубом.

Вечером известие, что Персия сдалась.

Вчера: ранен Лаваль221 (на записи волонтеров франц., идущих воевать с немцами на Россию). [...]

Gide видел Горького, но в гробу.

В Париже выдается литр вина на человека на целую неделю.

30.8.41. Суб.

С утра солнце, потом небо замутилось, совсем прохладно. Ночью ломило темя и трепетало сердце – опять пил на ночь (самод. водку)!

Взят Ревель. [...]

Кончил вчера вторую книгу "Тихого Дона". Все-таки он хам, плебей. И опять я испытал возврат ненависти к большевизму.

5.IX. Пятн.

Купался за эти дни 3 раза. В среду был в Ницце, завтракал с Пушкиной. Выпил опять лишнее. Спьяну пригласил ее к нам в среду.

У Полонских получил письмо от Алданова.

Дни в общем хорошие, уже немного осенние, но жаркие.

Контрнаступление русских. У немцев дела

неважные.

Кровь, но не сильная.

Вчера ездил с М. и Г. (в Cannes), после купанья угощал их в "Пикадилли".

Китайские рассказы Pearl Buck.222 Прочел первый. Очень приятно, благородно. Ничего не делаю. Беспокойство, грусть.

В газетах холопство, брехня, жульничество. Япония в полном мизере всяческом. Довоевались, с. в. м.!

Нынче 76-ой день войны в России.

7. IX. 41. Воскр.

Серо и прохладно. Безвыходная скука, одиночество. Нечего читать – стал опять перечитывать Тургенева: "Часы", "Сон", "Стук, стук", "Странная история". Все искусственно, "Часы" совершенно ненужная болтовня. [...]

Бесстыжая брехня газет и радио – все то же! Утешают свой народ. "В Пет. мрут с голоду, болезни..." – это из Гельсингфорса. Откуда там что-ниб. знают? [...]

14. IX. 41. Воскр.

В ночь с 10 на 11, в час с половиной проснулся от стука в дверь – оч. испугался, думал, что с В. что-н. Оказалось – было два

страшных удара, англ. бросили бомбы между Восса и Mandelieu на что-то, где будто бы что-то делали для немцев. Я не слышал, а когда кинулся к окну, увидел нежную лунную ночь и висячий невысоко в воздухе над Восса малиновый овал – нечто жуткое, вроде явленной иконы – это освещали, чтобы видеть результаты бомбардировки. Говорят, разрушены и сожжены какие-то ангары. [...]

Опять перечитываю "Вешн[ие] воды". Так многое нехорошо, что даже тяжело.

Нынче прекрасное, солнечное, но прохл. утро.

На фронтах все то же – бесполезное дьявольское кровопролитие. Напирают на Птб. Взяли Чернигов.

16.1X.41. Вторн.

Ждем к завтраку Левина, Адамовича и Andre Gide.

19. IX.41.

Во вторник все названные были. Я читал "Русю" и "Пашу". [...]

Во время обеда радио: взята Полтава. В 9 часов: – взят Киев.

Приходили ко мне М. и Г.- Галина ревет,

пила у меня rose.

Взято то, взято другое... Но – а quoi bon? Что дальше? Россия будет завоевана? Это довольно трудно себе представить!

22. IX. 41. Понедельник.

Русское радио: "мы эвакуировали Киев". Должно быть, правда, что только вчера, а не 19-го, как сообщали немцы.

Г. и М. продолжают еще раз переписывать мои осенние и зимние рассказы, а я вновь и вновь перечитывать их и кое-где править, кое-что вставлять, кое-что самую малость – зачеркивать.

Потери немцев вероятно чудовищны. Что-то дальше? Уже у Азовского моря страшный риск...

Послал (завтра утром отнесет на почту Бахрак) Олечке письмо: три маленьких открытки шведских и стихи:

Дорогая Олечка,
Подари мне кроличка
И пришли в наш дом
Заказным письмом.
Я его затем
С косточками съем,

Ушки пополам
Марге с Галей дам,
А для прочих всех
Лапки, хвост и мех.
23. IX. 41. 24. IX. 41.

[...] Майский, 223 русский посланник в Англии, заявил англ. правительству, что немцы потеряли людьми около трех с половиной миллионов, но что и у русских потери очень велики, что разрушены многие индустр. центры, что Россия нуждается в англ. помощи... Это англ. радио. Французское радио сообщило одно: "Майский признал, что положение русских катастрофично, что потеря Киева особенно ужасна..."

Прекрасная погода.
25. IX. 41.

Прекрасное утро. Проснулся в 7. Бахр. и 3. поехали за картошками к Муравьевым.

М. и Г. переписывали эти дни "Натали". Я еще чуть-чуть почеркал.

Питаемся с большим трудом и очень скудно: в городе решительно ничего нет. Страшно думать о зиме,

28. IX. 41. Воскр.

Прекрасный день, начинался ветер, теперь стих (три часа). Как всегда, грустно-веселый, беспечный трезвон в городе. [...]

Третий день не выхожу – запухло горло, был небольшой жар, должно быть, простудился, едучи из Cannes в четверг вечером, сидя в задку автобуса возле топки.

Кончил "Обрыв". Нестерпимо длинно, устарело. Кое-что не плохо.

Очень грустно, одиноко.

30.IX.41. Вторник.

Хорошая погода. Именины Веры, завтрак с Самойловыми, они привезли жареную утку.

Кровь. Сказка про Бову продолжается – "одним махом семьсот мух побивахом". "Полетел высоко-где-то сядет?"

8.X.41. Среда.

[...] Вчера вечером вернулся из Ниццы Бахр. А. Gide сейчас там. Какой-то швейц. издатель, по его реком., хочет издать на франц. языке мою новую книгу. Вот было бы счастье!

В Сербии и Чехии заговоры, восстания и расстрелы. [...]

9.X.41. Четверг.

Проснулся в 61/2 (т. е. 51/2 – теперь часы пе-

реведены только на час вперед), выпил кофе, опять заснул до 9. Утро прекрасное, тихое, вся долина все еще (сейчас 101/2) в светлом белесом пару. Полчаса тому назад пришел Зуров радио в 9 часов: взят Орел (сообщили сами русские). "Дело оч. серьезно". Нет, немцы, кажется, победят. А может, это и не плохо будет?

Позавчера М. переписала "Балладу". Никто не верит, что я почти всегда все выдумываю – все, все. Обидно! "Баллада" выдумана вся, от слова до слова – и сразу в один час: как-то проснулся в Париже с мыслью, что непременно надо что-нибудь «послать» в "Посл. Н.", должен там; выпил кофе, сел за стол – и вдруг ни с того, ни с сего стал писать, сам не зная, что будет дальше. А рассказ чудесный.

Нынче Ницца встречает Дарлана.²²⁴

Как живет внучка Пушкина и чем зарабатывает себе пропитание!

11. X. 41. Суббота.

Самые страшные для России дни, идут страшные бои – немцы бросили, кажется, все, все свои силы. "Ничего, вот-вот русские перейдут в наступление – и тогда..." Но ведь то

же самое говорили, думали и чувствовали и в прошлом году в мае, когда немцы двинулись на Францию. "Ожесточенные бои... положение серьезно, но не катастрофично..." – все это говорили и тогда.

14. X. 41. Вт.

Рождение В. Завтракали у Тюкова.

17. X. 41. Пятница.

Вчера вечером радио: взяты Калуга, Тверь (г. Калинин по-"советски") [...] и Одесса. Русские, кажется, разбиты вдребезги. Д. б., вот-вот будет взята Москва, потом Петербург... А война, д. б., будет длиться всю зиму,- м. б. и больше. Подохнем с голоду. [...]

18. X. 41.

Вчера кончил перечитывать "Обломова". Длинно, но хорошо (почти все), несравненно с "Обрывом". [...]

19. X. 41. Воскр. Пошел пятый месяц войны.

Недели 2 т. н. перечитал три романа Мориака. Разочарование.

Нынче кончил "Lecole des femmes" Gide'a. Скучно, пресно, незначительно. Зачем это написано? Умный человек, прекрасно пишет, знает жизнь – и только.

[Без даты]

Когда ехал в среду 22-го из Ниццы в Cannes в поезде, голубое вечернее море покрывалось сверху опалом.

29. X. 41. Среда.

[...] В среду 22-го был в Ницце, много и очень бодро ходил, в 51/2 вошел на набережной в грасский автобус, чуть не всю дорогу стоял,- так было много народу, как всегда,- бодро поднялся в гору домой. Утром на другой день,- в день моего рождения, 23-го,- потерял так много крови, что с большим трудом сошел в столовую к завтраку, съел несколько ложек супу (как всегда, вода и всякая зелень, пресная, осточертевшая) и пересел в кресло к радио, чувствуя себя все хуже, с головой все больше леденеющей. Затем должен был вскочить и выбежать на крыльцо – рвота. Сунулса назад, в дом, в маленький кабинет возле салона – и упал возле дивана, потеряв сознание. Этой минуты не заметил, не помню – об этом узнал только на другой день, от Г., которая, подхватив меня с крыльца, тоже упала, вместе со мной, не удержав меня. Помню себя уже на диване, куда меня втащил Зуров, в ме-

тании от удушения и чего-то смертельно-отвратительного, режущего горло как бы новыми приступами рвоты. Лицо мое, говорят, было страшно, как у настоящего умирающего. Я и сам думал, что умру, но страха не испытывал, только твердил, что ужасно, что умру, оставив все свои рукописи в беспорядке.

Прибежавший из Helios'a (из maison de sante возле нас) доктор (оч. милый венгерский еврей) был, как я видел, очень растерян. Хотел сделать впрыскивание камфоры – я с удивившей его энергией послал это впрыскивание к черту, потребовав камфарных капель. Кроводавления у меня оказалось всего 7 – доктор сказал, что меня спасло только мое сильное от природы сердце, пульс одно время был чуть ли не совсем не слышен.

Дня три я лежал после того в постели – слабость, озноб и жар: почему-то то падала, то поднималась – температура, доходя иногда до 37,5. М. б. была и легкая отравка – за завтраком в Ницце, где дали вместо печенки какой-то мерзкий стусок – легкого, что ли, - черно-багровый, мягкий, текущий сукровицей – я с голоду съел половину его. Вчера и нынче уже

не в постели, чувствую себя не плохо, только нынче вдруг опять сильная кровь. Читал (перечитывал) эти дни Бруссона "A. France en pantoufles" – много интересного, но много и скучной болтовни.

В Нанте и в Бордо немцы расстреляли за эти дни 100 человек заложников (по 50 на каждый из этих городов) – за то, что и в Нанте и в Бордо в один и тот же день было убито по немцу (из высших чинов).

Как раз во время моего припадка приходила Татьяна Мих. Львова-Толстая (дочь Мих. Льв. Толстого, сына Льва Ник.).

В среду 22-го была прекрасная совсем почти летняя погода. В четверг было светло, но уже холодно. И начались холода – как никогда рано. Были чуть не зимние дни, пока я лежал. Нынче ледяная светлая ночь, почти 3/4 луны.

1. XI. 41. Суб.

Завтракала у нас Т. Мих. Она гостит у своей знакомой в Sabris, живет в Марокко. Читал ей "Бал[ладу]" и "Поздний час".

6. XI. 41. Четверг.

5.35 вечера. Вернулись из "Сонино" (пеш-

ком). Сижу на постели, гляжу на море и Эстерель. Долина синевато туманится. Море слабо белеет. Над ним сизо, над сизым чуть румянится. Прелестно синееет Эстерель. За ним, правее, чуть смугло снизу, бруснично, выше чуть желтовато, еще выше зеленовато (и чем выше, тем зеленее, но все оч. слабо). К Марселю горизонт в сизой мути, выше мутно-кремовато, еще выше – легкая зелень. И все – пасть.

6 часов. Туманность долины исчезла, выделилась на темно-зеленом белизна домиков по долине. Спектр красок на западе определеннее, гуще. Над Тулоном довольно высоко – звезда (без очков для дали) круглая, крупная, дырчатая круг брильянтов жидких; в очках – небольшая, оч. блестящая точка, золотая, с блестящими лучами. [...]

Воскресенье. 9. XI. 41.

Ночь, дождь, холод. Не такая была ночь когда-то – 8 лет тому назад 9 Ноября! (Премия.)

11. XI. 41.

Мрачные тучи, дождь, иногда ливень, туман. Ночь, проснулся, страх смерти.

Липа под моим окном уже почти вся осы-

палась, чуть не в один день.

Вчера в газетах речь Гитлера. Говорил, что установит "новую Европу на тысячи лет".

В России уже снег и дожди.

Письмо к Марге от Степуна о сумасшествии их матери.

21. XI. 41. Пятница.

В среду поехал с Бахр. в Ниццу (глав. обр. к Дмитренко – холодеет и немного мертвеет правая рука). Дм. уехал к Куталадзе и к нам. Ночевал. Утром он ко мне зашел, сказал, что рука пустяки, что у нас он осмотрел Веру, Г. и Зурова – все сравн. слава Богу – и что у нас описали мебель за долги нашей хозяйке. [...] Обедали еще и с Жидом – все в "Императоре". В четверг завтрак в Grande Bleu – опять А. Жид и прочие. Завтрак был по настоящему времени удивительный.

23. XI. 41. Воскресенье.

Ночью дождь. И утром, и почти весь день дождь, ветер, туман. Уже разделись обе липы.

Весь день за письм. столом – переписывал итинерарий своей жизни и заметки к продолжению "Арсеньева". Что-то похоже на возвращение к работе.

Сейчас 11 1/2 ночи, буря.

25. XI. 41. Вторник.

Вчера, позавчера солнечно. Липы возле дома уже обе разделись. На верхней площадке редкие листья на липе, желто-зеленоватые на синем небе, как на синем стекле.

Нынче был в Cannes, [...] в "Пикадилли" – сэндвич с сагой, тост, чай и два блюдечка вишнев, варенья (как всегда, без карточек), -31 фр. Потом в Казино, открытая сцена, публика за столиками – точно ничего не случилось. [...]

Большие бои в Африке и в России.

"Фюрер разорвал завещание Петра Великого, хотевшего гегемонии в Европе" (немецк. газеты).

157-й день войны с Россией.

26.XI.41.

С утра прекрасный, тихий, солн. день. К вечеру затуманилось, серо, скучно. М. получила известие о смерти своей матери. Уехала с Г. в Cannes "на 3 дня" ходить в церковь, служить панихиды. Мне нынче ужасно <их> жаль, грусть за их несчастную жизнь.

Все вспоминается почему-то и вся моя

несчастливая история с Г.

5.XII.41.

[...] Перечитывал "Crainqueville, Putois, Riqueb и пр. А. Франса,- все эти три вещи оч. хороши, остальное скучно.

Русские бьют немцев на юге. В Африке-"то сей, то оный бок гнется". Морозы в России.

Три дня тому назад свидание "двух солдат" – Пэтена и Геринга. "Последствия будут весьма важны". Какие именно? И о чем говорили "два солдата"? О французской Африке?

7.XII.41. Воскр.

[...] Читаю собр. соч. Бодлэра²²⁵ "Мал. поэмы в прозе". Ничтожны, изысканны до Бальмонтовщины, мелодраматичны. [...]

Кашель ужасный. Ничего не могу делать. Нет, не тот я был год тому назад!

9 ч. вечера. Радио: японцы напали на Америку. На дворе мгла. Зуров говорит, что шел снежок.

8. XII. 41.

Солнечно и холодно. Кашель.

Война японцев с Америкой} идет уже полным ходом. Японцы, как и полагается негодьям, напали до объявления войны, без преду-

преждений.

К вечеру радио: есть уже тысячи 3 убитых и раненых.

В России 35 гр. мороза (по Ц.) Рус. атакуют и здорово бьют.

10. XII. 41. Среда.

Во время нашего "обеда", в 7 1/2 вечера швейцарское радио: умер Мережковский.

13. XII. 41.

Солнечно. К вечеру замутилось. Прошелся – опустил открытку Гиппиус. Чувствую себя оч. плохо. Ледяная рука.

Вчера Гитлер и Мус[солини] объявили войну Америке.

Вечер, 11 часов. Прошли с Верой до монастыря. [...] Вернулись, - Зуров: "швейцар, радио сообщило, что немцы за последн. покушения на них расстреляли в Париже 100 евреев и наложили на парижских (9) евреев 2 миллиарда контрибуции". Апокалипсис! Русские взяли назад Ефремов, Ливны и еще что-то. В Ефремове были немцы! Непостижимо! И какой теперь этот Ефремов, где был дом брата Евгения, где похоронен и он, и Настя, и. наша мать!

14.XII.41. Воскр. (Наше 1 Дек.)

Прекрасный день, солнечный и теплый – как в России в начале сентября. К вечеру замутилось.

Не спокоен и ничего не могу делать. Много думаю о Мережковском.

Мой экспромт Шаляпину (в ресторане "Петроград", против церкви на rue Daugu в Париже, после панихиды по Вас. Нем[мировичу]-Данченко).

Хорошо ты водку пьешь,
Хорошо поешь и врешь,
Только вот что, mon ami,
Сделай милость, не хами.
Нынче правая рука не холодела.

15. XII. 41. Понед.

Прекрасный день опять. Но прохладно. Опять рука (утром).

Каждый вечер жутко и странно в 9 часов: бьют часы Вестм. абб. в Лондоне- в столовой!

По ночам ветерок не коснется чела,
На балконе свеча не мерцает.
И меж белых гардин темно-синяя мгла
Тихо первой звезды ожидает...

Это стихи молодого Мережковского, очень

мне понравившиеся когда-то – мне, мальчику! Боже мой. Боже мой, и его нет, и я старик! Был в городе по аптекам.

Русские бьют.

19.XII.41. 61/2 ч. вечера.

Письма от Манухиной и Веры Зайцевой: умер В. Н. Аргутинский (накануне был на похоронах Мерезжк.). (...)

23. XII. 41. Вторник.

Все дни прекрасная погода, к вечеру в комнате оч. холодно. Серп молодого месяца и Венера (уже давно) над Марселем с заката.

В Африке не плохо, японцы бьют англичан, русские – немцев. Немцы все отступают, теряя оч. много людьми и воен. материалом.

19-го Хитлер сместил главноком. на рус. фронте маршала von Brauchitsch и взял на себя все верховное командование, обратившись к армии и Германии: откладывая наступление на Россию до весны. [...]

Завтра Сочельник. Устраиваем несчастный "парадный" обед – выдадут завтра мясо. Делаем водку.

24. XII. 41. Сочельник католический.

Вечером "праздновали": сделали водку,

нечто вроде селянки (купил капусты серой-и плохой), вымоченные рыбки, по кусочку мяса.

28. XII. 41. Воскресенье.

Все дни хорошая погода, но холодно. Ветер все с Марсея. Неприятно трепещут веерные пальмочки.

Русские взяли Калугу и Белев.

Каждое утро просыпаюсь с чем-то вроде горькой тоски, конченности (для меня) всего. "Чего еще ждать мне, Господи?" Дни мои на исходе. Если бы знать, что еще хоть 10 лет впереди! Но: какие же будут эти годы? Всяческое бессилие, возможная смерть всех близких, одиночество ужасающее...

На случай внезапной смерти неохотно, вяло привожу в некоторый порядок свои записи, напечатанное в разное время... И все с мыслью: а зачем все это? Буду забыт почти тотчас после смерти.

Нынче (утро) солнце за облаками.

30. XII. 41.

И вчера и нынче солнце и облака и оч. холодно. Вчера особенно изумительная, волшебна прекрасная ночь – почти половина лу-

ны так высоко, как видел только в тропиках.
На закате красота – и дивная Венера.

Хотим "встречать" Нов. год – жалкие приготовления, ходим в город, где нет ровно ничего. Почему-то везде много коробок с содой.
А что еще?

Пальцы в трещинах от холода, не испугаться, не вымыть ног, тошнотворные супы из белой репы...

Нынче записал на бумажке: "сжечь". Сжечь меня, когда умру. Как это ни страшно, ни гадко, все лучше, чем гнить в могиле.

Заплатил за электричество почти 500 фр. Тот, кому платил, делал себе по животу нечто вроде харакири: "Rien a manger! Rien de rien!"

Хотят, чтобы я любил Россию, столица которой – Ленинград, Нижний Горький, Тверь – Калинин – по имени ничтожеств, типа метранпажа захолустной типографии! Балаган.

31. XII. 41. Среда.

Еще год прошел. Сколько мне еще осталось!

Проснувшись в 9, чувствовал (уже не первый раз) тяжесть, некоторую боль в темени. М. б., маленькое отравление от печки, кото-

рую вчера опять затопил на ночь? Холод правой руки.

Прекрасный солнечный день.

Русские взяли Керчь и Феодосию.

1942

1.1. 42. Четверг.

Вера вчера уехала в 6 вечера к вдове Куталадзе. "Встречали" Новый год без нее. Было мясо, самодельная водка, закуски – соленые рыбки, кусочки марю, тертая белая репа, по щепотке скверного изюма, по апельсину (местному, оч. кислому), Бахрак поставил 2 б. Castel vert (по 20 фр., прежде стоившие по 5 фр.).

Нынче опять прекрасный день. Я вял, слаб (как всегда посл. месяцы).

Гитлер вчера вечером говорил своему народу и армии: "[...] Мы одержали самые великие победы во всемирной истории... Советы будут в 42 г. раздавлены. Кровь, которая будет пролита в этом году, будет последней пролитой кровью en Europe pour des generations..."

Вечера и ночи особенно удивительны по красоте. Венера над закатом оч. высоко. Луна

по ночам над самой головой (нынче полнолуние). [...]

2. I. 42. Пятница.

Довольно серо, холодно. Ездил ко вдове К[уталадзе], завтракал там (морковь и горошек), воротился к вечеру с В., которая ночевала 2 ночи там.

4. I. 42. Воскр.

Серо, холодно. В комнате нестерпимо, нельзя писать от холода.

Сейчас поздний вечер, протопил у себя. Терпимо.

Немцы отступают (в России и в Африке), их бьют. У Куталадзе взял несколько книг. Читал Чехова.

Денежно продолжаю все больше разоряться. [...]

5.1. 42. Понедельник.

[...] Нынче оч. голодный день: месиво из тыквы с маленькой дозой картофеля и тертая сырая репа (белая)- некоторое сходство с тертой редькой, кушанье оч. противное. (...)

Подумать только: 20 лет, 1/3 всей человеческой жизни прожили мы в Париже!

Барятинский, Аргутинский, 226 Кульман,

Куприн, Мережковский, Аминад.227 Все были молоды, счастливы.

18. I. Воскр.

Вечером во вторник встречали новый год русский. Днем как следует шел снег. К вечеру приехали Либерманы и Гандшины. Либерман два раза сделал чудо – уходил за 2 комнаты, просил нас, сидевших в салоне, задумать, что он должен сделать: первый раз угадал, что нужно меня тронуть за ухо, второй – сесть на диван. [...]

Нынче прекрасный день, холод в доме легче. После заката немного прошелся родился месяц – тонким серебр. волоском (на закатном небе) рядом с Венерой. Горы слились в темные зеленовато-синие массы. Когда вернулся через 1/2 часа, месяц-волосок стал золотой.

Вчера в Cannes свесился – 67-68. И это в одежде, в низках, в тяжелых башмаках. А прежде в самой легкой одежде – 72-73. Вот что значит "безбойное питание".

20. I. 42. Вторник.

Вчера довольно теплый день, с мягким солнцем, нынче хмуро, серо, скучно, все небо

в пухлых облаках, и так холодно в комнате, что лежа читал в меховых перчатках. [...]

Пробовал читать Горького, "Вареньку Олесову", которую читал лет 40 тому назад с отвращением. Теперь осилил только страниц 30 – нестерпимо – так пошло и бездарно, несмотря на все притворство автора быть "художником". "Косые лучи солнца, пробираясь сквозь листву кустов сирени и акаций, пышно разросшихся у перил террасы, дрожали в воздухе тонкими золотыми лентами... Воздух был полон запаха липы, сирени и влажной земли..." (И липы и сирень цветут вместе.) [...]

7. 2. 42. Суббота.

Особенно тяжелый день. Весь день при электричестве: ставни, занавес, ширмы. Спазмы у Веры.

Холод, сырость, с утра то мелкий дождь, то снег.

"Записные книжки" Чехова. В общем, оч. неприятно. Преобладающее: "N. все считали почтенным человеком, а он был сволочь" – все в этом роде.

Весь день топлю.

26. 2. 42. Четверг.

Дней 10 т. н. В. была у Кудера. Исследование крови. Результаты не дурные. В прошлый четверг уехала в Ниццу – новые исследования и радиография желудка. В понедельник поехал к ней: опущен желудок и легкая язва в нем. Назначен режим и впрыскивание чего-то (др-ом Розановым). Вернулись с ней во вторник.

Слухи: русские нанесли большое поражение немцам, погибла будто бы их 16-я армия. [...]

27. 2. 42.

Слухи были верны.

Дождь, сыро, холодно. Топлю.

Читаю Гейне. Удивительный фельетонист, памфлетист.

1.3.42. Воскр.

Совсем теплый день. Зацвели фиолетовым цветом подушечки и какие-то ярко-сине-лиловые цветочки в темно-зеленых стебельках. Опять пересматривал книгу "Темн. аллеи". Ходил в город – с большим трудом – бросил письмо Долгополову, от которого получил вчера 4236 фр.

2. 3. 42.

[...] Кончил "Темн. ал." и отложил до поры до времени. Есть еще кое-где фразы неприятные.

3. 3. 42.

Сильный насморк, слабость, вялость – как всегда теперь. Тоска и какое-то раскаяние по утрам. 4.3.42. Серо, прохладно, нездоровье.

Большой английский налет на предместья Парижа, на заводы, где немцы делают танки.

Второй день без завтрака – в городе решительно ничего нет! Обедали щами из верхних капустных листьев – вода и листья!

И озверелые люди продолжают свое дьяволово дело – убийства и разрушение всего, всего! И все это началось по воле одного человека – разрушение жизни всего земного шара – вернее, того, кто воплотил в себе волю своего народа, которому не должно быть прощения до 77 колена.

Нищета, дикое одиночество, безвыходность, голод, холод, грязь – вот последние дни моей жизни. И что впереди? Сколько мне осталось? И чего? Верно, полной гибели. Был Жорж – мило брякнул (насчет Веры), что у Куталадзе рак начался тоже с язвы желудка.

И ужас при мысли о ней. Она уже и теперь скелет, старуха страшная.

Полнолуние. Битвы в России. Что-то будет? Это главное, главное – судьба всего мира зависит от этого.

13.3.42. Пятница.

Длится англ. катастрофа на Д. Востоке. Большие битвы, наступление русских. [...]

«б. д.»

Как горько трогательно, тиха, одинока, слаба Вера!

30. 3. 42.

Послал письмо Олечке: Ты спрашиваешь, как мы пировали у наших друзей. Вот как:

У моих друзей пируя,

Ел змеиную икру я,

Пил настойку из клопов

И вино из бураков.

Остальное тоже было

Очень вкусно, очень мило:

Суп из наба, фарш из блох

И на жареное – мох. [...]

Все это недалеко от правды. "Новая Европа"! па"!

31.3.41.

Хороший, почти летний день.

Марга и Г. завтра переезжают в Cannes – "на два месяца", говорят. Думаю, что навсегда. Дико, противоестественно наше сожительство. [...]

Вчера был в Cannes с Верой у зубного врача. Было солнечно, но с прохл. ветром. "Пикадилли", чай, два тоста, два крохотных блю-дечка варенья (28 фр.). Тургеневский или Толстовский господин.

Все битвы и битвы в России. Немцы все грозят весенним (вернее, летним) наступлением. А вдруг и правда расшибут вдребезги? Все кажется, что нарвутся. Теперь все дело в Турции.

Нынче в газетах: "Le Japon veut la destruction complete de l'Angl. et des Etas-Unis*" Ни более, ни менее. Бедные! Сколько работы впереди! А ведь надо еще уничтожить Россию и Китай.

1.IV.42. Среда.

С утра пухлое небо, к полудню солнце, но слегка затуманенное.

В 11-45 ушла с мелкими вещами Г. Возле лавабо остановилась, положила их, согнув

шись, на земле. Тут я отошел от окна. Конец. Почти 16 лет тому назад узнал ее. До чего была не похожа на теперешнюю! Против воли на душе спокойно и тяжело грустно. Как молод был и я тогда.

2946 от шведского консула из Марселя.

Час дня. Я все еще в халате, без штанов. Все не могу привести себя в порядок. Хотел ехать в Ниццу с утра – раздумал, проснулся в 6, потом опять спал от 9 до 10.

Сейчас в доме пусто – Бахр. в Ницце, В. и З. завтракают в городе – дома нечего. Я съел крутое яйцо и кусочек мортаделлы – все "благоприобретенное".

Очень страдал весь день от воспоминаний своей протекшей жизни.

4. IV. 42.

Проспал 10 часов. Хороший день. Грусть. [...] Великая Суббота – наша и католическая.

Вечер. Обедали "роскошно": суп из трав и рыба. Вере посчастливилось утром найти.

Пасхальный стол: 4 красных яичка, букетик гиацинтов – и все!

Тупая, тихая грусть, одиночество, безнадежность. 12 ч. 15 м. (10 ч. 15 м). Разговелись –

В., З. и я: по крохотному кусочку колбасы (дал З.) и 1/10 яйца.

Над Антибами всходит мутная луна. Значит, бывает в Пасх. ночь!

5. IV. 42.

Христос Воскресе. Сохрани, Господи. С утра так себе, после полудня мелкий дождь. В доме очень прохладно.

Вдруг почему-то пришло в голову: Добчинский и Бобчинский... Да: Сквозник-Дмухановский, Яичница... даже Чичиков – все очень плоско, балаганно и сто лет все с восторгом повторяют: Добчинский и Бобчинский!

Как-то ночью, уже в постели, с книгой, в мертвой тишине дома вдруг точно очнулся, с ужасом: какое одиночество! И это последние дни и ночи жизни!

10.IV.42.

Был в Ницце. Бюффа, Пушкина. Неприятно было, что сказала, что в ней "немецкая упорная кровь". Ее жадность к моему портсигару, воровское и нищенское существование. Завтрак- 250 фр.! У Полонских. Дама в картузе. Вел себя хмельно, глупо.

12. IV. 42. Воскресенье.

Кончил перечитывать рассказы Бабеля "Конармия", "Одесские рассказы" и "Рассказы". Лучшее – "Одесск. р.". Очень способный – и удивительный мерзавец. Все цветисто и часто гнусно до нужника. Патологическое пристрастие к кощунству, подлomu, нарочито мерзкому. Как это случилось – забылось сердцем, что такое были эти "товарищи" и "бойцы" и прочее! Какой грязный хам, телесно и душевно! Ненависть у меня опять ко всему этому до тошноты. И какое сходство у всех этих писателей-хамов того времени – напр., у Бабеля – и Шолохова. Та же цветистость, те же грязные хамы и скоты, вонючие телом, мерзкие умом и душой.

"Все убито тишиной, и только луна, обхватив синими руками свою круглую, блещущую, беспечную голову, бродяжит под окном..."

"Гедали (еврей) обвивает меня несколькими ремнями своих дымчатых глаз..." [...]

О Божьей Матери (икона в Ипатьевском монастыре, занятом "текстильщиками"): "Худая баба сидела расставив колени, с зелеными и длинными, как змеи, грудями..."

18.IV.42. Суб.

Лавальские дни. Нынче вечером объявлено по радио официально: Петэн – нач. государства, Лаваль – правительства. Надо ждать, думаю, как и все, чего-то очень серьезного.

День рождения З. Тюков и Жорж. "Роскошн." завтрак – по куску телятины, маслины, самодельная водка. (...)

Весен. холод, сумрачная синева гор в облаках – и все тоска, боль воспоминаний о не

* Япония стремится к уничтожению Англии и США (фр.).

счастливых веснах 34, 35 годов, как отравила она (Г.) мне жизнь – и до сих пор еще отравляет! 15 лет! Все еще ничего не делаю-слабость, безволие – очень подорвалось здоровье!

Перечитал "Пунш[евую] водку" и "Могилу воина"²²⁸ с большим интересом. Ловко пишет.

Все опять цветет и зеленеет. Эти дни одевается сероватой еще мелкой зеленью дуб, цветет у нас сирень, в розовых цветах и коричневой листве деревцо возле каштана, ярко и свежо зазеленевшего, на нижней пло-

щадке. С месяц тому назад розовым и белым цвели абрикосы и миндаль.

Нынче впервые видел серп молодой луны. Чувствовал себя довольно бодро физически.

19. IV. 42. Воскр.

[...] В 8 ч. вечера говорил Петэн. Сказал несколько слов всего, призывая французов "к мудрости и терпению", и заявил весьма загадочно: "настоящее время столь же решительно, как в июне 1940 г." Что это значит? Был какой-то жестокий ультиматум немецкий? Несчастный старик.

11 ч. вечера. Жабы, мелкий дождь и от времени до времени катится гром и вспыхивают голубые молнии. Первая гроза.

23. IV. 42. Четверг.

23/10 (вторник) 1907 г., 35 лет тому назад, уехали с Верой в Палестину. Вечером, с Брянского вокзала. Нынче утром она принесла мне букет цветов, удивит, красивых.

29. IV. 42. Среда.

[...] Нынче изредка дождь, облачно, потолок из мрачных облаков над горами в направлении к Vence. Оч. тяжкая погода. И я тяжко, оч. тяжко болен душевно до отчаяния.

[...]

Дикое одиночество, бесцельность существования. Да всего и не скажешь.

6. V. 42.Среда.

[...] Очень грустно и скучно-погибаю в одиночестве. Ни души даже знакомой. И все воспоминания, воспоминания.

Вчера был в Cannes – зачем? Да, в синема Vox, смотрел La grande farandole – Fred Astaire и Ginger Rogers. Изумительно танцуют – опять был восхищен чрезвычайно.

Англичане захватывают (верно, уже захватили) Мадагаскар. Французское негодование.

Читаю "La memorial de Sainte Helene (Comte de la Cases)".229 Чувствую и себя на S. Helene. Страшно подумать, что он должен был чувствовать. А все-таки жил, диктовал, упивался прежней славой, надеялся. [...]

12.V.42.

Все скверная погода, тучи, сумрачно, холодно, иногда дождь. Уже дней 5 кровь. Верно, поэтому,- перед кровью,- чувствовал такую тоску. Нынче спокойнее. Читаю (по франц.) – "Уединенное" Розанова.230 В общем ничтожно, иногда просто глупо в смысле

необыкн. высокой оценки себя. [...]

"На всякий случай" занимался пересмотром того, что должно и не должно войти в будущее "полное" (более или менее) собрание моих писаний, писал распоряжения. Мучительно! Сколько ерунды и как небрежно напечатал я когда-то! Все из-за нужды.

13. V. 42. Среда.

Весь день дождь, плывущий туман, свинцово-меловые зловещие тучи, холод. (А ночью перед этим часа два ужасная гроза.)

Будто бы взята Керчь.

23. V. 42. Воскресенье.

Керчь давно взяли. Но Москва говорит, что возле К. все еще идут бои. Страшные бои из-за Харькова – уже недели две.

Последние дни уже лето. [...] И страх и тоска за Веру – опять неск. раз были боли, И она испугана, падает духом. Господи, спаси, со всем пропадаю.

Все хочу послать письмо Т. М. [Львовой] Толстой – и все не решаюсь.

Опять у нас в саду множество цветущих роз – и розовых, и белых, и пунцовых как пунцовый бархат – и вспоминаю с грустью, что в

прошлом году я в это время еще писал (и вписал в "Натали" о такой розе).

Опять думал нынче: прекраснее цветов и птиц в мире ничего нет. Еще бабочек.

26. V. 42. Вторник.

Все кровь – уже дней десять. Чувствую себя ужасно, слабость страшная. Тоска, страх за Веру. Какая трогательная! Завтра едет в Ниццу к доктору, собирает свой чемоданчик... Мучительная нежность к ней до слез. [...]

3. VI. 42.

Лето. Была дурная, беспокойная погода, теперь как будто установилась.

Май был необыкновенный – соверш. чудовищные битвы из-за Керчи и вокруг Харькова. Сейчас затишье – немцы, кажется, потерпели нечто небывалое. А из радио (сейчас почти одиннадцать вечера) как всегда они заливаются. Удивительно – сколько блядского в этом пении, в языке! Думаю все время: что же это впереди! Если немцы не победят, полная гибель их. Если победят – как может существовать страна, ненавидимая почти всем миром? Но и в том, и в другом случае – что будет со страной, у которой погибло все самое

сильное чуть ли не с 15 лет до 50! А уже по-гибли миллионы и еще погибнут.

Франц. радио – нечто поразительное. То-нем во лжи и холопстве.

Мне, верно, уже не поправиться – переломилось здоровье. Едва таскаю ноги. Неужели и в прошлом году было то же? Нет, этого не помню. М. б., забыл?

Читал вчера и нынче стихи – Г. Иванова, 231 Гиппиус. Иванов все-таки поэт настоящий (в зачатке). Г. ужасна. Мошенница.

7.VI.42. Воскр.

[...] Вчера письмо от дочери Анны Ник. Готье – приехала в Антибы, но "маму уже похоронили". Нынче все думал о тех прекрасных лесах вокруг Рокфора, по которым старушка спешила к автобусам. Не видеть ей их больше!

1.VII.42. Среда.

Двенадцатый час вечера. В одиннадцать радио: Севастополь взят. Дорого, верно, достался!

Все время полное безволие, слабость, -ничего не могу, кроме чтения лежа. Перечитал первый том "Бр. Карамазовых". Три четвер-

ти – совершенный лубок, балаган. А меж тем очень ловкий, удивительно способный писакка. [...]

Разгром англичан в Африке. Немцы уже в 100 кил. от Александрии.

Чем же все это кончится? Вот впереди месяц, два самых роковых для Европы думаю, за эти 2 месяца выяснится.

14. VII. 42. Вторник.

В прошлую среду вырвал еще зуб.

Прекрасный день. Попытка начать что-н. делать.

Прочел (перечитал, конечно) второй том "Бр. Карамазовых". Удивительно умен, ловок – и то и дело до крайней глупости неправдоподобная чепуха. В общем скука, не трогает ничуть. [...]

18. VII. 42.

Скучный день, тоска.

Немцы в России все идут вперед. В Африке начались бои "решительные".

И все слабость, безволие, безделие! [...]

11 часов вечера, радио: "положение Тимошенко катастрофическое". Что-то должно быть вот-вот новое, огромное. Все еще не ве-

рится, что все пропало.

19. VII. 42. Воскр.

Видел новую луну. Холодно, тучи, перед вечером прошел дождь.

Шестого июля объявили, что взят Воронеж. Оказалось – брехня: не взят и по сегодня.

10. VIII. 42. Понед.

Купался всего 2 раза пока – за все лето. [...]

В России ужасно,- кажется, правда гибель нынче: взят Пятигорск. Битва морская американцев с японцами – японцы трубят большую победу. Беспорядки в Индии – арестован Ганди и весь инд. конгресс, позавчера потребовавший ухода англичан из Индии. [...]

13. VIII.

Кончил перечитывать "Дневник" Башкирцевой. Вторая половина книги очень примирила меня с ней. И какая действ. несчастная судьба! [...]

1.1X.42. Вторник.

Сухое лето, сгоревшие цветы олеандра. Еврейские дни дошли и до нас. В Париже, говорят, взяли 40 000. Хватают по ночам, 10 минут на сборы. И мужчинам и женщинам бреют головы – и затем человек исчезает без следа. Де-

тей отнимают, рвут их документы, номеруют – будет без роду-племени, где-то воспитают по-своему. Молодых евреек – в бардаки, для солдат. У нас взяли, говорят, уже человек 700-800. [...]

2. IX. 42.

Евреям (взятым) не дают пить.

Все грусть – о прошлой моей жизни здесь. Лоренские острова.

Перечитал Лоти "Fantome d'Orient". Скучно, длинно.

7.IX.42.

[...] Перечитываю "Любовь в жизни Толстого" Жданова. 232 Гадко – до чего обнажили себя и муж и жена насчет своей крайней интимности!

Взят Новороссийск. И все-таки думаю – вот-вот будет большое и плохое для немцев.

Расстреляли 5 прав[ославных] священников в Праге – будто бы участвовали в убийстве какого-то немца и "укрывали у себя рус. парашютистов".

16.IX.42. Среда.

Все прекрасные дни. И все мука – тянет ехать в Cannes, Ниццу, видеть море, женщин,

кого-то встретить,- одиночество страшное!- и все мысль: все это напрасно, будет только мука с автобусами – и мука воспоминаний моих прежних лет тут.

Ночи спокойные, теплые, с бледными звездами, с непрерывн. журчаньем сверчков и ночных цикад.

Нынче ездил в Cannes, купался – всего четвертый раз за все лето! И уже кончено лето – м.б., последнее мое. Дов. большая волна, вода приятная.

Немцы к Цар[ицыну] все "продвигаются" и все атаки русских неизменно "отбиты". День и ночь идут уже с полмесяца чудовищн. бои – и, конечно, чудовищн. потери у немцев. К концу войны в Германии останутся только мальчишки и старики. Полное сумасшествие! Только сумасш. кретин может думать, что он будет царствовать над Америкой, Бразилией, Норвегией, Францией, Бельгией, Голландией, Данией, Польшей, Чехией, Австрией, Сербией, Албанией, Россией, Китаем – 16 странами, из которых все, не считая евреев, ненавидят Германию и будут ее ненавидеть небывалой ненавистью чуть не столетие. Но какая сказочная сила по-

ка.

12. IX. 42. Переписывал свои заметки, наброски рассказов. [...]

8. IX.

Был в Ницце. Привез "Нов. Журнал".

Истратил последнее. Какой позор – в Америке за все время собрали мне долларов 500!

20. IX. Очень жаркий день. Безволье, вялость, уборка.

Перечитываю стихи Полонского – и как часто теперь, мысль: перечитываю в последний раз.

В "Нов. Журнале" (вторая книга)- "Натали". И опять, опять: никто не хочет верить, что в ней все от слова до слова выдуманно, как и во всех почти моих рассказах, и прежних и теперешних. Да и сам на себя дивлюсь – как все это выдумалось – ну, хоть в "Натали". И кажется, что уж больше не смогу так выдумывать и писать.

Девять вечера. Золотой полумесяц, на него нашел белый оренбургский платок.

22.IX.42.

С утра туман, дождь и такая свежая сырость, что оделся по-осеннему. После полудня

солнце, тепло. В. уехала завтракать к М. Ив.

Мой отец, моя мать, братья. Маша пока в некотором роде существуют – в моей памяти. Когда умру, им полный конец.

Все живее становится для меня мое прошлое. Вот вспомнил Птб. времени моего пребывания там в декабре 1896 г., Ольхину и т. д. – Боже, как все вижу, чувствую!

Все убираюсь, все надеюсь сесть за работу. Напрасная, должно быть, надежда!

В газетах – "La situation deseperee de U.R.S.S.", "Desillusions et inquietudes"* в Англии... И говорят, что с Царицыным собственно дело кончено и пора подумать о том, что дальше предпримут немцы после него и Кавказа!...]]

Радио – кошмар. Не лжет только, который час.

23. IX. 42. Среда.

В час поехал в Ниццу. Теснота удивительная, сидел на железной приступке за креслом шофера, жгло левый бок от танка, лицо и книгу Лоти (Pays basque), которую читал, все время покрывала то одна, то другая цветистая юбочка каких-то двух крупных девок. Вернул-

ся с каром в 7. 30 вечера. [...] В каре дурацки сел у незакрывающегося[ся] окна, мучился от холодного сильного ветра. Вечера уже осенние, нельзя не брать с собой пальто в поездки. (Ездил опять к зубному врачу.)

* Безнадежная ситуация в СССР", "Разочарование и беспокойство" (фр.).

День был прекрасный, чувствовал себя все время бодро и легко. Свесился: 66-65 кило. А прежде всегда бывало 72-73.

И с Цар[ицыным] и с Кавказом немцы все-таки жестоко нарвались. Последние дни им просто нечего сказать: "берем дом за домом..." Перебили их русские, конечно, в ужасающем количестве. И то хлеб.

Из того, что делается на свете, знаем одну сотую. "Journal de Geneve" получаем в особом издании – для Франции. Но и то нередко издание это не доходит к нам. За всю свою историю Франция никогда не была в такой погибели.

24. IX. 42. Четверг.

Солнечно, крас. облака. Над горами над Вансом их потолки – прекрасные. Потом пошли хуже – серые.

Дочитывал 1-й т. стихов Полонского, вспоминал, как читал в Beausoleil. Теперь в последний раз в жизни? Вероятно. Вспоминал те чувства, что были в ранней молодости, в Озерках, при чтении некоторых стихов. 9/10-скука, риторика и часто просто непонятная. Зато 1/10 превосходно.

Полнолуние. Удив. лунная ночь. Клубы и груды великолепн. белых облаков к западу, на юге и на востоке; на севере неприятн. белая туча из-за горы. Середина неба, огромная, глубокая, чиста, ясный месяц. Прошелся в одиннадцат. часу по обычной дороге – к плато Наполеон. Моя черная тень впереди. Страшные мысли – вдруг останусь один. Куда деваться? Как жить? Самоубийство?

Потом стал думать об этой кухарке на постоялом дворе. Все вообразил с страшной живостью. Возбуждение -и до того, что уже почувствовал все, что бывает перед концом Мурашки, стеснение во всей грудной клетке. [...]

1. X. 42. Четверг.

[...] Вчера именины Веры. Роскошный обед – с колбасой "Собачья радость". [...]

14(1). X.42.

[...] Рождение В. Ездил в Васса в церковь, причащалась. Обед праздничный – по 3 порченных вареных картошки. Но-чай с наст. вареньем-подарок Али ("довоенное").

Покров Пр. Богородицы. Защити, Матерь Божия.

Дела немецкие неважны. 76-ой день берут Царицын.

23. X. 42. Пятница. [...] Страшный день: мне 72!

Нынче радио о Царицыне: "все атаки большевиков отбиты". Скоро 3 месяца как берут его!

27. X.42. Вторн. Третий день дождь, иногда ливень и грозы. В доме уже порядочно холодно.

Большие бои в Африке. Царицын все еще держится.

Чувствую себя плохо, особенно с утра. Верно, конец моим писаниям. Избавь, Господи.

9. XI. 42. Понедельн.

Девятая годовщина Ноб. премии!

Вчера большое событие: высадка американцев в Сев. Афр[ике].

12. XI. 42. Четв. Вчера в 121/2 роковая весть:

немцы занимают наше побережье.

Ницца занята вчера днем, Cannes поздно вечером – итальянцами.

В Grasse вошло нынче вечером 2000 итальянцев.

25. XI. 42. Утром думал, что умираю – отлив крови от головы.

27. XI. 42. Пятн.

Вечером – швейц. радио – Тулон. Кончил "На пост[оялом] дворе".

28. XI. 42.

Страшные вести о Т[улоне] – почти весь флот потопился. Взрывы арсенала. Тряслись дома. Пожары. Моряков погибло оч. много.

Все время прекр. солн. дни. Но уже страдаю от холода.

3. XII. 42. Четверг.

Вчера в полдень Cannes. Потом Певзнеры и ресторан Паскаль. 3/4 красного тяжелого вина – опьянел. Зашел к Гукасову-не застал. Поехал на изв[озчике) с набережной в рус. церковь [...] ходил по церковному двору, обошел церковь где вход в гробовое подземелье, куда меня в некий день внесут? Холодная, хорошая погода, предвечерн. время. Грустно, тупо, без-

надежно. От искания этого входа – гадкое впечатление – глупо – зачем? Не дождавшись библ., ушел, доехал в автоб. до Cannes. На набережной, возле табачн. лавки, встретил Ле-гранд. Бар. (...) Две рюмки коньяку. Потом бар в Карлтоне. Гукасов и те же. Два бок. белого вина.

Нынче кровь.

25.XII.42. Катол. Рожд. Пятница.

Вчера ужин с Бродскими в ресторане "Потиньер". Он приехал из Монте-Карло. Ужин больше 21/2 тысяч. Мы – на чужой счет! Вот тебе и слава!

Нынче холод, дождь. Убили Дарлана.

Перечитываю "Гардениных" – как когда-то на Montfleury чуть не 20 л. тому н.! Много не хорошо.

Все грустен. В жизни мне, в сущн., не осталось ничего! [...]

27. XII. 42. Воскр.

Месяц тому назад, 27 Ноября, умер Осоргин.

Холодно, серо. Топлю.

Писал заметки о России.

Тем, что я не уехал с Цетлиным] и Алд[ано-

вым] в Америку, я подписал себе смертный приговор. Кончить дни в Грассе, в нищете, в холоде, в собачьем голоде!

31.XII.42. Четв.

Грустил ужасно.

"Встречали" Нов. г. втроем (Б. уехал куда-то): во время боя часов выпили по стакану белого вина и "поужинали": по 5 соленых ржавых рыбок, по несколько кружков картошки и по три кружочка, оч. тоненьких, колбасы, воняющей дохлой собакой.

Холодно, но довольно хорошая погода.

Ноябрь, декабрь были почти сплошь солнечны.

Еще год прожит из маленькой человеческой жизни!

1943

1. I. 43. Пятница. Господи, спаси и помоги.
3. I. 43. Воскр.

Письмо от Н. И. Кульман: умерли Бальмонт и проф. Оман. Исчез из мира и из моей жизни Б[альмонт]! А живо вижу знакомство с ним, в Москве, в номерах "Мадрид" на Тверской! Был рыжий, стрижен ежиком, налит силой кровью, шея, щеки в крупных нарывах...

Солнечно, довольно тепло, но налеты мистраля.

1. 2. Понед.

Ночь была сырая, с мгой. Проснулся в 4, не спал до 6. Заснул и проснулся в 9. Чувствую себя однако сносно.

Паулис произвед, вчера Хитлером. в маршалы, сдался в Царицыне, с ним еще 17 генералов. Царицын почти полностью свободен. Погибло в нем будто бы тысяч 300. Но в Берлине речи – 10-летие власти Хитлера.

2.2. Вторник.

Сдались последние. Царицын свободен вполне.

8.2. Понедельник.

Взяли русские Курск, идут на Белгород. Не сорвутся ли?

17. 2. Среда.

Во сне ломило темя. Утром кровь.

Опять, слава Богу, солнце. Чувствую себя мутно и слабо.

24. 2.

Нездоровится, повышена температура.

Солнечно.

Я был умен и еще умен, талантлив, непостижим чем-то божественным, что есть моя жизнь, своей индивидуальностью, мыслями, чувствами – как же может быть, чтобы это исчезло? Не может быть!

28. 3. Воскр.

Вечер. Часы переведены еще на час вперед – сейчас уже 121/2, т. е. по-настоящему 101/2.

Радио: умер Рахманинов.

2.4. Пятница.

Послал "le Village"* в Португалию.

* "Деревня" (фр.).

Продолжаю читать фр. перевод дневников С. А. Толстой (2 тома). Одержимая!

Читаю записки Порошина, 233 воспитателя

Павла I. Обожествление мальчишки, часто оч. гадкого и наглого.

Часто думаю о возвращении домой. Доживу ли? И что там встречу?

3.4.42. Суббота.

Летний день. Деревцо на нижней площадке – розовые цветы, коричн. листья. Зацвело грушевое дерево, яблоня – самое прелестное. [...] Цветут левкои. Букет у меня на столе. Несказанно очароват. благоухание.

Мучительная медленность войны – наступление в Африке, выдохшееся наступление русских да и немцев в России...

10. 4. Суб.

Кончил "18-й год" А. Толстого. Перечитал? Подлая и почти сплошь лубочная книжка. Написал бы лучше, как он сам провел 18-й год! В каких "вертепах белогвардейских"! Как говорил, что сапоги будет целовать у царя, если восстановится монархия, и глаза прокалывать ржавым пером большевикам... Я-то хорошо помню, как проводил он этот год,- с лета этого года жили вместе в Одессе. А клуб Зейдемана, где он был старшиной,- игорный притон и притон вообще всяких подлостей!

11.4. Воскр.

[...] 31 марта умер (оч. тихо) Милюков.²³⁴
Кончена долгая,- т. е. в сущности, оч. короткая – жизнь. Даже не верится. Давно ли – и т. д.

14. 4. Среда.

[...] Ночью разбудил крик Зурова и быстрый, бешеный стук – думал, что это он в стену – оказалось, стрельба по англ. авиону. Был алерт.

Все дни солнечные, но с холодн. ветерком. Нынче день совсем хороший. М. б., от погоды мне лучше?

1. V. Суб.

Перечитываю жизнь Гете (по-франц.).

2.V.

Уже не помню, что вчера было (кроме того, что бешено убирался – могут выселить).

Весь день дождь, туман густым дымом.

С прошлой среды у нас с 11 вечера "souvrefeu"- из дому ни шагу.

4.5.

Прекр. день и прекр. облака над горами за Ниццей,- вечные, а наши жизни... Скоро, скоро и меня не будет, а они все будут. И вся моя

жизнь здесь – как молод был, когда сюда приехал! [...]

7. V. Пятница.

Полночь с 1/4. Дождь, лягушки. Час тому назад англичане вошли в Тунис, американцы – в Безерту.

Не было утром газет – не вышли вовремя [для?- М. Г.] автоб. из Ниццы. Там аресты (среди французов), берут заложников.

Второй день дождь и холодно.

Завтра надеюсь поехать в Ниццу. Поеду ли?

Наступление русских на Кубань. Вчера взята Крымская.

9. V. Воскр.

Вчера был в Ницце. Солнечно, бело, слепит, почти жарко. "Гастроном".

Вечером, вернувшись, узнал о письме Г. к Вере (уже из Марсели): "Покидаем Францию". Бросилась в пропасть с головой. [...]

26. V. Среда.

Письма от В. Зайцевой и Михайлова: умер Нилус²³⁵ (в ночь с суб. на воскр.). Бесчувственность. [...]

29. V.

Слабость, сонливость. Вот тебе и стрихнин!
Письмо от П. Б. Струве²³⁶: умерла его жена, Нина Александровна.

14. VI.

Надо начать хоть что-н. делать. Надо бодриться – Господи, помоги.

Слабое солнце, туманно. Полдень. Дождь.
[...]

15. VI.

Скука и все ожидание, чтобы война, наконец, двинулась.

Перечитал "Le baiser au lèpreux", Mauriac'a. Поэтично, благородно, тонко, но в общем слабо, неубедительно. [...]

Оч. прохл. вечер, гадкая окраска гор и облаков.

18. VI. Пятница.

Прекр. день, но все то же – слабость, лень.

Перечитывал стихи А. К. Толстого – многое удивительно хорошо,- и свои "Избр. стихи". Не постигаю, как они могли быть не оценены!

В безделье провожу свои истинно последние дни. Но ничего не могу!

6. VII.

Большие бои в России. Немцы говорят о страшных потерях у русских, русские – о таких же у немцев. Те и другие о своих ни слова.

8. VII. Четв.

И вчера и нынче громадн. пожар в Эстере-ли. Оч. горячее солнце и хол. налеты мистрала.

10. VII. Суб.

Началась высадка в Силиции. Удастся ли? Оч. сомневаюсь. Дело большое!

25. VII. Воскр.

Утром квартирмейстер итальянцев – осматривал дом, чтобы, м. б., занять у нас неск. комнат.

Завтрак с Верой у Клягиных.²³⁷ – В 11 1/2 вечера: итальянок, король принял отставку Муссолини!²³⁸ Пока еще ничего не понимаю. Но событие гигантское! Конец "цезаря", которому уже чуть не ставили золотые статуи!

27. VII.

День серенький.

Как дико! 23 года был царь и бог – и вдруг "подал в отставку"! Исчез, не сказав на прощание ни слова Италии!

Ясно – Италия выйдет из войны и у нас будут немцы.

2. 8. 43. Понед.

Уже неск. дней очень жарко. Небо мутно от зноя. Ходил в 6 ч. к Клягину все горячо и сладко пахнет – цветы, хвоя.

Сейчас 8 (солнце еще не село), и долина, и горы, и невидное море смутно, в жарк. дымке.

Все еще неизвестно, где Муссолини.

Бои в Сицилии продолжаются – англ., очевидно, не хотят спешить, ждут сдачи.

Да, какой позор свалился вдруг на Мус[солини]!

5. 8. Четв.

Был в Ницце. Тотчас узнал, что взяли Орел. В третьем часу – Катанью. [...]

В Ницце множество немцев, много мальчишек; одеты все тяжело и неопрятно, сапоги пудовые.

6.8.

Два-три посл. дня сносно, ветерок. А до того нестерп. жара и духота, неподвижность. Не запомню таких жаров – оч. давно не было. И все пожары, пожары – то там, то тут. Нынче огненное солнце в дыму. Огромн. пожары в

сторону Тулона и возле Cagnes. Говорят о поджогах.

Чувствую себя посл. время сносно. Погода?

Вечер. Пожары от Antibes до Cagnes.

"Великий Дуче" исчез как иголка. [...]

23. 8. Воскр.

В понедельник 16-го ходили с Верой страшно-жарким утром в Bres'у. Чудесный, старый дом, огромное поместье. Одинокий, за 60 или больше, сухой, худой, умный. Нашел мое здоровье не плохим.

Все дни жара редкая – тяжкая, душная, ходил почти голый, спал посл. три ночи внизу, в маленьк. кабинете.

Записать о дневниках Гиппиус – верно, все пишет – и воображаю, что только не напишет про всех, про всех, про меня в частности! [...]

30. 8. Понед.

Вчера завтрак с Верой у Клягина. Он читал 2 рассказа. Второго я совсем не слышал – выпил за завтр. рюмку мару и стакана 3 вина, за кофе 2 рюмки коньяку и 1/2 рюмки ликеру – и сидя, спал. Придя домой, спал от 6 до 10. В 11 лег и проспал еще часов 10. Переутомление. Нельзя мне так пить.

2. IX. Четверг. Пришел Бахр и сказал, что в Grasse приходят немцы.

3. IX.

Все хорошие дни, а все слабость.

Нынче на рассвете высадка англичан в Италии, утром ужасная бомбард. Парижа. [...]

7. IX. Вторн.

Нынче письма из Ниццы: Елена Александр. Пушкина (фон Розен Мейер) умерла 14 Авг. после второй операции. Еще одна бедная человек. жизнь исчезла из Ниццы – и чья же! родной внучки Александра Сергеевича! И м. б. только потому, что по ницете своей таскала тяжести, которые продавала и перепродавала ради того, чтобы не умереть с голоду! А Ницца с ее солнцем и морем все будет жить и жить! Весь день грусть. (...) Оргия нажив в Париже.

8. IX. Среда.

Огромная весть: в 6 1/2 ч. вечера узнали, что Италия вышла из войны, капитулировала – и никто в мире, кроме Руз[вельта], Черч[илля] и Сталина, не знал, что стоворились об этом еще 3 сент. (августа?).²³⁹ Что же с нами-то теперь будет?

121/2 ночи. Молодая луна за домом, ни одного огня в сумрачно видной долине, выстрелы. Итальянцы бегут.

9. IX.

Ночью разоружали и арестовывали итальянцев. Из Parc Palace Hotel бежали высшие чины, но пойманы на дороге в Ниццу.

Couvre feu у нас с нын. вечера с 8 вечера до 7 утра.

17.IX. Опять поэтич. грусть – о той, первой, осени в Париже.

Как уже давно, давно это было!

Бомб. Париж, Нант, Montmolisson – сотни убитых. Сейчас, к вечеру, все замутилось, серо, похоже на близкий дождь.

Ночью (прошлой) была где-то, близко от нас, бомб[ардировка].

25.IX. Суб. Дождь, прохл.,-кажется, повернуло на осень.

Все последи, дни чувствовал себя не плохо, пишу по целым дням. (Принимаю уже дней 10 фитин.)

Рус. берут город за городом. Нынче – Рославль и Смоленск. [...]

13. X. Четв.

[...] Час ночи, мелкий дождь, луна за облаками. Весь день чувств, себя удивит, скверно, лежал пластом, засыпал. Вечером кровь.

В 3 ч. дня Италия в лице короля и Бодольо объявила войну Германии.

17. X.

Пил чай у Кл(ягина). Какой очар. живой человек! Бои в Мелитополе – берут дом за домом. Все последние дни холод – необычный в эту пору. Сейчас 11 веч. (т. е. 10 по-настоящему)-мрак, холод, дождь.

21. X. Четверг. Письмо Олечке:

Милая Олечка, как поживаешь?

В школе бываешь иль просто гуляешь,

Дома же в куклы и с Котькой играешь,

А вечерами, под ручку с мама,

Ходишь то в гости, а то в синема?

Я вас обеих целую и жду

Вскоре иметь от тебя *billet-doux*.

P. S. Очень жалею, что Котьки тут нет:

Аля сварил бы его на обед.

23/10 окт. Суббота.

Господи, сохрани и помилуй. День моего рождения.

Спал мало, часов 7 (а мне всегда нужно

81/2 или 9), но чувствую себя сносно.

Дописал рассказик "Начало".

Вечер: взяли Мелитополь.

29. X. Пятница.

Вчера в полночь дописал последн. страницу "Речн [ого] ресторана". Все эти дни писал не вставая и без усталости, оч. напряженно, хотя не досыпал, терял кровь и были дожди. Нынче падение. День был тихий, милый, на душе тихо и грустно, воспоминания.

Взяты за эти дни Екатеринослав, Лоцманская Каменка (когда-то я там был перед проходом по порогам). Теперь это, верно, город, гнусно называемый "Днепродзержинск".

1. XI. 43. Понед.

"День всех святых", завтра самый страшный праздник – "день всех мертвых". Сумрачно, холодно. Сейчас час ночи, соверш. непроглядная тьма, ни единого огня и мелкий дождь. Вечером писал начало "Иволги"- не знаю, что напишу дальше, пишу наугад. Нынче переписаны "Дубки", напис. 29-го и 30-го.

Вечером – взят Перекоп.

5. XI. Пятн.

Был у Клягина, он читал начало своего "Дя-

ди Пети".

6. XI.

121/2 ночи. Туман, сыро, темно, полумесяц уже зашел.

Скверная погода к вечеру, сонливость, разбитость, но, одолевая себя, продолжал "Иволгу".

Взят Киев. В Грассе много русских в солдатской немецкой форме. Ходят из бара в бар.

11. XI. Четверг.

В одиннадцатом часу, в чудесную лунную ночь, началась бомбардировка Восса и продолжалась минут 40. Смотрели с заднего балкона и из окон. Редкое, дивное зрелище. Наш дом весь дрожал,

10. XII. Пятница.

10 лет тому назад стал в этот вечер почти миллионером. Банкет, Кронпринц, Ингрид. Нынче у нас за обедом голые щи и по 3 вареных картошки. Зато завтракали у Клягина – жито, рис, все плавает в жиру.

Взята Знаменка.

18. XII. Суббота.

Прекрасная погода.

Все думаю о краткости и ужасах жизни.

Слушал радио – прованс. музыка и пение – девушки – и опять: как скоро пройдет их молодость, начнется увядание, болезни, потом старость, смерть... До чего несчастны люди! И никто еще до сих пор не написал этого как следует!

1944

1.1.44. Новый год.

Господи, спаси и сохрани.

День опять солн. и оч. холодный.

Ничего не делал. Бесплодно тревожно.

Сейчас 111/2 ночи, первая треть луны, ледяная ночь. Ходил бросить письмо Долгополову – как всегда резкий свет электрич. фонарика в лицо возле клиники ходят два немецких солдата с 6 часов возле нее. [...]

2. 1. 44.

Солнце только что село. Оч. высоко белый, чуть зеленоватый почти полумесяц (над Клягиным). Пять часов. Сажу у окна на запад – впереди вся в фиолет. дымке.

Пять часов 5 м. Уже все фиолет. исчезло – стало темнеть под зеленоватой дымкой. День был чудесный. Было 2 алерта – после второго

где-то бухало, дым где-то за Cagnes.

1 ч. 35 м. вечера – опять алерт!

3.1.

Заснул вчера, несмотря на алерт, раньше

12. Спал не плохо и долго, от 9 до 10 в полусне.

И опять около 9 алерт.

В 12 – опять.

Прекр. день, тишина, солнце. На солнце совсем горячо. Чувствую себя совсем не плохо.

Опять удив. закат.

Нынче утром опять страшно били Берлин.

Вчера взяты Новгород, Волынь и Олевск.

Вот-вот будут страшные дни!

4. I. Вторник.

Опять прекрасный день. В 2 – алерт.

Ездил на вокзал Р. Л. М. – посылка от Шведск. Кр. Креста.

Взяли Белую церковь, перешли в неск. местах польскую границу.

6. I. Четв.

"Праздновали" русский сочельник. [...]

Грибной суп с кусочками сальца, котлеты, картофельное пюре!

В 12-ом часу ночи (ледяной, лунной) вышли с В. погулять в сад – с дороги два резких

огня фонариков, крики – дозора возле "Helios".
Поспешили в дом.

7. I. Наше Рождество.

[...] Было 2 алерта.

Нынче и вчера читал рассказы Зощенко 37 г.240 Плохо, однообразно. Только одно выносишь – мысль, до чего мелка и пошла там жизнь. И недаром всегда пишет он столь убогим, полудикарским языком – это язык его несметных героев, той России, которой она стала.

8. I. Суб.

[...] Вся Европа разрушена чудовищно. Прошлая "вел. война" была совершен, пустяки. И Г[ермания}, помимо того, как страшно сдерут с нее шкуру, потеряла уже 3/4 своего самого сильного населения. А что ждет Болгарию, Венгрию, Румынию и несчастную Италию, зарезанную этим быком!

17. I. Понед.

Солнце (порой горячее), облака.

Сейчас 12 ночи (т.е. 11)-луна еще не взошла.

Война все тянется. И конца этому не видно! Когда же, Господи, что-н[нибудь] реши-

тельное?

19. I. Среда.

Серо, холодно. Ничего не делал, тоска.

Взяты Красн. Село, Петергоф, Ропша, большая добыча. Убито тысяч 20.

20.I.

Опять прекр. день. Был у Кл[ягина].

Взят Новгород.

Ночи звездные, чистые, холодные. Что ни вспомнишь (а обрывки восп. поминутно), все больно, грустно. Иногда сплю по 9 и больше часов. И почти кажд. утро, как только откроешь глаза, какая-то грусть – бесцельность, конченность всего (для меня).

Просмотрел свои заметки о прежней России. Все думаю, если бы дожить, попасть в Р[оссию]! А зачем? Старость уцелевших (и женщин, с которыми когда-то), кладбище всего, чем жил когда-то...

25.I.

[...] Вдруг вспомнил Гагаринск. переулок, свою молодость, выдуманную влюбленность в Лоп[атину],-которая лежит теперь почему-то (в 5 километрах от меня) в могиле в какой-то Валбоне. Это ли не дико!

27.1.

Без 1/4 6. Сижу у окна на запад. На горизонте небо зеленое – только что село солнце, ближе вся часть неба (передо мной) в сплошном облаке, испод которого (неразборчиво.- О. М.) как руно и окрашен оранжево-медным.

Теперь цвет его все краснее, лесная долина к Драгиньяну в фиолетовом пару.

Кругом,- к Ницце, к Cannes,- все в меру, грубовато цветисто,- верно, завтра будет непогода.

Нынче, после завтрака, большая бодрость – бифштекс с кэри, настоящий кофе и лимон?

Получил 2 шведск. посылки. [..]

28. 1. Пятн.

[...] Нынче утром С. Маковский читал свои стихи "Из Апокалипсиса".

Солнечно, совсем тепло.

Немец осматривал дом.

Был у Кл[ягина]. Он читал.

Взяли Любань. Били Берлин.

30.I.

Гулял в одной куртке. Зацветают фиолет. подушечки.

Чудовищно били Бруншвик и Франкфурт.

31.I. 44.

Вчера письмо от Зайцева – Г. и М. в Дрездене, Г. "ведет хозяйство" (у Степунов, конечно), "М. готовится к весеннему концерту".

Да, хорошо я выдумал слова мужика в "Вес. вечере": "Жизнь нам Господь Бог дает, а отнимает всякая гадина". [...]

4.2.

[...] Прочел две книжки К. Федина²⁴¹ – "Братья" и "Похищ[ение] Европы". Оч. много знает, оч. неглуп – и наряду с этим сумбур, выдумки.

8.2. Вторн.

Взят Никополь и огромн. кол. воен. материала, взято пл. тысячи 2, убито тысяч 15.

Погода все та же. Ночи удивительные. Луна над самой головой. Небо пустое только Юпитер (к востоку) и Орион (к западу, над нашими террасами).

15.2.

Немцами взяты у нас 2 комн. наверху.

Нынче 1-й день полной нем. оккупации
A[lpes] M[aritime] .

18. 3. 44. Суббота.

[...] Разметал площадку перед домом, жег

сухую листву, было совсем тепло. Вечером опять прохладно.

2. 4. 44. Воскр.

В 12 ч. ночи часы переведены еще на час вперед.

5. 4. 44.

Туман, к вечеру легкий дождь. Закричали как следует лягушки – с опозданием против обыкновенного чуть не на два месяца.

С 8 на 9. V. 44.

Час ночи. Встал из-за стола – осталось дописать неск. строк "Чистого Понед[ельника]". Погасил свет, открыл окно проветрить комнату – ни малейш. движения воздуха; полнолуние, ночь неяркая, вся долина в тончайшем тумане, далеко на горизонте неясный розоватый блеск моря, тишина, мягкая свежесть молодой древесной зелени, кое-где щелкание первых соловьев... Господи, продли мои силы для моей одинокой, бедной жизни в этой красоте и в работе!

14. 5. 44.

21/2 часа ночи (значит, уже не 14, а 15 мая).

За вечер написал "Пароход Саратов". Открыл окно, тьма, тишина, кое-где мутн. звезд-

ды, сырая свежесть.

23. 5. 44.

Вечером написал "Камарг". Оч. холодная ночь, хоть бы зимой.

4. VI. 44. Вечер.

Взят Рим! Вчера вечером вошли в него.

6. VI. 44. Вторник.

В 5 1/2 утра началась высадка в Нормандии. Наконец-то!

Полнолуние. [...]

21. 6. Среда.

Взят Выборг.

3 года т. н., в ночь с 21 на 22, Гитлер, как он любил выражаться, "упал как молния в ночи" на Россию. Ах, не следовало!

22.6.

В 3 ночи алерт. Стояло что-то красное, большое в стороне Ниццы, сверкали вспышки – узнали нынче, что били Вентимилью.

Уже почти час ночи, а хочется писать.

26. 6.

Началось рус. наступление. Вчера молодой месяц, увидал с правой стороны. Взят Шербург.

27.6.

Взяты Витебск и Жлобин. Погода все скверная. Взята Одесса. Радуюсь. Как все перевернулось!

28. 6.

У Клягина «меня» осматривал д-р Врес. Нашел не в плохом состоянии, лучше прошлогоднего; и аорта и сердце хороши, кроводавление 8 и 14. [...]

1.7. 44. Суб.

Погода хорошая, хотя холодн. бриз, но все слабость. Нынче весь день буйное веселье немцев в "Гелиосе". Немцы в Грассе! И почему-то во всем этом Я! [...]

3. 7.

Погода плоха, все слабость. Читал Стендаля. Бесконечная болтовня. Но человек умный, хорошо знающий жизнь, людей.- Взят Минск.

16. 7. Воскр.

[...] татарин Федя, другой татарин и самарский солдат. Вообще русские пленные у нас часто все лето.

Взято Гродно.

20. 7. 44. Четв. Покушение на Хитлера.

Пухлые облака, все неприятн. погода. Вялость. Дико! Уже 5 лет живу в какой-то ан-

глийск. вилле! Привык как к своему дому.
Русские идут, идут.

21. 7.

Облака, прохладно. К вечеру стал чувствовать себя бодрее.

Опять перечитал "Отца Сергия" и "Декабр[истов]". Сколько замечательного в "Сергие"! В "Дек." кое-что ненужное, напр., обращения к читателю. (...]

22. 7. 44.

Сон про свою смерть. Сумерки, церковь, я выбирал себе могильное место.

Прекр. день, но мистраль. Самочувств. весь день лучше.

Перечитал "Смерть Ив. Ильича". Конец невразумителен. Все лживые, кроме самого Ив. Ильича – он слова, литература; все верно насчет него, но живого образа нет.

23.7.

Взят Псков. Освобождена уже вся Россия! Совершенно истинно гигантское дело! [...]

Звездные ночи. Млечный Путь фосфорически-дымный, будто студенистый. В его конце, почти над Эстерелем, мутные крупные звезды. И миллионы, миллионы звезд!

Под Брадами убито 30 т. немцев.

27. 7. 44. Четв.

Взяты Белосток, Станиславов, Львов, Двинск, Шавли и Режица. [...]

/8. 44. Вторник.

[...] 3/4 луны. Ходили бросать письмо о. Киприану – послал ему "Балладу".

Возле "Helios" на часах немец и русский пленный, "студент" Колесников. Поговорили. На прощание немец крепко пожал мне руку.

3.8.

5 алертов за день. Полнолуние.

Черчиль вчера сказал, что война кончится не позднее октября. Посмотрим.

10. 8. 44. Четверг.

[...] Вчера перечитывал (давно не читал) "Вост. повести" Лермонтова: "Измаил-Бей", "Ангел смерти" и т. д. Соверш. детский, убогий вздор, но с замечательными проблесками. [...]

12. 8. 44. Суб.

Два алерта. Первый в 11 ч. утра. Испытал впервые настоящий страх – ударили близко, в Mallose'e, потом на холмы против Жоржа – и тотчас начались пожары.

Прекр., уже оч. жаркий день.

15. 8. 44. Вторник. Успение.

Спал с перерывами, тревожно – все гудели авионы. С седьмого часа утра началось ужасающее буханье за Эстерелем, длившееся до полдня и после. В первом часу радио: началась высадка союзников возле Фрежюса. Неопишуемое волнение!

18. 8. 44. Пятн.

Взяли La Napoul (возле Cannes). Все время можно различить в море 6 больш. судов. То и дело глухой грохот орудий.

25. 8. 44. Пятница.

Все та же погода – жарко, сухо, жаркий вечер с востока, море все время в светлом белесом тумане.

День 23-го был удивительный: радио в 2 часа восторженно орало, что 50 тысяч партизан вместе с населением Парижа взяли Париж.

Вечером немцы «стали» взрывать что-то свое (снаряды?) в Грассе, потом на холмах против Жоржа начались взрывы в мелком лесу – треск, пальба, взлеты бенгальск. огней – и продолжались часа полтора. Сумерки были сумрачные, мы долго, долго смотрели на это

страшное и великолепн. зрелище с замиранием сердца. Ясно, что немцы бегут из Грасса!

На рассвете 24-го вошли в Грасс американцы. Необыкновенное утро! Свобода после стольких лет каторги!

Днем ходил в город – ликование неопишное. Множество американцев.

Взяты Cannes. Нынче опять ходил в город. Толпа, везде пьют (уже все, что угодно), пляски, музыка – видел в "Эстерели" нечто отчаянное-наши девчонки с америк. солдатами (все больше летчики).

В Париже опять были битвы,- наконец, совсем освобожден. Туда прибыл Де Голль.

Румыния сдалась и объявила войну Германии. Антонеску арестован. Болгария просит мира.

"Федя" бежал от немцев за двое суток до прихода американца, все время лежал в кустах, недалеко от пекарни, где он работал (по дороге в St. Jacques).

Прошли в Собор помолиться Маленькой Терезе, поблагодарить за спасение нас от возможных несчастий.

На нижнем базаре разгромлена парикма-

херская – все вдребезги. Первый раз видели погром. А у моей шляпницы – оказывается, она была за немцев,- в магазине окна выбиты, ничего не оставлено. Хозяева бежали с немцами, они итальянцы.

27-го августа. [...] Леня видел, как толпа вела женщин в одних штанах и нагрудниках, били по голове винтовкой [...] будто бы за то, что путались с немцами. Слава Богу, американские власти запретили публичное издевательство. [...]

По радио слышали ликование в Париже, крики, марсельезу. А когда получим вести? И какие? Бился весь Париж. [...]

[Бунин:]

26.8.44. Суб.

Все та же погода. Вчера весь вечер и нынче ночью грохот где-то возле Cannes.

3 часа. Все небо над Ниццей в густом желтоватом дыму – д. б., горят Cagnes, St. Laurent.

27. 8. Воскр.

Жарко. Гул авионон над нами.

30. 8. Среда.

Был у Кл[ягина]. Там сказали, что взята Ницца. То же сказал Бахрак, вернувшийся из

города. "Говорят, Ницца сошла с ума от радости, тонет в шампанском".

31. 8. Четв.

Все дни так жарко, что хожу полуголый. Оч. душно по ночам.

Перечитываю Гоголя – том, где "Рим", "Портрет"... Нестерпимое "плетение словес", бесконечные периоды. "Портрет" нечто соверш. мертвое, головное. Начало "Носа" патологически гадко – нос в горячем хлебе! "Рим" – задыхаешься от литературности и напыщенности...

А может быть, я еще побываю в Риме до смерти? Господи, если бы!

3. 9. 44. Воскр.

Союзники уже в Бельгии. Финны сдаются.

Прекрасный день, райские виды. И опять – та осень!

4.9.

[...] Нынче в 8 утра прекращены воен. действия между финнами и русскими. Взят Брюссель. Вошли в Голландию.

5.9. Вечер.

Россия объявила войну Болгарии. День был прохл.

7. 10. 44. Суб.

Сентябрь был плохой. Вчера и нынче буря, ливни, холод, да такой, что нынче вечером повесил на окна занавески.

Уже давно, давно все мои бывшие радости стали для меня мукой воспоминаний!

Полночь с 22 на 23 окт. 44.

Роковой день мой – уже 75-й год пойдет мне завтра. Спаси, Господи.

Завтра в 8 утра уезжает Бахрак, проживший у нас 4 года. 4 года прошло!

Холодная ночь, блеск синего Ориона. И скоро я никогда уже не буду этого видеть. Приговоренный к казни.

1.XII.44. Пятница.

[...] Спаси, Господи. Боюсь болезни, все хочу начать здоровее жить.

По ночам кричат филины. Точно раненый, которого перевязывают или которому запускают что-нибудь в рану:

– Уу! (тоска и боль). И залиvisto гулко:

– У-у-у!

Русские все стали вдруг красней красного. У одних страх, у других холопство, у третьих – стадность. "Горе рака красит!"

1945

1. I. 1945. Понед.

Сохрани, Господи.- Новый год.

Уже с месяц болевая точка в конце печени при некоторых движениях. Был долгий кашель, насморк, грипп.

Топлю по вечерам. Вера сидит у меня, переписывает на машинке некоторые мои вещи, чтобы были дубликаты. И еще, еще правлю некотор. слова.

Очень самого трогает "Холодная осень". Да, "великая октябрьская", Белая армия, эмиграция... Как уже далеко все! И сколько было надежд! Эмиграция, новая жизнь – и, как ни странно, еще молодость была! В сущности, удивительно счастливые были дни. И вот уже далекие и никому не нужные. "Патриоты", "Amis de la patrie sovietique"... (Необыкновенно глупо: "Советское отечество"! Уж не говоря о том, что никто там ни с кем не советуется.) [...]

12. 2. 45. 121/2 ночи.

Бедная, трогательная посылочка от Н. И. Кульман – соверш. необыкновенная женщи-

на! Вечером прошелся, бросил ей открытку – благодарность. Холодно, мириады бледных белых точек, звезд; выделяются яркой, крупной белизной звезды Ориона.

Все перечитываю Пушкина. Всю мою долгую жизнь, с отрочества не могу примириться с его дикой гибелью! Лет 15 т. н. я обедал у какой-то герцогини в Париже, на обеде был Henri de Renier²⁴² в широком старомодном фраке, с гальскими усами. Когда мы после обеда стоя курили с ним, он мне сказал, что Дантес приходится ему каким-то дальним родственником – и: "que voulez-vous? Дантес защищал свою жизнь!" Мог бы и не говорить мне этого.

23. 2. 45.

Кажется, началось большое наступление союзников на Кёльн.

Взята Познань.

Какая-то годовщина "Красной армии", празднества и в России и во Франции... Все сошли с ума (русские, тут) именно от побед этой армии, от "ее любви к родине, к жертвенности". Это все-таки еще не причина. Если так рассуждать, то ведь надо сходиться с ума и от

немцев – у них и победы были сказочные чуть не четыре года, и "любви к родине и жертвенности" и было, и есть не меньше. А гунны? А Мамай?

Чудовищное разрушение Германии авионами продолжается. Зачем немцы хотят, чтобы от нее не осталось камня на камне, непостижимо!

Турция объявила войну ей и Японии.

24. 2. 45. Суббота.

В 10 вечера пришла Вера и сказала, что Зуров слушал Москву: умер Толстой. Боже мой, давно ли все это было – наши первые парижские годы и он, сильный, как бык, почти молодой!

25.2.45.

Вчера в 6 ч. вечера его уже сожгли. Исчез из мира совершенно! Прожил всего 62 года. Мог бы еще 20 прожить.

26.2.45. Урну с его прахом закопали в Новодевичьем.

24. 3. 45. Суббота.

Полночь. Пишу под радио из Москвы – под "советский" гимн. Только что говорили Лондон и Америка о нынешнем дне, как об исто-

рическом – "о последней битве с Германией", о громадном наступлении на нее, о переправе через Рейн, о решительном последнем шаге к победе. Помоги, Бог! Даже жутко!

Берлин били прошлую ноч. 32-ую ночь подряд.

Вчера были именины Г. Как-то отпраздновала. Боже мой!

14. IV. 45.

Вчера: взятие Вены.

Смерть Рузвельта.

16. IV. 45. Понедельник.

Вышел вечером, в 10-м часу – совсем золотой рог молодого месяца над пиниями возле часовни. Ходил на дорогу, немного дальше спуска в город.

1946

14 / I октября 46 г. Покров. Рождение Веры.
Все думаю, какой чудовищный день послезавтра в Нюрнберге.²⁴³ Чудовищно преступны, достойны виселицы – и все-таки душа не принимает того, что послезавтра будет сделано людьми. И совершенно невозможно представить себе, как могут все те, которые послезавтра будут удушены как собаки, ждать этого часа, пить, есть, ходить в магазин, спать эти две их последние ночи на земле...

1949

В ночь с 2 на 3 октября.

Все одни и те же думы, воспоминания. И все то же отчаяние: как невозвратно, непоправимо! Много было тяжелого, было и оскорбительное – как допустил себя до этого! И сколько прекрасного, счастливого – и все кажется, что не ценил его. И как много пропустил, прозевал – тупо, идиотски! Ах, если бы воротить! А теперь уже ничего впереди – ка-лека и смерть почти на пороге.

1951

1 /14 октября 1951 г. Париж.

Дай тебе, Господи, еще много лет и здоровья, драгоценная моя!

1953

[В ночь с 27 на 28 января 1953 Бунин, уже изменившимся почерком записал на листке, вырванном из тетради:]

– Замечательно! Все о прошлом, о прошлом думаешь и чаще всего все об одном и том же в прошлом: об утерянном, пропущенном, счастливом, не оцененном, о непоправимых поступках своих, глупых и даже безумных, об оскорблениях, испытанных по причине своих слабостей, своей бесхарактерности, недалёковидности и о неотмщенности за эти оскорбления, о том, что слишком многое, многое прощал, не был злопамятен, да и до сих пор таков. А ведь вот-вот все, все поглотит могила!

23 Февраля 53.

Вчера Алданов рассказал, что сам Алешка Толстой говорил ему, что он. Т., до 16 лет носил фамилию Бострэм,²⁴⁴ а потом поехал к своему мнимому отцу графу Ник. Толстому и упросил узаконить его – графом Толстым.

2 мая 53 г.

Это все-таки поразительно до столбняка!

Через некоторое очень малое время меня не будет – и дела и судьбы всего, всего будут мне неизвестны! И я приобщусь к Финикову, Роговскому, Шмелеву, Пантелеймонову!.. И я только тупо, умом стараюсь изумиться, утрашиться!